

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

ВЕСТНИК РГГУ
№ 9 (52)/10

Научный журнал

Серия «Филологические науки.
Языкознание»

Московский лингвистический журнал
Том 12

Москва 2010

УДК 1(07)
ББК 87я7

Главный редактор
Е. И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д. П. Бак

Ответственный секретарь
Б. Г. Власов

Главный художник
В. В. Сурков

Серия
«Филологические науки. Языкознание» /
Московский лингвистический журнал

Редакционная коллегия серии:

С.И. Гиндин (главный редактор серии)
Н.Г. Семенова (ответственный секретарь серии)
А.В. Дыбо
О.А. Казакевич
Г.Е. Крейдлин
М.А. Кронгауз
Р.И. Розина
М.Б. Рукодельникова
Я.Г. Тестелец
Э.М. Шаляпина

ISSN 1998-6769

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2010

Содержание

Теоретические и описательные исследования

В.Т. Дзахова
Об осетинском ударении.....9

А.А. Елистратов
Лексико-семантические параллели между жаргоном спортсменов
и жаргоном наркоманов..... 27

А.Г. Кадыкова, Г.Е. Крейдлин
Части тела в русском языке и в русской культуре: признак «цвет».....47

А.С. Красникова
Диакронические изменения и проблема тождества текста.....65

М.А. Опалева
Эгоцентрическая речь в диалогах детей дошкольного возраста.....75

Н.Г. Семенова
Текстуальная зависимость переводов одного произведения в
условиях их неофициального и анонимного бытования текстов
(к истории двух русских переводов эпопеи Дж.Толкина «The Lord
of the Rings»)..... 87

И.В. Сушкова
Лексические проблемы перевода православных богослужебных
текстов на русский язык.....103

Прикладные разработки

К.И. Демич, А.В. Костыркин, Э.М. Шаляпина
РАМЕЯ/и – автоматизированное рабочее место лингвиста
для иероглифических языков..... 117

М.С. Кит
О стратегии построения высокоэффективных сетевых словарей
(на примере разработки словаря LexSite).....149

Историография лингвистики

О. А. Волошина
О структуре и лингвистической терминологии грамматики
Панини и ее влиянии на европейскую лингвистику..... 161

Е. А. Иванова Годы учения А.А. Реформатского: Московский университет.....	173

Лингвистика в кругу наук

Из материалов Чтений памяти Г.А.Ткаченко

М.Б. Рукодельникова О Григории Александровиче Ткаченко и о научных чтениях его памяти.....	180
В.В. Глебкин Эмоции как междисциплинарный феномен.....	186
Т.В. Ивченко «Малая наука» Чжу Си и принципы формирования личности: на грани текстологии и дидактики.....	220
О.Б. Христофорова К вопросу о семантике антропоморфных изображений у северных самодийцев.....	230

Проблемы лингвистического образования

Т.Ю. Кобзарева Дешифровка линейной структуры русского предложения. (Программа спецкурса для студентов-лингвистов).....	240

Лингвистические источники и справочные материалы

О.О. Багеева Письма малограмотных авторов XXI века – источник для изучения пунктуационного узуса. Публикация 2-я.....	273
Л.Л. Шестакова Литература по русской авторской (писательской) лексикографии за 2000–2008 гг.....	297
Abstracts.....	342
Сведения об авторах.....	347
Our authors.....	349

Table of Contents

Theories and Descriptions

Veronika T. Dzahova On Stress in the Ossetian Language.....	9
A.A. Yelistratov Lexical and Semantic Parallels between Sportsmen's Slang and Drug Addicts' Slang.....	27
Anna G. Kadykova, G.E. Kreidlin Parts of body in the Russian language and culture: "Colour" feature.....	47
Anna .S. Krasnikova Diachronic changes and the problem of text Identity.....	65
Maria A. Opaleva Egocentric speech in dialogues between preschool children.....	75
Natalya G. Semenova Textual dependence between different translations of the same work in the situation of unofficial and anonymous distribution (the case of <i>Lord of the Rings</i> ' translations).....	87
Irina V. Sushkova The lexical problems of translating the orthodox liturgical texts into Modern Russian.....	103

Applications

K.I. Demich, A.V. Kostyrkin, Zoya M. Shalyapina RAMEYA/i – Computer Workstation for Linguists Specializing in Ideographic Languages: General Outline.....	117
M.S. Kit On High-Performance Online Dictionaries: the Case of LexSite Dictionary Development Example.....	149

Historiography

Oksana A. Voloshina The grammar by Panini and the European Linguistics.....	161

Elena A. Ivanova Aleksandr Reformat'skij's years of apprenticeship: the Moscow University.....	173

Linguistics among Other Sciences

From the Papers of Grigorij Tkachenko Readings

Maria B. Rukodelnikova Grigorij Tkachenko and traditional Tkachenko Readings.....	180

V.V. Glebkin Towards an interdisciplinary theory of emotions.....	186

T.V. Ivchenko Zhu Xi's «Small Learning» and the principles of the self building: on the border of text analysis and didactics.....	220

Olga B. Khristoforova On the issue of semantics of humanlike images among the Northern Samoyed.....	230

Problems of Linguistic Education

Tatyana Yu. Kobzareva Decoding linear structure of the Russian sentence (the Curriculum for Students in Linguistics).....	240

Linguistic Sources & Reference Materials

Olga O. Bageeva The letters of semiliterature authors of the early XXI century– a source for the study of punctuation usage. The Second Part.....	273

Larisa L. Shestakova Russian Author's (Writer's) Lexicography in 2000–2008: Materials for the Bibliographic Guide.....	297

Abstracts.....	342

Our authors.....	349

В.Т. Дзахова

Об осетинском ударении¹

Цель статьи – дополнить традиционное описание словесного ударения в осетинском (иронском) литературном языке новыми данными, полученными с помощью современных средств анализа звучащей речи, а также основанных на анализе восприятия ударения в осетинских словах носителями осетинского языка. В частности, впервые описываются функции осетинского ударения, а также высказывается предположение об отсутствии в осетинском языке качественной редукции гласных.

Ключевые слова: осетинский язык, фонетика, длительность гласных, интенсивность гласных, редуция безударных гласных, словесное ударение.

В лингвистической литературе при описании словесного ударения принято различать несколько сторон этого фонетического супraseгментного явления, а именно:

- место ударения в слове;
- подвижность ударения;
- функции ударения;
- акустические характеристики ударения.

Поскольку вопрос о природе, функциях и характеристиках осетинского ударения слабо освещен в научной литературе (в частности, отсутствуют сведения о функциях и акустических характеристиках ударения), оно стало предметом специального исследования с применением современных компьютерных средств анализа звучащей речи, а также с привлечением аудиторов-носителей языка для выявления перцептивных характеристик осетинского словесного ударения. Вниманию читателей в данной статье предлагаются результаты исследования первых трех аспектов данного явления в осетинском (иронском) литературном языке.

Место ударения

Подробные правила акцентуации осетинских слов можно найти в «Грамматическом очерке» В.И.Абаева², «Очерке фонетики осетинского литературного языка» М.И.Исаева³, «Грамматике осетинского языка»⁴ и в учебнике «Современный осетинский язык»⁵ Н.К. Багаева. Кратко их можно представить в следующем виде:

1. Ударение в осетинских словах может падать только на первый или второй слог. Дальше второго слова ударение падает только в словах-заимствованиях из русского языка.

2. Если в первом слоге сильный гласный (а, е, и, о, у), а во втором слабый (ы, æ), то ударение падает на первый слог. Слова-исключения из этого правила: *аб'ырæг* /abɛɾzɣ/ «абрек», *хал'ыввæ* /χalɛv:z/ «вартушка», *мах'ымæ* /maχšɛmz/ «квас», *агу'ывзæ* /agwɛvʒz/ «стакан», *бас'ылыхъхъ* /bašɛlɛq/ «башлык», *из'æp* /iʒzɣ/ «вечер», *из'æp* /igzɣ/ «печень», *бий'ын* /bijɛn/ «плести», *Ир'ыстон* /irɛʂton/ «Осетия», *сий'ын* /šijɛn/ «замерзать» и некоторые другие. Если в первом слоге слабый гласный, а во втором сильный, то ударение падает на второй слог.

3. Если в обоих первых слогах сильные гласные, то ударение падает чаще всего на первый слог. Исключение составляют слова *ир'он* /iron/ «осетин», *хъаб'ахъ* /qabaq/ «мишень», *хъат'ара* /qatara/ «патронташ», *хъад'аман* /qadaman/ «кандалы», *хъаз'ахъхъаг* /qazɛqag/ «казак», *хаб'ар* /Xabar/ «весть», *хъаз'ар* /qazɛr/ «дорогой», *хар'у* /χaru/ «каша», *цагъ'ар* /saɣar/ «раб», *цагъ'айраг* /saɣajrag/ «раб», *баб'а* /baba/ «дедушка», *нан'а* /nana/ «бабушка», *дад'а* /dada/ «папа» и некоторые другие, представляющие собой в большинстве случаев заимствования.

4. В словах и комплексах со слабыми гласными в обоих первых слогах ударение, как правило, падает на второй слог. Исключением из этого правила являются слова *зм'æлын* /ʒmzɛlɛn/ «шевелиться», *зд'ыхсын* /ʒdɛχšɛn/ «скручиваться», *скъ'æрын* /škʁɛn/ «гнать», *м'ысын* /mɛšɛn/ «вспоминать», *с'ыстын* /šɛštɛn/ «встать», *р'æзын* /rɛʒɛn/ «расти», в которых, вопреки закономерности, ударным является второй гласный. М.И. Исаев объясняет такое «нарушение» правил тем, что эти глаголы раньше имели вначале протетический гласный *ы* (или *æ*). Значит, нынешний первый слог был исторически вторым. Об этом свидетельствует и дигорский диалект, где этот гласный сохраняется (*имисун, ирæзун...*)⁶. Кроме того, ударение на первый слог падает и в словах *уымæй* /wɛmɛj/, *уымæн* /wɛmɛn/,

уыдон /wədon/ и других косвенных падежах личного указательного местоимения *уый* /wəj/ «он», а также в наречии *уырдаэм* /wərdəm/ «туда», Исключения составляют также слова, начинающиеся с приставки *с-*: *с'æмбæлын* /ʃzmbzlən/ «встретиться», *с'æвæрын* /ʃzvzrən/ «положить» и т.д. «Объясняется это, на наш взгляд тем, – пишет Н. К. Багаев, – что имеется стяжение двух слабых гласных – *ы* приставки *сы-* и начального слабого гласного *æ* (*ы*) глаголов <...>. Возможно, что раньше приставка была не *с-* или *сы-*, а *ыс-*, и тогда ударяемый слог был вторым. С отпадением начального гласного приставки ударение сохранилось на своем месте»⁷.

Все перечисленные выше правила позволяют охарактеризовать осетинское ударение как связанное, поскольку оно может падать только на первый или второй слог.

Наличие правил акцентуации предполагает, что, по крайней мере, у образованных носителей языка не должно возникать трудностей с акцентуацией слов. Однако в осетинском языке дело обстоит не совсем так. Анализ озвученного словаря осетинского языка, в котором каждое слово произносилось двумя нормативными дикторами – мужчиной и женщиной, выявил 108 слов, в которых дикторы по-разному поставили ударение (см. Приложение). Только в пяти случаях слова представляли собой исключения из правил (*абырæг*, *агуывзæ*, *хару*, *хъатара*, *мысын*). Другие слова в представленных в литературе списках слов-исключений не встречаются. При отсутствии орфоэпического словаря и утрате носителями языка ощущения слова как заимствования определить правильное место ударения в остальных словах не представляется возможным. Определенную путаницу вносит и вышедший в 2002 году орфографический словарь осетинского языка «Ирон орфографон дзырдурат», в котором неправильно расставлены ударения⁸. Причиной колебания в постановке ударения, на наш взгляд, может быть возможность переноса словесного ударения со второго слога на первый при вхождении слова в синтагму, а также при желании выделить слово как определенное, т.е. подвижностью осетинского словесного ударения.

Подвижность ударения

Говоря о подвижности или неподвижности словесного ударения, подразумевают его способность сохранять свое место в слове при словоизменении. Ответ на вопрос о подвижности или неподвижности осетинского ударения тоже можно найти

в указанных выше источниках. Так, В.И. Абаев отмечал, что перенос ударения со второго слога на первый выполняет ту же функцию, что и определенный артикль в немецком языке: *бæл'ас* («какое-то дерево») – *б'æлас* («определенное дерево») и т.д.⁹. Замечания Дж. Чёнга о том, что «использование определенности <...> в современном иронском либо находится на грани отмирания, либо уже полностью вышло из употребления»¹⁰, не соответствуют реальности. Надо отметить, что и в современном осетинском (иронском) языке перенос ударения продолжает выполнять функцию определенности.

Перемещение ударения возможно в осетинском языке также при прибавлении приставок, суффиксов и окончаний. Так, если в исходном слове ударение падает на первый слог, при прибавлении приставки с сильным гласным ударение перейдет на приставку, а при присоединении приставки со слабым гласным ударение останется на месте: *фысс* «Пиши!» – *б'афысс*, но *æрф'ысс*. Если в исходном слове ударение падает на второй слог, то при присоединении приставки ударение перейдет либо на приставку, если в ней сильный гласный, либо на первый слог исходного слова, если в приставке гласный слабый: *хæр'ын* «есть» – *б'ахæрын* «съесть», *æвз'арын* «выбирать» – *р'авзарын* «выбрать», *цæр'æн* «жилище» – *æмдз'æрæн* «общежитие» и т.д.

При словоизменении и словообразовании односложных слов со слабым гласным путем присоединения к ним суффиксов и флексий, ударение передвигается на второй слог: *бæх* «лошадь» – *бæхдж'ын* «на лошади», *бæх'ы* «лошади»; *сæр* «голова» – *сæрт'æ* «головы», *сæр'ыл*; *кæриц* «шуба» – *кæриц'ытæ* «шубы» и т.д.

Во всех этих случаях перенос ударения с одного слога на другой подчиняется правилам акцентуации, изложенным выше и связанным с качеством гласного первого и второго слога вновь образованного слова. Сам факт переноса ударения говорит о подвижности осетинского словесного ударения.

Функции ударения

Словесное ударение может обладать кульминативной (объединяющей), делимитативной (разграничительной), дифференцирующей (словоразличительной) и конститутивной (словоопознавательной) функциями¹¹.

Кульминативная функция заключается в том, что ударный слог образует ядро, вершину слова, объединяя вокруг себя безударные слоги.

Делимитативная функция характерна для фиксированного ударения, поскольку позволяет провести границы между словами.

Дифференцирующая функция ударения наглядна видна на примере слов *мук'а* – *м'ука*, в которых дифференциация значения связана с местом ударения в слове.

Конститутивная функция проявляется в том, что ударение является обязательной принадлежностью слова, и отсутствие ударения или неправильная постановка ударения искажает слово так же, как изменения комбинации звуков, характерных для данного слова.

Рассмотрим, какие из перечисленных функций, и в какой мере характерны для осетинского ударения.

Кульминативная функция подразумевает выделение ударного слога за счет усиления его характеристик и ослабления этих характеристик в соседних слогах. Именно таким образом достигается контраст между ударным и безударными слогами. Утрата безударными слогами своих определенных характеристик называется редукцией. О кульминативной функции можно говорить тогда, когда контраст между ударным и окружающими его безударными слогами ярко выражен, ударение сильно центрировано и образует просодическую вершину в слове. Ударный гласный в языках с кульминативной функцией ударения является гласным полного образования, в отличие от безударных гласных, которые, подвергаясь редукции, становятся гласными неполного образования. Если же между ударным и безударными слогами нет сильно выраженного контраста, нет редукции безударных гласных, то ударение является слабо центрированным и ему, скорее всего, не свойственна кульминативная функция.

Чтобы выяснить, обладает ли осетинское ударение кульминативной функцией, необходимо было сопоставить физические характеристики ударных и безударных гласных, а именно, длительность и интенсивность, а также провести эксперимент по восприятию выделенных из реально произнесенных слов слогов с ударными и безударными гласными. Надо отметить, что длительность и интенсивность гласных уже были предметом экспериментального исследования В.С. Соколовой¹². Основной задачей ее исследования было выяснение того, в какой мере деление гласных на сильные и слабые подкреплено противоположением их по долготе, иными словами, различаются ли сильные и слабые гласные по долготе, и в какой степени.

В.Т. Дзахова

Основной задачей нашего исследования является выявление наличия или отсутствия контраста ударных и безударных гласных по длительности и интенсивности. Исходная гипотеза заключалась в том, что сильный контраст длительности и интенсивности ударных и безударных гласных, а также плохое опознание безударных гласных будет свидетельствовать о значительном контрасте ударных и безударных гласных и о редукции безударных гласных, что следует трактовать как сильно центрированное ударение.

Анализ длительности и интенсивности гласных осетинского (иронского) языка проводился с помощью осциллограмм слов в записи 8 дикторов. При этом выяснялась средняя длительность и интенсивность каждого гласного, а также влияние на эти параметры положения гласного относительно ударения. Анализ выявил, что гласные *ы* и *æ* являются самыми краткими в произнесении всех восьми дикторов. Длительность гласного *ы* колеблется от 58 до 134 мс, длительность гласного *æ* - от 65 до 169 мс. Далее по мере увеличения средней длительности в произнесении всех дикторов следуют гласные *и* и *е*. Средняя длительность гласного *и* у разных дикторов меняется в диапазоне 107-230 мс, гласного *е* - 108-236 мс. Самыми длительными являются гласные *а*, *о*, *у*. Длительность гласного *а* изменяется от 130 до 257 мс, гласного *о* - от 128 до 274 мс, гласного *у* - от 136 до 300 мс. Поскольку длительность гласного зависит от темпа речи, который существенно рознится у разных дикторов, выясним относительную длительность каждого гласного для каждого диктора.

У диктора №1 средняя длительность гласного равна 208 мс. Относительно этой величины длительности всех гласных распределились следующим образом: *ы* - 55%, *æ* - 65%, *е* - 96%, *и* - 111%, *о* - 117%, *а* - 121%, *у* - 136%.

У диктора №2 средняя длительность звука составляет 106 мс. Относительные длительности гласных распределились следующим образом: *ы* - 55%, *æ* - 61%, *и* - 101%, *е* - 104%, *о* - 121%, *а* - 124%, *у* - 134%.

У диктора №3 средняя длительность гласных равна 141 мс. Гласные имеют следующие относительные длительности: *ы* - 58%, *æ* - 73%, *и* - 101%, *е* - 112%, *у* - 116%, *о* - 118%, *а* - 121%.

У диктора №4 средняя длительность гласного равна 229 мс. Относительно этой средней величины длительности гласных распределились следующим образом: *ы* - 59%, *æ* - 74%, *и* - 101%, *е* - 103%, *а* - 112%, *о* - 120%, *у* - 131%.

У диктора №5 средняя длительность звука составляет 153 мс. Относительные длительности гласных распределились сле-

дующим образом: ы – 44%, æ – 64%, е – 108%, и – 114%, о – 117%, а – 120%, у – 133%.

Средняя длительность гласных звуков в произнесении диктора №6 равна 123 мс. Относительные длительности отдельных гласных составляют: ы – 60%, æ – 80%, е – 95%, и – 110%, а – 111%, у – 119%, о – 125%.

Средняя длительность гласных у диктора №7 равна 114 мс. Относительные длительности распределились следующим образом: ы – 61%, æ – 77%, е – 95%, и – 111%, у – 119%, о – 119%, а – 119%.

У диктора №8 средняя длительность гласных равна 148 мс. Гласные имеют следующие относительные длительности: ы – 68%, æ – 74%, е – 105%, и – 107%, у – 113%, а – 114%, о – 118%.

Таким образом, опираясь на данные компьютерного анализа осциллограмм можно уверенно сказать, что гласные æ, ы существенно отличаются по длительности от всех остальных гласных осетинского (иронского) языка, являясь краткими. Если сопоставить полученные данные с данными В.С. Соколовой, то можно заметить существенное расхождение. По данным В.С. Соколовой гласный æ в большинстве фонетических положений сливался по длительности с сильными гласными и существенно отличался от гласного ы, который, по мнению В.С. Соколовой, являлся редуцированным. Такое расхождение результатов свидетельствует о дальнейшем развитии фонетических процессов в осетинском (иронском) языке и о сближении гласных ы и æ по длительности друг с другом.

Таблица 1. Относительные длительности гласных осетинского (иронского) языка.

	диктор №1	диктор №2	диктор №3	диктор №4	диктор №5	диктор №6	диктор №7	диктор №8
ы	55	55	58	59	44	60	61	68
æ	65	61	73	74	64	80	77	74
е	96	104	112	103	108	95	95	105
и	111	101	101	101	114	110	111	107
о	117	121	118	120	117	125	119	118
а	121	124	121	112	120	111	119	114
у	136	134	116	131	133	119	119	113

Следующей задачей было выяснение того, как влияет на длительность гласного его положение относительно ударения. Анализ длительностей ударных и безударных гласных выявил, что длительности гласных, находящихся под ударением, незначительно выше, чем длительности аналогичных гласных

В.Т. Дзахова

вне ударения. Соотношение длительности ударных вариантов гласных *a*, *e*, *и*, *у* к неударным вариантам составляет 1.1, гласного *o* – 1.2, гласного *ы* – 1.3, гласного *æ* – 1.4. Как видно из полученных данных, наибольшим изменениям подвержены длительности кратких гласных *æ* и *ы* (см. рис. 1).

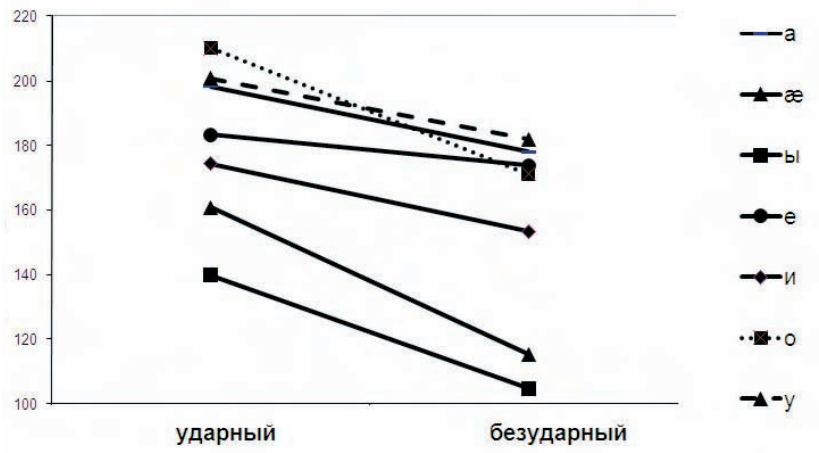

Рис. 1. Длительности ударных и безударных гласных осетинского языка.

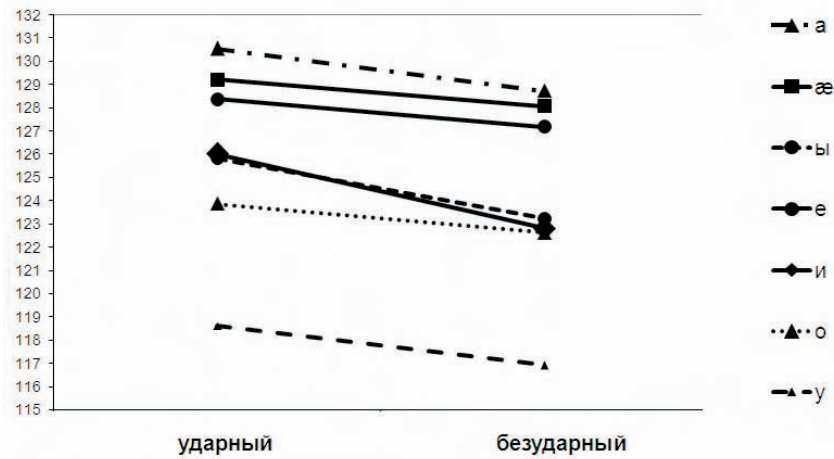

Рис. 2. Интенсивность ударных и безударных гласных осетинского языка

Рассмотрим, как ударение влияет на интенсивность гласного.

Самым слабым по интенсивности гласным в произнесении всех дикторов является гласный заднего ряда верхнего подъема *y*. Абсолютная интенсивность этого гласного колеблется у разных дикторов от 108 до 132 dB. Средняя интенсивность гласного *y* равна 118 dB. По мере увеличения средней интенсивности остальные гласные расположены в следующем порядке: *o* (123 dB), *u* (124 dB), *ы* (125 dB), *e* (128 dB), *æ* (129 dB), *a* (130 dB). Анализ показал незначительное увеличение интенсивности всех ударных гласного по отношению к безударным – в среднем в 1.01 раза.

Таким образом, анализ акустических характеристик ударных и безударных гласных выявил между ними слабый контраст: в среднем длительность ударного гласного в 1.2 раза превышает длительность безударного, а интенсивность – в 1.01 раз.

На следующем этапе анализировалось восприятие ударности/ безударности гласных. Материалом исследования послужили 117 ударных и безударных гласных, вырезанных из цифровой записи слов в чтении 3 дикторов – носителей осетинского литературного языка. Стимулы предъявлялись для опознания 78 аудиторам, 55 из которых были носителями осетинского литературного языка, а 23 – носители русского языка. Аудиторы должны были в розданных им анкетах отметить услышанный стимул одной из букв – *a, e, u, o, y, ы, æ*. Полученное для каждого стимула фонемное отображение оценивалось по *t*-критерию Стьюдента. Сравнение критерия *t* фактического и *t* теоретического позволяет определить отношение между частотой и вероятностью полученных ответов. В случае, если *t* фактическое больше *t* теоретического, это трактуется как существенная разница и позволяет говорить, что ответы носят не случайный характер. Если *t* фактическое меньше *t* теоретического, то ответы носят случайный характер. Исходная гипотеза заключалась в том, что при наличии редукции гласных безударные гласные будут оцениваться плохо, а правильное опознание будет свидетельствовать об отсутствии редукции. Полученные данные анализировались по каждому гласному отдельно, затем рассматривалось восприятие стимулов отдельно по мужским голосам и отдельно по женским. Следует отметить, что для всех гласных, кроме гласного *æ*, априорная вероятность правильного опознания составляла 0.5. Для гласного *æ* она составляла 0.33, поскольку по формантным характеристикам

В.Т. Дзахова

он находится между гласными *а* и *ы*. Рассмотрим результаты анализа восприятия.

Гласный а. Ударный гласный *а* правильно опознан носителями осетинского языка в 71 %, что говорит о достоверности ответов. Безударный гласный *а* плохо опознавался носителями осетинского языка. Процент правильного опознания – 41 % – говорит о том, что носители осетинского языка не узнают безударный *а*. В 46 % *а* опознавался как *æ*, однако и эти ответы носят случайный характер.

Носители русского языка хорошо опознают как ударный, так и безударный *а*, хотя ударный намного лучше: ударный *а* опознан в 92 %, а безударный – в 72 %.

Гласный æ. Аудиторы обеих групп плохо опознают гласный *æ*. Ударный *æ* был в неслучайном большинстве ответов (в 45 %), определен как *ы*. Безударный *æ* носители осетинского языка склонны определять скорее как *æ*, чем *ы* и *а*, но ответы носят случайный характер.

Носители русского языка в большинстве случаев затруднялись определить качество услышанного стимула. В 28 % *æ* ударный был определен ими как *а*. Безударный *æ* чаще определялся ими как *а* – в 33 %. С точки зрения *t*-критерия Стьюдента ответы носят случайный характер.

Гласный ы. Носителями осетинского языка гласный *ы* довольно хорошо опознавался как в ударной, так и в безударной позициях (70 % и 45 % соответственно).

Носители русского языка затрудняются определить качество звука. Ударный *ы* правильно опознан ими в 20 %, безударный – в 7 %.

Гласный и. Носители осетинского языка правильно опознали ударный гласный в 91 % случаев, безударный – в 92 %.

Носители русского языка тоже без труда опознавали гласный *и*: 91 % в ударной позиции и 93 % в безударной.

Гласный е. Ударный *е* хорошо опознается носителями осетинского языка, о чем свидетельствуют 57 % правильных ответов. Безударный *е* опознается носителями осетинского языка в 49 %, однако, с точки зрения *t*-критерия Стьюдента эти ответы носят случайный характер.

Носители русского языка тоже склонны определять стимул в большинстве случаев как гласный *е* (в 54 % ударный и в 49 % безударный), но и эти ответы носят случайный характер.

Гласный о. Ударный *о* в 41 % случаев определен носителями языка как *о*, в 48 % – как *у*. Эти данные означают, что носители

осетинского языка не могут однозначно определить качество стимула.

Носители русского языка в 49 % определяют стимул как *o*, в 46 % – как *y*. Эти ответы тоже носят случайный характер.

Очень хорошо опознавался аудиторами обеих групп безударный гласный *o*: носители осетинского языка опознали его в 73 %, носители русского языка – в 83 %.

Гласный *y*. Ударный гласный *y* правильно опознан носителями осетинского языка в 83 %, носителями русского языка в 85 %.

Безударный *y* тоже правильно опознан аудиторами обеих групп в неслучайном большинстве ответов: носители осетинского языка опознали его в 76 %, носители русского языка – в 70 %.

Всего в произнесении женщин опознано 58 % гласных *ы*, 33 % гласных *æ*, 44 % гласных *a*, 100 % гласных *и*, 50 % гласных *e*, 33 % гласных *o*, 73 % гласных *y*.

В произнесении дикторов-мужчин опознано 100 % реализаций гласных *и*, *e*, *o*, 67 % реализаций гласного *æ*, 60 % – гласного *a*, 83 % гласного *y*, 67 % реализаций гласного *ы*.

Как выяснилось в ходе анализа, по-разному воспринимались стимулы носителями осетинского и русского языков. Это вполне логично объясняется различиями в фонологических системах этих двух языков.

В фонологической системе осетинского (иронского) литературного языка гласный *a* по акустическим характеристикам расположен близко к гласному *æ*, о чем свидетельствуют его формантные характеристики. Можно предположить, что именно поэтому носители осетинского языка хорошо опознают ударный гласный *a*, и плохо опознают безударный *a*, который теряет часть своей длительности, приближаясь, таким образом, к гласному *æ*.

В фонологической системе русского языка нет гласных, близко расположенных к гласному *a*. Поэтому аудиторы-носители русского языка безошибочно определяют гласный *a* в неслучайном большинстве ответов.

Гласный *æ* в фонологической системе осетинского языка расположен по своим акустическим характеристикам близко к гласным *a* и *ы*. Это подтверждается и ответами аудиторов. У носителей осетинского языка есть возможность выбрать из трех вариантов: *æ*, *ы*, *a*. При опознании ударного *æ* они в большинстве случаев выбирают вариант *ы*, а безударный *æ*, теряющий часть своей и без того малой длительности, опознается ими случайно.

В русском языке фонема *æ* отсутствует. Поэтому носители русского языка склонны опознавать и ударный и безударный *æ* как *a*, хотя ответы их носят случайный характер. Определенно можно сказать, что они не опознают в осетинском гласном *æ* фонему *ы*, что подтверждает существенное акустическое различие между осетинским *æ* и русским *ы*.

У осетинского гласного *ы* есть близко расположенный в треугольнике гласных звук – *æ*. Поэтому носители осетинского языка имеют возможность выбора из двух вариантов. Однако ответы носителей языка показали, что они хорошо опознают как ударный, так и безударный *ы* в неслучайном большинстве случаев. В русском языке тоже есть гласный *ы*. Если предположить, что осетинский *ы* похож на русский по акустическому эффекту, то и носители русского языка правильно бы опознавали осетинский *ы*. Однако этого не произошло. Носители русского языка не смогли определить качество осетинского *ы*, что еще раз подтверждает существенные отличия этих гласных в двух языках.

Формантные характеристики осетинского гласного *и* сильно пересекаются с характеристиками гласного *е*. Можно было предположить, что это будет мешать правильному опознанию этих гласных носителями осетинского языка. В действительности оказалось, что гласный *и* в подавляющем большинстве ответов правильно опознан как в ударной, так и в безударной позиции, как носителями осетинского языка, так и носителями русского языка. Гласный *е* носителями осетинского языка опознан несколько хуже, однако количество правильных ответов говорит об их неслучайности. Носители русского языка хорошо опознали ударный *е*, в то время как определить качество безударного *е* они затруднялись.

Гласный *о* в осетинском языке расположен близко к гласному *у*. В русском языке гласный *о* тоже имеет дифтонгический характер, начинаясь с *у*-образного призвука. Таким образом, в случае с опознанием гласного *о* у аудиторов была возможность выбрать из двух вариантов. Анализ ответов выявил, что ударный гласный *о* носители осетинского языка опознают в большинстве случаев не как *o*, а как *у*, хотя в целом ответы носят случайный характер. Носители русского языка, напротив, склонны опознавать ударный *о* правильно как /*o*/, хотя и их ответы носят случайный характер. Безударный *о* хорошо опознан аудиторами обеих групп.

Гласный *у* хорошо опознавался аудиторами обеих групп как в ударной, так и в безударной позициях.

Таким образом, подводя итоги восприятия гласных осетинского языка, можно сказать, что лучше всего опознаются носителями осетинского языка гласные *а* ударный, *ы* ударный, *и* ударный и безударный, *е* ударный и безударный, *у* ударный и безударный, *о* ударный и безударный. Плохо опознается гласный *æ* ударный и безударный, гласный *а* безударный и гласный *ы* безударный (см. табл. 2). Это может объясняться тем, что в треугольнике гласных фонема *æ* находится в среднем ряду между фонемами *а* и *ы*. Носители языка хорошо опознают рядность гласного, но затрудняются определить степень подъема, что говорит о тонкой градации этого признака.

Носители русского языка вполне естественно плохо опознают гласные *æ* и *ы*, поскольку в фонологической системе русского языка этих гласных нет. Надо отметить, что в фонологической системе русского языка вообще отсутствуют фонемы среднего ряда среднего подъема, что и затрудняет восприятие этих осетинских фонем. В целом следует признать, что на основании полученных данных нельзя сделать однозначный вывод о наличии в осетинском языке редукции безударных гласных. Так, безударные *и*, *е*, *о*, *у* опознавались довольно хорошо, почти так же, как и ударные. Случайное опознание гласных *а*, *æ*, *ы* может быть связано как с близостью их формантных значений, так и с количественной и качественной редукцией.

Для окончательного принятия решения о кульминативной функции осетинского ударения необходимо выяснить, определяют ли носители осетинского языка на слух место ударный гласный. Факт правильного опознания будет свидетельством того, что ударный гласный, несмотря на его незначительное отличие по длительности и интенсивности от безударного тем не менее, образует вершину слова. Напомним, что увеличение длительности ударного гласного по отношению к длительности безударного в среднем равно 1,2, интенсивности – 1,01.

Для выяснения данного факта аудиторам-носителям осетинского языка были предъявлены для слухового анализа 218 слов в записи двух нормативных дикторов, в которых по-разному было поставлено ударение. Аудиторы в предъявляемых им анкетах должны были поставить ударение в каждом прослушанном стимуле. Анализ ответов позволяет говорить о том, что носители осетинского языка хорошо опознавали место ударения в предъявленных стимулах. Всего 13 слов из 218 было опознано случайно. Это позволяет говорить о кульминативной функции осетинского ударения.

Табл. 2. Восприятие гласных осетинского языка

Гласный	Восприятие носителями осетинского языка	Восприятие носителями русского языка
<i>а</i> ударный	71	92
<i>а</i> безударный	41	72
<i>æ</i> ударный	35	15
<i>æ</i> безударный	36	19
<i>ы</i> ударный	70	20
<i>ы</i> безударный	45	6
<i>и</i> ударный	91	91
<i>и</i> безударный	92	93
<i>е</i> ударный	66	62
<i>е</i> безударный	57	54
<i>о</i> ударный	43	49
<i>о</i> безударный	73	83
<i>у</i> ударный	83	85
<i>у</i> безударный	76	70

Делимитативная функция также присуща осетинскому словесному ударению, поскольку оно является фиксированным. Надо, однако, учитывать, что в потоке речи отдельные слова соединяются в осетинском языке в синтагмы, внутри которых провести границы невозможно, так как часто слов теряет свое ударение. Поэтому, говоря о возможности проведения границ, мы подразумеваем, конечно же, границы фонетических слов. Определить границы отдельных слов в речевом потоке можно будет при условии точного описания правил деления осетинской фразы на синтагмы. Это облегчит в дальнейшем автоматическую расстановку ударения в словах при создании компьютерного транскриптора, а также сделает возможным компьютерный перевод произнесенного текста в графический вид.

Дифференцирующая функция также присуща осетинскому ударению. Возможность переноса ударения с одного слога на другой не отрицает наличие этой функции, а подтверждает ее: перенос ударения переводит слово из разряда неопределенного в определенный, т.е. дифференцирует его значение. Кроме того, есть в осетинском языке несколько слов, которые изначально отличаются местом ударения. Так, у Н.К. Багаева в «Современном осетинском языке» имеется замечание относительно того, что «некоторые слова благодаря ударению различаются по смыслу. К таким словам относятся, например, *дзидз'а /ziza/* «мясо», *дз'удза /ziza/* «кормилец», *б'абыз /babəž/*

«утка», Баб'ыз /babəž/ (женское имя), с'ау куыдз /šaw kwəz/ «черная собака», Сауку'ыдз /šawkwəz/ (мужское имя)¹³.

Говоря о конститутивной (словообразовательной) функции подразумевают чаще всего свободное, не закрепленное ни на определенном слоге, ни на определенной морфеме, и делающая ударение индивидуальным признаком каждого отдельно взятого слова. Свобода места ударения в слове не есть нечто, зависящее от воли говорящего. Каждое слово в языке со свободным ударением содержит строго определенный ударный слог, место которого закреплено традицией. Произвольный перенос может разрушить слово, изменив его до неузнаваемости. То же можно сказать и об осетинском фиксированном ударении. Хотя оно не является сильно центрированным, перенос ударения в тех случаях, когда он не обусловлен правилами языка, воспринимается носителями языка как ошибка, искажающая смысл слова и препятствующая процессу коммуникации. Иначе и быть не может, учитывая дифференцирующую функцию осетинского ударения.

Подводя итоги всего вышеизложенного, осетинское ударение можно охарактеризовать как связанное, подвижное, обладающее кульминативной, делимитативной, дифференцирующей и конститутивной функциями.

Приложение

Слова, в которых дикторами по-разному проставлено ударение ¹⁴

слово	транскрипция МФА	диктор №"1(ж)	диктор №"2(м)	по правилу
абыраг	abərzg	2	1	исключение
агуывзæ	agwəvʒz	2	1	исключение
агуыр	agwər	2	1	1
аммен	am:en	2	1	1
амынат	amənzt	2	1	1
аркъау	arkʔaw	2	1	1
ахъаз	aqaʒ	2	1	1
дзаджджын	zaʃʒ:ən	1	2	1
дзенк'ор	zenkʔor	1	2	1
дзонгой	zongoj	2	1	1
дзохар	zoχar	2	1	1
дзыллаæ	zəl:z	1	2	2
дзыллагæ	zəl:ztz	1	2	2
æвдæсæймаг	zvdzʒʒjmag	2	1	2

В.Т. Дзахова

ерджен	erdžen	1	2	1
ердженуафэн	erdženwafən	1	2	1
еугæф	ewgɜf	1	2	1
зæдбын	ʒɜdbən	1	2	2
зæххыхъæд	ʒɜχ:əqɜd	2	1	2
зымæгмæ	zəmɜgmɜ	2	1	2
ивдзаг	ivtsag	1	2	1
ивдзинад	ivdzinad	1	2	1
ингән	ingən	1	2	1
ингәнкъахæг	ingɜnkʰaχɜg	1	2	1
инджынгонд	indʒəngond	2	1	1
кадавар	kadavar	1	2	1
манхъа	manχa	2	1	1
манхъаджын	manχadʒən	2	1	1
манхъау	manχaw	2	1	1
мæцын	mɜsən	1	2	2
мысын	məʂən	1	2	исключение
ома	oma	2	1	1
паддзах	pats:aχ	1	2	1
паддзахад	pats:aχad	1	2	1
паддзахадон	pats:aχadon	1	2	1
паддзахадзинад	pats:aχzinad	1	2	1
паддзахиуæг	pats:aχiwɜg	1	2	1
рæзындзинад	rɜʒənzinad	1	2	2
рæмпæг	rɜmpɜg	1	2	2
сабыргомау	ʂabərgomaw	1	2	1
сагъæдахъ	ʂaγɜdaq	1	1	1
сардзин	ʂarzin	1	2	1
сæйæг	ʂɜjɜg	2	2	2
сæргъы	ʂɜryə	2	1	2
сæрдæг	ʂɜrdɜg	2	1	2
сидахъхъ	ʂidaq:	1	2	1
синтой	ʂintoj	2	1	1
сыхбæстæ	ʂəχbɜʂtɜ	2	1	2
сыхсы	ʂəχʂə	2	1	2
таучел	tawtʂel	2	1	1
тæвдниз	tɜvdniʒ	2	1	2
тæккæ	tɜk:kɜ	1	2	2
тенка	tenka	2	1	1
тæфсæг	tɜfɜɜg	2	1	2
тæфсын	tɜfɜsən	2	2	2
тъахтин	tʰaχtin	1	1	1
уанел	wanel	1	2	1
уæлдæф	wɜldɜf	2	1	2

Об осетинском ударении

уæле	wɜle	2	2	2
уæлæ	wɜlɜ	2	1	2
уæллаг	wɜl:ag	2	1	2
уæлмæрдтæ	wɜlmɜrt:ɜ	2	1	2
уæнгæл	wɜngɜl	1	2	2
уæрдын	wɜrdɛn	2	1	2
уæтæр	wɜtɜr	2	1	2
уыдон	wɛdon	1	2	1
уырзæн	wɛrʒɛn	2	1	2
уырыс	wɛrɛʃ	2	1	2
фæзбын	fɜzbɛn	2	1	2
фæззæг	fɜz:zɜg	2	1	2
фæсте	fɜʃte	2	1	2
фьдниз	fɛdniʒ	2	1	2
фьнддæсæм	fɛnt:zʃɜm	2	1	2
фьццаг	fɛts:ag	2	1	2
халагъуд	χalajud	2	1	1
халсар	χalʃar	2	1	1
халсардон	χalʃardon	2	1	1
халсархæссаг	χalʃarχɜʃ:ag	2	1	1
хару	χaru	2	1	исключение
хæлгæ	χɜlgɜ	1	2	2
хæлцджын	χɜlɜdʒɛn	2	1	2
хъамбул	qambul	2	1	1
хъамбулджын	qambuldʒɛn	2	1	1
хъапхай	qapχaj	1	2	1
хъарман	qarman	2	1	1
хъасбахъ	qaʃbaq	2	2	1
хъатара	qatara	1	2	исключение
хъаугъа	qawɜa	2	1	1
хъаугъагæнаг	qawɜagɜnag	2	1	1
хъаугъагæнаг	qawɜagɜnɜg	2	2	1
хъаугъайаг	qawɜajag	2	1	1
хъæлдзæгдзаст	qɜlɜzɜgzaʃt	1	2	2
хъæубæстон	qɜwbɜʃton	2	1	2
хъæутæрон	qɜwgɜron	1	2	2
хъæуккаг	qɜwk:ag	2	1	2
хъонтхора	qontχora	1	?	1
хъоппæг	qop:zɜg	1		1
хъоппæгцæст	qop:zɜgsɜʃt	1	1	1
хъуызгæ-хъуызгæ	qwɛzɜgɜ qwɛzɜgɜ	2	1	2
хъыдзы	qɛzɛ	2	1	2
хъыргъы	qɛrɜɛ	2	1	2

В.Т. Дзахова

цайдан	sajdan	1	2	1
цавдисын	səvdiʃən	1	2	2
цавдузын	səvdužən	1	2	2
цаварын	səvzrən	1	2	2
цъаммар	tsʰam:ar	1	2	1
цъулбер	tsʰulber	1	2	1
чемпа	tʃempa	2	1	1

Примечания

- ¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Фонетические маркеры ударения в современном осетинском (иронском) литературном языке», №09-04-37407 а/Ю.
- ² *Абаев В.И.* Грамматический очерк осетинского языка. – Орджоникидзе, 1959. – С. 16-17.
- ³ *Исаев М.И.* Очерк фонетики осетинского литературного языка. – Орджоникидзе, 1959. – С. 64-78.
- ⁴ Грамматика осетинского языка / Под ред. Г.С. Ахвледиани. – Орджоникидзе, 1969. – С. 49-51. (Раздел «Фонетика» написан М.И.Исаевым)
- ⁵ *Багаев Н.К.* Современный осетинский язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. – Орджоникидзе, 1965.
- ⁶ Грамматика осетинского языка. С. 51.
- ⁷ *Багаев Н.К.* Указ. соч. С. 56.
- ⁸ Ирон орфографион дзырднат. Дзжуджыхъжу, 2002.
- ⁹ *Абаев В.И.* Указ. соч. С. 17.
- ¹⁰ *Чэнг Дж.* Очерки исторического развития осетинского вокализма / Пер. с англ. Т.К. Салбиева. Владикавказ, 2009. – С. 164.
- ¹¹ *Раевский М.В.* Фонетика немецкого языка. – М., 1997. – С. 268.
- ¹² *Соколова В.С.* Очерки по фонетике иранских языков. Т. II. Осетинский, ягнобский и памирские языки. М.-Л., 1953.
- ¹³ *Багаев Н.К.* Указ. соч. С. 62.
- ¹⁴ Цифры в столбцах означают номер слога, который диктор выделил ударением. Слово «исключение» означает, что ударение с данных слов должно ставится вопреки правилу.

А. А. Елистратов

Лексико-семантические параллели между жаргоном спортсменов и жаргоном наркоманов

Цель работы – выявить параллели, существующие в лексике наркоманов и спортсменов, и установить причины бытования этих параллелей. Автор выясняет, что лексико-семантические параллели имеют под собой более глубокое основание, нежели просто использование одних и тех же лексем. Ответ кроется в схожести двух субкультур, которая прослеживается как в историческом, так и в деятельностном аспектах. Анализ проведен с привлечением разнообразных источников материала. Всего выявлено шесть тематических групп, которые содержат изучаемые лексико-семантические параллели.

Ключевые слова: спортсмены, наркоманы, жаргон, допинг, наркотики, субкультура.

Вопрос взаимодействия разных субкультур представляет особый интерес для лингвистики, так как позволяет установить причину лексических заимствований, определить степень языковых контактов представителей субкультур, раскрыть этимологию многих слов и выражений, изучить общее мировоззрение, возможно, связывающее изучаемые субкультуры. В данной работе мы имеем дело с взаимодействием совершенно разных субкультур – наркотической и спортивной. Разница, существующая между ними, очевидна: если «основу наркотической субкультуры, ее фундамент составляет гедонистическое мировоззрение – система представлений об удовольствии как основной жизненной ценности, достижении легкого результата, не связанного с затратой усилий»¹, то в основе спортивной субкультуры лежит понятие спорта, который выступает как «особый тип деятельности, выявляющий в специально создаваемых условиях человеческие возможности и неуклонно раздвигающий рубежи кажущихся их границ»². Иными словами, спортивная субкультура в своей основе – познанию пределов физических и психических возможностей человека, сопряженных с преодолением трудностей, являет собой полную противоположность гедонистической субкультуре наркоманов.

© Елистратов А. А., 2010

Для того чтобы определить то общее, что существует между двумя субкультурами - спортивной и наркотической (столь непохожими, на первый взгляд), следует обратиться к истории появления наркотических и допинговых веществ.

В словаре С.И. Ожегова наркотики определяются как «сильнодействующие вещества, преимущественно растительного происхождения, парализующие деятельность центральной нервной системы и вызывающие искусственный сон и безболезненность»³. В современном спорте под допингом понимают «запрещенные фармакологические препараты и процедуры, используемые с целью стимуляции физической и психической работоспособности и достижения благодаря этому высокого спортивного результата»⁴. Многочисленные исследования, посвященные истории наркотиков и допингов, показывают, что употребление человеком веществ, оказывающих влияние на центральную нервную систему, имело место еще в глубокой древности. Изначально психоактивные субстанции применялись для улучшения трудовой деятельности, противостояния утомлению, в борьбе с психическими перегрузками в ходе войн, ритуалов, путешествий, трудовой деятельности и т. д. На это, в частности, указывает этимология слова «допинг». Свое происхождение оно берет в кафарском диалекте юго-восточной Африки, в котором «dor» означало специальную жидкость, употреблявшуюся кафарами во время религиозных церемоний как взбадривающее средство⁵. Стимуляторы нервной системы применялись во время спортивных состязаний, в том числе на древнегреческих Олимпиадах. Плиний Младший писал, что еще в I в. бегуны внутренних районов Греции, чтобы преодолеть усталость, употребляли отвар хвоща⁶. Однако долгое время применение психостимуляторов и наркотиков носило ограниченный характер. Ключевым периодом в истории наркотических и допинговых веществ следует считать XIX в., когда колонизация и завоевание ряда восточных стран (Китая, Индии, Египта) наряду с развитием химической промышленности привели к проникновению нарковеществ в европейскую культуру. Первыми потребителями наркотиков следует считать представителей богемы: поэтов, музыкантов, актеров. Позже наркотические субстанции распространились среди представителей преступного мира и спортсменов. Упоминая о своем увлечении опиумом, писатель Стивен Крейн (1871–1900) отмечал, что «привычку быстро переняли люди из спортивного мира. Постепенно к ним присоединились дешевые ак-

теры, ипподромные шулеры, картежники и различного рода мошенники»⁷. Именно к последней четверти XIX в. восходит начало применения допинга спортивными кругами. В 1876 г. американский чемпион Эдвард Уэстон выиграл английские соревнования, пройдя за двадцать четыре часа 109,5 мили. Во время тренировки спортсмен жевал коку. Это первый известный случай использования допинга в спорте. В то время применение психоактивных веществ не считалось постыдным или противозаконным. Тот случай подтолкнул других спортсменов Европы и США к употреблению наркотиков⁸. В конце XIX в. велосипедисты применяли такие нарковещества, как стрихнин, кока, кокаин и морфин⁹. Тогда же регистрируются первые случаи смерти от употребления допингов¹⁰.

Периодом расцвета наркокультуры и допинга стал XX в. Объем и цель нашей работы не позволяют подробно остановиться на данной проблеме. Отметим лишь, что в результате возрастающего и бесконтрольного применения допинга в спорте МОК принял в 1967 г. решение о введении антидопингового контроля на Олимпийских соревнованиях и создании медицинской комиссии для организации и руководства таким контролем. Согласно решению МОК, к допингам относятся: 1) так называемые допинговые вещества, включающие стимуляторы, β -блокаторы, наркотики, диуретики, анаболические стероиды; 2) допинговые методы; 3) вещества, прием которых на соревнованиях подлежит ограничению и в случае отсутствия прямых медицинских показаний могут быть расценены, как допинги¹¹ (см. также Запрещенный список – 2006¹²).

Таким образом, очерчивается круг веществ, одинаково употребляемых как спортсменами, так и наркоманами. Важным является сам факт существования отдельной области пересечения двух субкультур. Как будет показано ниже, наркотические и стимулирующие вещества являются не единственными общими реалиями. Объясняется это тем, что сходство в применении определенных веществ автоматически ведет к появлению других общих «точек соприкосновения» субкультур. Имеются в виду общие способы приема веществ, общие орудия приема, общее воздействие препаратов и т. д. Вполне естественно, что подобные «точки соприкосновения» нашли одинаковое лексическое и/или семантическое отображение в языке спортсменов и наркоманов.

Цель данной работы – установить лексико-семантические параллели, существующие в жаргонах англоязычных и рус-

скоязычных наркоманов и спортсменов, и дать объяснение существованию подобных параллелей.

Материалом исследования послужили специализированные словари жаргона наркоманов¹³, статьи и книги спортивной тематики, спортивные сайты и форумы, собственный материал, почерпнутый методом «подслушивания». Выбор жаргонной лексики не случаен: во-первых, именно в жаргоне, а не в упорядоченной терминологии, отображаются «теневые» стороны субкультур, во-вторых, терминологии наркоманов не существует, в-третьих, указанная спортивная лексика представляет собой «terra incognita» для лингвистов и требует изучения. Следует констатировать, что специальных спортивных словарей, обобщающих данную лексику, пока нет. Поэтому в нашей работе в качестве иллюстративного материала мы используем примеры из спортивных источников. Изредка для пояснений приводятся ссылки на указанные словари.

Для систематизации исследования изучаемая лексика делится на тематические разряды.

Формы содержания и орудия приема химических веществ

Первая тематическая группа слов и словосочетаний состоит из названий ампул и таблеток, содержащих наркотические или допинговые вещества. В номинации ампул российскими спортсменами и наркоманами лексико-семантические параллели не наблюдаются: жаргонное название ампулы с наркотиком *ампуляк* отмечено только в жаргоне наркоманов, в языке российских спортсменов жаргонных наименований ампул не зафиксировано. Однако они присутствуют в речи англоязычных наркоманов и спортсменов – *amp*: «Glass amps are a pain, you have to just break them open. Do a forums search for opening them, as I know it has been asked before»¹⁴ (Стеклянные ампулы представляют проблему, поскольку их нужно разбить, чтобы открыть. Поищи на форумах инструкции по тому, как их открывать, поскольку я знаю, что об этом уже спрашивали).

Использование таблетированных препаратов отражается как в русском, так и в английском языках: *табы* – таблетки; *tabs* – наркотики в виде таблеток, капель. Соответственно, спортсмены скажут: «I have prop, deca, winstral tabs 25mg and clen how should i go about it first cycle?»¹⁵ (У меня есть пропионат,

дека, таблетки винстрола по 25 мг. Как мне с этим начать свой первый цикл?).

Общими орудиями приема химических субстанций для наркоманов и спортсменов являются шприцы и иглы. В обеих субкультурах шприцы связаны с внутривенным (чаще у наркоманов) и внутримышечным (чаще у спортсменов) приемом веществ. Наркожаргон отличается высокой степенью лексической «проработанности» этой группы наименований: 73 единицы – в русском жаргоне, 13 – в английском¹⁶. Для наркотической субкультуры, таким образом, шприц с иглой представляют собой важные реалии, будучи «посредниками» между наркоманом и блаженством. Если у наркомана нет шприца, он ищет или изготавливает аналогичные приспособления. С иглой как центральным символом наркокультуры связана характеристика наркозависимого человека: «быть на игле» или «сидеть на игле» – говорят в таких случаях. В спортивной субкультуре, несмотря на определенную роль фармакологических препаратов в достижении результата, центральное место отводится не шприцам и иглам, а грамотно построенному тренировочному процессу. Химические вещества, в том числе допинговые, вместе с сопутствующими им шприцами, иглами, ампулами, таблетками и т. д., пребывают в «тени» спорта, являясь одной из узкопрофессиональных, «сокровенных» сторон его субкультуры, и поэтому редко становятся предметом открытого обсуждения. Именно в этом мы видим главную причину малочисленности наименований шприцев в спортивных кругах. Нами зафиксировано лишь четыре таких лексемы, бытующих в сленге англоязычных культуристов: *dart*, *poke*, *pin*, *ped*¹⁷. В русском спортивном жаргоне наименования шприцев отсутствуют. Тем не менее, между указанными выше английскими наименованиями шприцев и их названиями в жаргоне отечественных наркоманов прослеживаются лексико-семантические параллели. Ср.: спорт. *dart* (англ. *небольшое копьё, стрелка*) – нарк. *копьё* (медицинский шприц), *стрелка* (игла для инъекций); *pin* (англ. *булавка, шпилька*) – нарк. *булавка* (название иглы для инъекций), *шпильки* (иглы к шприцу).

Выражение *быть (сидеть) на игле* применяется и спортсменами. Трудно сказать, почему именно игла стала символом приобщения к запретным препаратам. Предположительно, это связано с отрицательным значением иглы как колющего, причиняющего боль инструмента в процессе введения вещества в организм. Таким образом, произошло сложение двух ассоциаций – иглы и опасных препаратов.

Наименования спортсменов и наркоманов

Причастность к химическим веществам вызывает к жизни сходные наименования спортсменов и наркоманов по отношению к этим веществам.

Спортсмена, применяющего допинг, обычно называют *химиком*, тогда как в субкультуре наркоманов *химик* – это тот, кто умеет изготавливать наркотики (в подпольной лаборатории), то есть в основе наименования лежит общий признак человека, имеющего дело с химическими веществами.

Основная разница этой группы наименований в среде спортсменов и в среде наркоманов состоит в том, что в нарко-жаргоне существуют четкие обозначения наркомана, «сидящего» на определенном виде наркотика: *барбитурищик, игловой, нюхач, снифер, драпарик, духарь, gluer, coke freak, crispo, strung out* и др. В спортивном сниженном подъязыке столь подробная дифференциация наименований человека в зависимости от вида принимаемых им веществ отсутствует.

По отношению к допингу спортсмены делятся на две категории: *химиков* и *чистых*, то есть не употребляющих препараты: «Он говорил: “У меня Андрюха *чистый*”, а весь зал знал, что он колется!»¹⁸. Аналогичное значение слова *clean* (англ. *чистый*) существует в английском спортивном жаргоне: «Those past drug-users who do compete deserve credit for being able to persevere while getting results inferior to those they are accustomed to getting. Applaud them for coming “clean”»¹⁹ («Те бывшие пользователи стероидов, которые действительно участвуют в соревнованиях, заслуживают похвалы за умение мириться с результатами ниже тех, к которым они привыкли. Поаплодируем им за то, что они стали “чистыми”»). Аналогом *химика* в английском спортивном жаргоне является наименование *juicer*, производное от *juice* (инъекционные стероиды): «I can spot a juicer a mile away u dont even have to be big u can be 170lb and i can tell uve done roids b4 its a strange thing!»²⁰ («Я чую химика за милю. Ты можешь не быть здоровым и весить всего 77 кг, но я все равно определю, что ты когда-то применял стероиды»).

Лексико-семантическим эквивалентом *чистому* спортсмену в жаргоне англоязычных наркоманов является слово *clean*: прекративший употребление наркотиков²¹; человек, не являющийся наркоманом, не «сидящий на игле»²².

Лексические единицы,
описывающие прием химических веществ

Данная тематическая группа особенно широко представлена лексическими средствами жаргона наркоманов, хотя в реальности применение химических веществ является простым: их курят, нюхают, вводят внутривенно/внутримышечно, глотают, втирают. Однако в языке наркоманов эти несложные действия четко дифференцированы. Так, для номинации внутривенного способа используются лексемы *обручаться, подколоться, иглохаться, засадить, затромбить, заправить трубу, промазаться, ставиться в синявки, to bang, to fix, to pop, dope up, to geeze* и др. Лексическая «проработанность» этой тематической группы указывает на значимость приема веществ в наркосубкультуре. Эта «проработанность» является контрастом относительно лексических единиц той же группы у спортсменов: во-первых, для спортсменов наиболее значимыми являются оральные и инъекционные способы приема препаратов, что отсекает значительную долю наименований, относящихся к курению и вдыханию химических веществ; во-вторых, в спортивной субкультуре фармакология присутствует лишь как один из элементов тренировочно-соревновательной деятельности в отличие от наркосубкультуры, полностью на том сосредоточенной. Тем не менее, в языках обеих субкультур существуют сходные в лексико-семантическом отношении единицы, номинирующие прием субстанций.

Общий прием химических веществ в английском языке отображен лексемами: *to do drugs, to do dope* (принимать наркотики или допинг): «To get on the cover of one of the major bodybuilding magazines, you had to do drugs. To go pro, you had to do drugs. Basically, to make it in the sport, you had to do drugs»²³ («Чтобы попасть на обложку ведущих журналов для культуристов, ты должен был принимать стероиды. Чтобы стать профессионалом, ты должен был принимать стероиды. В целом, чтобы стать успешным спортсменом, ты должен был принимать стероиды»). Аналогично российские спортсмены и наркоманы употребляют такие выражения, как *сидеть* или *быть на чем-либо* (например, *сидеть* или *быть на героине, на стероидах, на курсе* и т. д.): «Дело в том, что “сидя” на анаполоне атлет чувствует себя очень дискомфортно»²⁴.

Очевидно, что выражение *быть на чем-л., (to be on smth.)* является общим для спортсменов и наркоманов из России и

англоязычных стран: «It seems that the entire general public believes anyone who spends a lot of time in the gym and has any degree of muscle mass has to be on steroids»²⁵ (Кажется, уже все считают, что любой постоянный посетитель тренажерного зала, обладающий любым количеством мышечной массы, должен быть на стероидах).

Наконец, в жаргонах отечественных спортсменов и наркоманов в одинаковом значении представлена лексема *химичить*, то есть употреблять наркотикосодержащие таблетки, допинги, анаболические средства.

Инъекционный способ приема различных веществ отражен следующими лексемами: *вколоть*, *вколоться*, *колоться*, *подкалываться* (принимать стероиды или наркотики малыми дозами): «Пацаны, вы его больно не слушайте. Он говорит, что ничего не принимает, а сам, небось, *подкалывается*»²⁶.

Для описания приема инъекционных препаратов в русском языке также отмечена лексема *ширять*, т.е. «делать инъекции наркотиков, допинговых средств»²⁷. Скорее всего, данная лексема проникла в речь спортсменов через молодежный жаргон²⁸.

В сленге англоязычных спортсменов инъекционный способ приема препаратов представлен глаголом *to juice*, образованного от существительного *juice* (инъекционные стероиды)²⁹.

В группу лексических средств, описывающих прием инъекционных препаратов, входят выражения *сесть на иглу*, *сидеть на игле* (регулярно принимать химические вещества): «Для тех же, кто подолгу “сидит на игле”, ценность этого стероида состоит в том, что его можно чередовать с “декой”, тем самым не давая “забиться” рецепторам мышечных клеток»³⁰; *сажать на иглу*, то есть приобщать к приему наркотических или допинговых веществ: «В связи с этим хотел бы заметить следующее: в некоторых печатных изданиях и на интернетовских сайтах время от времени раздаются возмущенные возгласы: “Доктор Шприц учит народ, как колоться, буквально подсаживает всех “на иглу”!» и еще что-то про то, что официальному органу ФБФР (Федерация бодибилдинга и фитнеса России. – А.Е.) нехорошо публиковать материалы подобного содержания»³¹. В языке английских наркоманов то же значение *сажать на иглу* имеет глагол *to hook* (пристрастить кого-нибудь к наркотикам) – от англ. *hook* – *игла* в жаргоне наркоманов.

Англоязычные спортсмены и наркоманы в одинаковом значении используют слово *to shoot* – инъектировать наркотик

или допинг. Соответственно, слово *shot* обозначает инъекцию наркотического или допингового вещества.

Химические вещества также *грузят* или *закидывают*, ср. выражение *закинуть анабол* – принять анаболики³². Лексема *закидывать* двузначна: она относится как к инъекционному, так и к оральному приему препаратов. В языке англоязычных спортсменов и наркоманов аналогичное значение «грузить, закидывать» имеет слово *load*. У спортсменов эта лексема призвана описать, в частности, особый прием стероидов – *front loading* (предварительную загрузку): «I don't think you necessarily need to frontload on that cycle»³³ (Не думаю, что на этом курсе тебе так уж необходимо делать предварительную загрузку).

Оральный способ приема допинговых и наркотических веществ представлен уже упомянутыми выше лексемами: *закинуть*, *закидывать*, *загрузиться*, *to load*.

С точки зрения лексической «проработанности» лексем внутривенный (внутримышечный) способ преобладает над оральным в спортивной субкультуре. Причину, вероятно, следует искать в степени эффективности оральных и инъекционных препаратов. Последние обладают наибольшим воздействием на организм, так как вещество направляется непосредственно в кровь, минуя печень, которая частично разрушает препараты, снижая тем самым их эффективность. Аналогично по причине своего мощного воздействия героин и другие инъекционные наркотики стали символами наркомании, как и сопутствующие им атрибуты – игла и шприц.

Большой интерес представляют частные схемы принятия допинговых и наркотических веществ, так как здесь также прослеживается определенное сходство. С целью менее болезненного переживания абстинентного синдрома («ломки») русскоязычные наркоманы применяют *лесенку*, то есть постепенное снижение дозы наркотика. Схема применения гормональных препаратов англоязычными спортсменами является более сложной, но, вместе с тем, похожей на *лесенку*. Она называется *pyramiding* (от англ. pyramid – пирамида), потому что прием препарата внешне напоминает пирамиду, когда спортсмен постепенно увеличивает дозу до некоего максимума – «пика», а затем также пошагово снижает прием препарата до минимума: «Another mode of steroid abuse is referred to as “pyramiding.” This is a process in which users slowly escalate steroid abuse (increasing the number of steroids or the dose and frequency of one or more steroids used at one time), reaching a peak amount at mid-cycle and gradually tapering the dose toward the end of the cycle»³⁴ (Еще

один способ приема стероидов называется “пирамидой”. Это процесс, при котором атлеты медленно увеличивают прием препаратов либо их дозу и частоту приема одного или нескольких стероидов за раз, достигая пика приема в середине цикла и постепенно снижая дозу к его концу). В сущности, *лесенка* представляет собой вторую часть схемы «пирамиды», то есть постепенное снижение дозы вещества. В русском спортивном жаргоне слово *лесенка* выступает полным семантическим аналогом английской схемы *pyramiding*: «Пью лесенкой 1-2-3-4-3-2-1 начинаю пить ровным фоном по четыре табы в день»³⁵.

В эту тематическую группу входят лексические единицы со значением прекращения приема препаратов. Самым распространенным выражением является *слезть (сойти)* в лексике российских наркоманов. Английским аналогом этого слова в спортивном жаргоне является глагол *to get off*, например, *to get off steroids* (слезть со стероидов), и *to come off* с тем же значением³⁶.

Эффект приема препаратов

Для представителей наркотической и спортивной субкультур эффективность принимаемых препаратов имеет одинаковое значение. Для спортсменов это вопрос качественного спортивного результата, для наркоманов – достижения эйфории или снятия абстинентного синдрома. Поэтому представители обеих групп применяют схожие лексемы для описания воздействия химических веществ.

Эффект наркотика или допинга номинируется словами: *вставить*: «Ещё один не маловажный момент, это то, что быстрые препараты вставляют (и очень хорошо вставляют, тот же вириормон) первые две недели, а потом результаты ползут вверх крайне медленно»³⁷; *торкать*: «Поэтому неудивительно, что обколотые с ног до головы этим чудо-препаратом российские качки порой жалуются, что их что-то не «торкает»³⁸; *зацепить*, *цеплять*: «В процессе проведения этой «разведки» атлет должен по своим субъективным ощущениям понять, какой из препаратов его «цепляет» (то есть является «своим), а который – совершенно бесполезен»³⁹, *переть* и производным существительным *пруха*.

Результат приема препарата наркоманы выражают словом *откат*, означающим состояние наркотического опьянения, блаженства, то есть достижение цели приема. В спортивной среде *откат*, наоборот, представляет собой нежелательные по-

следствия употребления стероидов. Эти последствия выражаются в снижении силовых и весовых показателей спортсмена после прекращения курса приема фармакологических средств: «Вряд ли подобное имеет смысл для простого любителя, так как помимо сильного «отката» после такого курса пропорционально дозировке возрастает и риск побочных эффектов, а они при применении ТЭ могут быть весьма значительными»⁴⁰.

Отрицательным последствием применения химических веществ являются побочные эффекты, в языке российских спортсменов и наркоманов одинаково именуемые *побочкой* (*побочками*). Англоязычные наркоманы и спортсмены для этого применяют лексему *negatives*. Также для номинации побочного действия препаратов спортсмены используют слово *sides*, сокр. от *side effects* (англ. *побочные эффекты*): «Oh, and for clarity's sake, I didn't recommend bumping the test JUST because it's weaker, but also because the results of 600mg are better than 400mg, and there aren't any scientific reports of any INCREASE in sides (negatives). So, = sides, but more gains, means smarter dosing»⁴¹ (Хочу пояснить, я не рекомендовал повысить прием тестостерона только потому, что он слабее, но также потому, что результаты воздействия 600 мг лучше, чем 400 мг, и нет никаких научных сообщений о каком-либо увеличении побочных эффектов. Таким образом, одинаковое количество побочных эффектов, но с лучшими результатами, означает более разумный прием препаратов).

Побочное воздействие стероидных и наркотических веществ проявляется по-разному. У наркоманов это, как правило, резкая головная боль или рвота, у спортсменов – появление сыпи или угрей, огрубление голоса (у женщин), рост мужских грудных желез по женскому типу, повышенное давление, боли в печени и т. д.

Качества и свойства препаратов

Одним из результатов регулярного употребления химических веществ является знание об их свойствах и качествах. Как наркоманы, так и спортсмены для номинации качества принимаемой субстанции обращаются к одинаковым лексическим единицам. При этом в лексике представителей обеих субкультур наблюдается бинарность оценки качества. Так, качественный наркотик называют *чистяком*, а недоброкачественный наркотик самодельного изготовления – *грязнухой*. В английском языке мы зафиксировали лишь один эквивалент

грязному наркотику: *dirt grass* (букв. «грязная трава») – марихуана низкого качества.

В спортивном жаргоне ряд андрогенных препаратов получил название *грязных* из-за вреда, наносимого здоровью атлета: «Однако у этой дешевизны есть и обратная сторона: и метандростенолон, и тестостерона пропионат, и тестэнат – достаточно “грязные” стероиды, и их прием (особенно в больших дозах) может вызывать ряд побочных эффектов, таких как прыщи, повышенное давление, снижение потенции, воспаление желчных каналов печени и даже гинекомастию»⁴². Соответственно, препараты называют *чистыми*, если они не несут большого вреда для здоровья спортсмена: «Силаболлин – еще один стероид российского производства (на Западе его называют максиболин), но в отличие от вышеперечисленных препаратов он является достаточно “чистым” и самым безопасным»⁴³.

Помимо качества вещества в жаргонах наркоманов и спортсменов присутствуют наименования его свойств. По своим свойствам анаболические препараты делятся на две группы: *жесткие* и *мягкие* (еще говорят – *легкие*). К *жестким* анаболикам относят вещества, не только вызывающие большой прирост силы и массы, но и обладающие серьезными побочными эффектами, включая психическую зависимость. Соответственно, результатом употребления *мягких* (*легких*) анаболических препаратов являются небольшой прирост силовых и весовых показателей, а также слабо выраженное побочное воздействие: «К мягким анаболикам можно отнести дека-дураболин, эквипойз, примоболан и оксандролон. Более жесткие, которые приводят к тяжелым последствиям, – эфирные растворы тестостерона, анадрол и дианабол»⁴⁴. В английском языке для обозначения мягких анаболических препаратов используются лексемы *mild* и *soft* (англ. *мягкий*): «As for Primo, I've never used it but have read that it isn't worth using it unless your going with 600-1000mg week because of how mild it is»⁴⁵ (Что касается примоболана, то я его никогда не применял, но читал, что его не стоит использовать в дозировках менее 600-1000 мг в неделю, так как это мягкий стероид). В субкультуре наркоманов словосочетанием *soft drugs* номинируются мягкие наркотики – гашиш и марихуана.

В жаргоне отечественных наркоманов не зафиксирована оппозиция «мягкий – жесткий» наркотик. Англоязычные наркоманы градуируют нарковещества на *легкие* (*light stuff*), то есть не вызывающие пристрастия, и *тяжелые* (*heavy drugs, heavy stuff*), вызывающие наркозависимость.

Название препаратов

Как было отмечено в начале статьи, изначально общими для наркоманов и спортсменов выступают две группы субстанций: психостимуляторы и наркотики. Какие же одинаковые вещества принимают спортсмены и наркоманы? Во-первых, это амфетамины. По свидетельству А.Д. Борохова, «в медицинском мире амфетамины известны как “таблетки спортсменов и дальнобойщиков”, позволяющие долгое время оставаться бодрыми и использовать свой физический потенциал по максимуму»⁴⁶. Возбуждающее действие амфетаминов нашло отображение в их жаргонных наименованиях: *uppers* (от англ. разг. *to up* «вскакивать»), *drivers* (англ. *to drive* «быстро двигаться, нестись»), *go-faster* (букв. «то, что заставляет двигаться быстрее»), *leapers* (букв. «попрыгунчики»), *marathons* (от англ. «марафон»), *speed demon* (англ. «демон скорости»), *speeder* (от англ. *speed* «скорость») и другие.

При сопоставительном изучении наименований амфетаминов, кокаина и других стимуляторов центральной нервной системы основная трудность заключается в невозможности четко разграничить лексемы, употребляемые спортсменами, наркоманами, дальнобойщиками, представителями некоторых молодежных субкультур из-за широкого распространения данных нарковеществ: «Social abuse of each of the three drugs is often difficult to distinguish from their abuse in sport»⁴⁷ (Употребление каждого из этих трех веществ (амфетамина, кокаина и кофеина. – А.Е.) широкой публикой часто бывает сложно отграничить от их применения в спорте). Тем не менее, нам удалось отыскать ряд лексических единиц, одинаково применяемых как спортсменами, так и наркоманами.

В ряду амфетаминовых препаратов особое место занимает бензедрин – первый синтетический амфетамин, созданный в 1887 г. в Европе. Примерно с 1930-х гг. бензедрин активно применяют англоязычные спортсмены, называющие его «бенни». Вот как описывает Р.В. Дейвенпорт-Хайнс применение бензедрина спортивными кругами того времени: «Однажды вечером в лифт вошел человек и попросил купить ему флакон таблеток – кажется, пару десятков штук по 10 миллиграммов и стоили они 89 центов. Этого парня считали великим спортсменом, человеком высшего круга»⁴⁸. Из английского языка жаргонное название бензедрина *benny*, *bennie* проникает в русский наркожаргон в форме *беннис*. В русском спортивном жаргоне наименования амфетаминов не зафиксированы.

В статье, посвященной допингам в спорте, Дж. Вадлер упоминает разговорные названия амфетаминов: *uppers*, *bennies*, *black beauties*, *ice*⁴⁹. Все они бытуют в английском наркосленге, а некоторые проникли в жаргон русских наркоманов посредством транслитерации (*беннис*) или калькирования (*черные красавчики*).

За невероятно сильное воздействие амфетаминов на центральную нервную систему, их высокую стимулирующую способность они часто ассоциируются с взрывчатыми веществами. По этой причине наркоманы называют их *bombita*, *B-bombs*, *black bombers*, *bombido*, *little bomb*. Спортсмены тоже отметили «взрывной» эффект амфетаминов: «После окончания Второй Мировой войны применение амфетамина в спорте стало повсеместным. Благодаря его «взрывному» эффекту во Франции, Италии и Голландии препарат стали называть «бомба»⁵⁰. Есть данные, что участники велогонки «Тур де Франс» называют амфетамины *динамитом*⁵¹. В то же время, англоязычные наркоманы *динамитом* обозначают сильный наркотик или героин.

Другим названием амфетамина в языке обеих субкультур является *greenies* (англ. *green* – зеленый) по цвету таблеток: «Greenies, a nickname coined by ballplayers because of the color of the pills, were introduced to the game in the 1940s. These amphetamines speed up the heart rate and have been proven to fight fatigue, increase alertness and sharpen reaction time»⁵² («Зелёнки», прозвище, данное бейсболистами этим таблеткам за их цвет, появились в бейсболе в 1940-х гг. Этот амфетамин ускоряет сердечный ритм и, как было доказано, борется с усталостью, увеличивает психическое возбуждение, обостряет реакцию).

Наблюдается сходство наименований при номинации наркотических и допинговых веществ в целом. Так, для обозначения наркотика наркоманы используют слово *допинг*: «Бывало, засидимся за полночь, вино, сигареты, утром передвигаешься как автомат, а он песни поет, ясен и свеж. Я и спросила: как так? А он отвечает: допинг, старуха, допинг»⁵³. Жаргонизм этот, несомненно, был образован через переосмысление спортивного допинга, по ассоциации с веществом, придающим энергию и силу.

И спортсмены, и наркоманы в почти одинаковом значении «наркотические или допинговые вещества» употребляют следующие слова и выражения: *колеса*, *препараты*, *препы*, *gear*, *stuff*: «The athlete has to deal now with two major problems which will burden him during the following weeks and which make several athletes go “back to the stuff” after interrupting their ste-

roid regime for only a very short time»⁵⁴ (Сейчас у атлета возникли две главных проблемы, которые будут отравлять ему жизнь в последующие недели и которые заставляют некоторых спортсменов «возвращаться к “химии”, лишь ненадолго прервав их стероидную практику). Слово *stuff* (наркотики в целом, морфий или героин) в транслитерированном варианте *стаф* (наркотик или конопля) проникло в жаргон русскоязычных наркоманов.

В обоих жаргонах присутствуют формально одинаковые, но семантически разные лексические единицы: *химка*, *химия* (общее название допингов в спорте) и *химка*, *химия* (одна из наиболее токсичных разновидностей анаши, изготавливаемая при помощи растворителей; химикаты, используемые токсикоманами; наркотик, приготовленный из химического вещества). На Интернет-форуме англоязычных пользователей стероидов встречается слово *chemicals* (химические препараты; химикалии), применяемое для обозначения допингов (ср. «химия» в русском спортивном жаргоне): «I take one pill, and shake a little, I guess as I adjust to the new chemicals I will get better»⁵⁵ (Беру одну таблетку, слегка дрожу. Думаю, что дела у меня пойдут лучше по мере привыкания к новой химии).

Жаргонное наименование инъекционных стероидов *juice* соотносится с тем же названием, применяемым наркоманами для номинации инъекционного амфетамина.

В заключение данного параграфа выскажем некоторые соображения по поводу лексикографических ошибок в словарях наркожаргона. Известно, что с разными целями спортсмены могут принимать наркотические вещества – марихуану, кокаин, амфетамин и другие, но наркоманы не принимают анаболических препаратов, так как данные химические вещества не вызывают эйфорию и физическую зависимость. Анаболики призваны выполнять практическую функцию – увеличивать скоростно-силовые и весовые показатели спортсмена. Отсюда не совсем понятна фиксация в словарях наркожаргона наименований анаболиков: *метана*, *gorilla juice*⁵⁶ и *гормиков*⁵⁷.

О некоторых различиях в восприятии химических веществ наркоманами и спортсменами

Отличительной особенностью жаргона наркоманов является большое количество лексем с ярко выраженной положительной или отрицательной окраской. Отрицательное отношение к наркоманам, наркотическим веществам и их употреблению прослеживается в следующих лексических единицах:

большая дурь, говно, дрянь, дрянь больная, дурёха, дурнина, дурной, запоганить, отравка, отравиться, погань, ханыга, чума, яд, *bad grass, bad seed, dirty, idiot pills, poison, polluted*. Таким образом, представители наркокультуры осознают опасность принимаемых веществ и последствий их приема: психической и физической зависимости, неадекватного поведения, абстинентного синдрома, возможных заболеваний и даже смерти. С другой стороны, в жаргонных наименованиях наркотических веществ наблюдается положительная оценка. Анализ показывает, что наркотики ассоциируются со счастьем (*happy dust, happy pills, happy sugar*), раем (*ангельская пыль, heaven dust, paradise*), радостью (*joy dust, joy powder, joy flakes, joy dust, joy flakes, joyhemp, joy pop* и другие), солнцем (*Sunshine trip*), сладостью (*Sweet Lucy*). В основе ассоциаций лежит возможность получить наслаждение, уйти от действительности, расслабиться или испытать острые ощущения.

В спортивном жаргоне лексические единицы с полярной оценкой допинговых препаратов практически отсутствуют. Лишь изредка можно услышать, как спортсмены – противники допинга, – называют его *дрянью* или *гадостью*. В целом, спортсмены воспринимают допинг как необходимость или «помощника», без которого, к сожалению, нельзя обойтись в современном спорте. Причины столь разного отношения кроются в целевых стержнях представителей обеих субкультур: наркокультура сосредоточена вокруг приема химических веществ и получаемом наслаждении, а спортивная субкультура – вокруг тренировочно-соревновательной деятельности, для которой прием химических веществ является лишь подспорьем.

Таким образом, в речи спортсменов и наркоманов присутствует значительная группа лексико-семантических параллелей – несколько десятков слов и выражений обнаруживают внутреннее и внешнее сходство. Закономерно возникает вопрос: почему представители столь разных субкультур используют в речи одинаковые лексические единицы? Казалось бы, ответ очевиден – сходные вещества в одном языке обозначаются одинаково, подчиняясь общим языковым законам (например, усечению исходного слова в разговорной речи), либо жаргонизмы одной субкультуры заимствуются из другой. Последний тезис требует более тщательного рассмотрения.

Выше мы указали на возможное происхождение слова *ширять* из молодежного жаргона, куда оно, возможно, проникло из диалектов⁵⁸. На наш взгляд, именно в молодежном жаргоне следует искать частичный ответ на поставленный вопрос.

В обе субкультуры – спортивную и наркотическую – входят преимущественно лица до 30 лет. Ряд вышеперечисленных лексем (*химия, химка, грязнуха, чистяк, торкать, цеплять, колоться*) бытует в словарях молодежного жаргона⁵⁹. Таким образом, скорее всего, именно молодежный сленг послужил посредником при заимствовании из одного жаргона в другой. Мы считаем, что ведущую роль в таком заимствовании сыграла все же наркосубкультура, как более популяризированная и известная. Нельзя исключать и влияние уголовного и общего жаргона (сленга) как языков-посредников, в которых тоже бытуют некоторые рассмотренные слова и выражения: *ширять, быть на игле, слезть с иглы, переть, пруха, колеса, колоться, химия, чистяк* и другие⁶⁰; *dummy, stuff, juice, clean*⁶¹. Спортивные пометы к данным лексическим единицам в указанных словарях отсутствуют.

С другой стороны, объяснения требуют лексико-семантические параллели, существующие, в разных языках. На наш взгляд, такое совпадение обусловлено общими ассоциациями, за которыми стоят: а) схожие для обеих субкультур реалии: ампулы, шприцы, таблетки, иглы, химические вещества; б) общие свойства принимаемых субстанций и вытекающие отсюда воздействие, побочные эффекты, схемы применения; в) обособленность субкультуры наркоманов и спортсменов-«химиков», где границей выступает прием особых веществ, малоизвестный «непосвященным».

Таким образом, между жаргонами субкультуры наркоманов и субкультуры спортсменов существует целый ряд лексико-семантических параллелей. Данные параллели не являются случайными, так как обусловлены, во-первых, схожими реалиями, во-вторых, общими для жаргонной лексики языковыми законами, в-третьих, «закрытостью» обеих субкультур.

Примечания

- ¹ *Макеева А.* Субкультура наркоманов как информационная угроза // Народное образование. Российский общественно-педагогический журнал. 2007. № 9. С. 242.
- ² *Матвеев Л.П.* Теория и методика физической культуры (общие основы теории и методики физического воспитания; теоретико-методические аспекты спорта и профессионально-прикладных форм физической культуры). М.: Физкультура и спорт, 1991. С. 435.
- ³ *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 14-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1982. 816 с.

- ⁴ Терминология спорта. Толковый словарь спортивных терминов. Около 9500 терминов. / Сост. Ф.П. Суслов, Д.А. Тышлер. М.: СпортАкадемПресс, 2001. 480 с.
- ⁵ Попов С.Г. Взаимы у жизни. М.: Физкультура и спорт, 1972. С. 7.
- ⁶ Там же. С. 7–8.
- ⁷ Дейвенпорт-Хайнс Р.В. В поисках забвения: Всемирная история наркотиков. 1500–2000. Пер. с англ. А.В. Савинова. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004. С. 184.
- ⁸ Там же. С. 143–144.
- ⁹ Там же. С. 361–362.
- ¹⁰ Журавлева А.И., Граевская Н.Д. Спортивная медицина и лечебная физкультура: Руководство. М.: Медицина, 1993. С. 285.
- ¹¹ Там же. С. 287.
- ¹² См.: Запрещенный список – 2006. Всемирный антидопинговый кодекс: Международный стандарт. / Под ред. Н. Д. Дурманова. М.: Физкультура и спорт, 2006. 16 с.
- ¹³ Мирошниченко Л.Д. Жаргон наркоманов. Словарь. Русско-английский, англо-русский. Двухязычный. – М.: Анахарсис, 2002. 160 с.; Борохов А.Д. Когда весь мир на острие иглы... Татуировки и жаргон наркоманов / Энциклопедическая серия «Мир иглы». СПб.: Речь, 2005. 328 с.; Office of National Drug Control Policy: Street Terms. Режим доступа: <http://www.whitehousedrugpolicy.gov/streetterms>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 16.07.2009.
- ¹⁴ What to do with proviron with this cycle [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://forum.steroid.com/showthread.php?t=200472>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 19.06.2009.
- ¹⁵ My SARMS S4 Log [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://forum.steroid.com/showthread.php?t=200228>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 15.05.09.
- ¹⁶ Мирошниченко Л.Д. Указ. соч.
- ¹⁷ Steroid Terms, Definition & Slang [Electronic resource]. – Режим доступа: http://www.thesteroidworld.com/steroid_terms.htm, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 15.05.09.
- ¹⁸ Запись. Май, 2009 г.
- ¹⁹ La Cour S. 10 Tips to Make It Big As a Natural Bodybuilder [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.skiplacour.com/10tipsto.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 12.05.2009.
- ²⁰ Easy to spot a juicer? [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.anabolex.com/forums/showthread.php?p=346056>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 18.05.2009.
- ²¹ Мирошниченко Л.Д. Указ. соч.
- ²² Борохов А.Д. Указ. соч. С. 278.
- ²³ La Cour S. Op. cit.
- ²⁴ Российский рынок стероидов 3 [Electronic resource]. – Режим доступа: http://www.sila-tela.ru/rus_ster_3.html, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 15.05.2009.
- ²⁵ La Cour S. Op. cit.
- ²⁶ Запись. Июнь, 2002 г.
- ²⁷ Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1989 / М.Н. Судопла-

- това, В.Н. Плотицын, Н.В. Соловьев, В.Д. Бояркина, Н.А. Козулина, А. Д. Юдина. Под редакцией Н.В. Соловьева; РАН. Ин-т лингвистических исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 372 с
- ²⁸ Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры. Опыт этнографического исследования системы. 1986 – 1989 г.г. М.: «Наука», 1993. С. 339.
- ²⁹ Steroid Terms, Definition & Slang [Electronic resource]. – Режим доступа: www.steroidworld.com/steroid_terms.htm, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 15.05.2009.
- ³⁰ Российский рынок стероидов 2 [Electronic resource]. – Режим доступа: http://www.sila-tela.ru/rus_ster_2.html, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 15.05.2009.
- ³¹ Российский рынок стероидов 3 [Electronic resource]. – Режим доступа: http://www.sila-tela.ru/rus_ster_3.html, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 15.05.2009.
- ³² Орлов В.Б. Словарь спортивного жаргона: (Около 1100 слов и выражений). Челябинск: [б.и.], 1993. 72 с.
- ³³ Front loading on a cycle? [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.anonymousbodybuilding.com/forum/thread7578.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 17.05.2009.
- ³⁴ NIDA – Research Report Series – Anabolic Steroid Abuse – The Whys and Hows of Abuse [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.nida.nih.gov/ResearchReports/steroids/anabolicsteroids3.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 16.05.2009.
- ³⁵ Форум STEROID.RU [Electronic resource]. – Режим доступа: www.forum.steroid.ru/index.php?showtopic=20785&st=60&start=60, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 30.04.2009.
- ³⁶ Coming Off Steroids [Electronic resource]. – Режим доступа: www.steroid.com/offster.php, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 30.04.2009.
- ³⁷ Короткие курсы: хороший прирост – меньше побочных. Форум по бодибилдингу и пауэрлифтингу ATHLETE.RU [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://forum.athlete.ru/index.php?showtopic=11349>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 15.05.2009.
- ³⁸ Российский рынок СТЕРОИДОВ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sila-tela.ru/rus_ster_1.html, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 15.05.2009.
- ³⁹ Д-р Любер. Культурнизм по-нашему, или Секреты качалки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://athlete.ru/books/sekrety_kachalki_luber/12_likbez_po_himii.htm, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 3.08.2007.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Test Суп/Proviron Cycle - thoughts? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.steroid.com/showthread.php?t=200222>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 30.04.2009.
- ⁴² Российский рынок СТЕРОИДОВ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sila-tela.ru/rus_ster_1.html, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 15.05.2009.

А. А. Елистратов

- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Что такое анаболические стероиды? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sila-tela.ru/chto_takoe_steroidy.html, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 15.05.2009.
- ⁴⁵ WITCH Cycle [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://forum.steroid.com/showthread.php?t=200285>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 30.04.2009.
- ⁴⁶ Борохов А.Д. Указ. соч. С. 106.
- ⁴⁷ Aj G., Moores J. Central Nervous System Stimulants [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.amphetamines.com/psychostimulants/stimulant.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 18.05.2009.
- ⁴⁸ Дейвенпорт-Хайнс Р.В. Указ. соч. С. 355.
- ⁴⁹ Wadler G. Drugs and Sports: Amphetamines [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://espn.go.com/special/s/drugsandsports/amphet.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 18.05.2009.
- ⁵⁰ Дейвенпорт-Хайнс Р.В. Указ. соч. С. 361–362.
- ⁵¹ Кудрявцев В.Г., Кудрявцева Ж.В. Спорт: события и судьбы. М.: Просвещение, 1986. С. 194.
- ⁵² Frías C. Baseball and amphetamines [Electronic resource]. – Режим доступа: http://www.palmbeachpost.com/sports/content/sports/epaper/2006/04/02/PBP_AMPHET_0402.html, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 18.05.2009.
- ⁵³ Баймухаматов С. Сны золотые (Исповеди наркоманов). М.: Знание, 1998. С. 63.
- ⁵⁴ Coming Off Steroids [Electronic resource]. – Режим доступа: www.steroid.com/offster.php, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 15.05.2009.
- ⁵⁵ My Clen/T3 Cycle and results [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://forums.isteroids.com/anabolic-steroids-questions-answers/73003-my-clen-t3-cycle.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 30.04.2009.
- ⁵⁶ Мирошниченко Л.Д. Указ. соч.
- ⁵⁷ Борохов А.Д. Указ. соч. С. 226.
- ⁵⁸ Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. – М.: АСТ–ПРЕСС КНИГА. 2007. С. 479.
- ⁵⁹ См.: Никитина Т.Г. Молодежный сленг: Толковый словарь: Более 12 000 слов; свыше 3000 фразеологизмов. М.: Астрель: АСТ. 2004. 912 с.
- ⁶⁰ Елистратов В.С. Указ. соч.; Грачев М.А. Словарь тысячелетнего русского арго: 27 000 слов и выражений. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. 1120 с.
- ⁶¹ Глазун С.А. Новый англо-русский словарь современной разговорной лексики. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2001. 776 с.

А.Г. Кадыкова, Г.Е. Крейдлин

Части тела в русском языке и в русской культуре: признак «цвет»¹

В данной статье рассматривается признак «цвет» применительно к телу человека и его частям, выявляется связь этого признака с другими признаками человеческого тела, такими как «температура», «физическое состояние», «эмоциональное состояние» и др., а также изучается сочетаемость слов, передающих значения признака «цвет» с названиями частей тела и других соматических объектов.

Ключевые слова: тело, признак, соматический объект, цвет, языковое выражение.

Признак «цвет» в системе признаков тела и его частей. Постановка задачи

Настоящая работа выполнена в рамках проекта «Части тела² в русском языке и русской культуре», осуществляемого в Институте лингвистики РГГУ группой исследователей под руководством проф. Г.Е. Крейдлина. Цель проекта состояла в анализе семиотической концептуализации человеческого тела и его частей. Понятие семиотической концептуализации фрагмента действительности, каковым в нашем случае предстает человеческое тело и другие соматические объекты³, является естественным обобщением понятия языковой концептуализации и отражает то, как данный фрагмент представлен в естественном языке и других семиотических кодах⁴. Далее речь в работе пойдет только об одном языке – русском – и только об одном семиотическом коде, или языке тела – тоже русском.

В рамках упомянутого проекта описание тела и телесного поведения людей, равно как и их вербальное и невербальное знаковое отражение, осуществляются на едином семантическом метаязыке, который получил название язык признаков⁵. Были выделены и охарактеризованы разные признаки тела, частей тела, органов, покровов и других соматических объектов, описаны значения этих признаков и их выражение в текстах. Более детально, чем другие, изучались три связанных между собой множества: множество признаков, характеризующих соматические объекты, множество значений этих призна-

© Кадыкова А.Г., Крейдлин Г.Е., 2010

ков, а также множество языковых и неязыковых знаков, передающих эти значения в русском языке и русском языке тела.

Лексикографическим форматом, в котором представлены результаты проведенного анализа, является не традиционный словарь, а особая фреймовая схема, схема компьютерной базы данных «Части тела в русском языке и русской культуре». В процессе заполнения слотов база пополняется разнообразной информацией о строении и функционировании соматических объектов и их номинаций. Кроме того, база содержит информацию о невербальных знаковых единицах, составляющих основу лексической системы русского языка тела. Иными словами, строится формализованное описание того, что сегодня часто называют телесным кодом и телесностью⁶.

Создавая нашу базу данных, мы одновременно строим типологию признаков и типологию их значений⁷. С самого начала во множестве признаков выделяются три группы признаков – физических, структурных и функциональных признаков – и описываются как отдельные признаки, так и их значения внутри каждого из классов. Помимо признаков и их значений, изучаются типовые языковые выражения этих значений, наиболее характерные для русского языка тела невербальные знаковые проявления телесности, то есть жесты в широком смысле слова, и имена жестов (номинации)⁸.

Физические признаки характеризуют собственно физические, биологические и геометрические свойства исследуемого соматического объекта, или части тела. К физическим признакам относятся, например, такие признаки, как «форма (тела или его части)», «размер», «температура», «наличие поверхности» и «текстура» (свойства поверхности), «твердость/мягкость» (например, зубы мыслятся как твердая часть тела, а щеки – как мягкая) и т.д.

Структурные признаки определяют состав, количество, соотношение и соположение отдельных частей в данной части тела или внутри самого тела. Во множестве структурных признаков входит, например, признак «членимость (данного соматического объекта)», под которой понимается возможность выделения в составе данного соматического объекта более мелких частей, которые имеют хорошо освоенные языком названия. К структурным признакам относятся также признаки «наличие у данного соматического объекта покрова» – кожного (кожа), волосяного (волосы, усы) или рогового (ногти), «соотношение (количественное и качественное) твердых и мягких частей в составе данного соматического объекта» и ряд других.

Функциональные признаки отражают типовое назначение соматического объекта, а именно типовые знаковые действия, осуществляемые этим объектом или производимые над ним, а также указывают на его типичные движения. Так, основная функция рук – это брать и удерживать относительно небольшие предметы, а также осуществлять с ними разнообразные действия. Кроме того, руки принимают активное участие в жестикуляции, в выражении эмоций и обладают эстетической функцией. У ног типовых функций меньше, чем у рук, – прежде всего, это функции, связанные с поддержанием тела в вертикальном положении и ходьбой. Для щек наиболее важны действия, совершаемые над ними: так, по щекам *хлещут*, *бьют*, *лупят*, но их также *щиплют*, *треплют*⁹. Все эти глаголы обозначают основные действия, осуществляемые над щеками. При исполнении мануального жеста **пощечина** жестикулирующий тоже осуществляет одно такое действие из класса ударов.

В нашей системе имеются функциональные признаки, соотносящие определенные физические (телесные) и психологические (эмоциональные) смыслы. В частности, к ним относятся признак «возможность участия данного соматического объекта в выражении внутреннего состояния человека (в частности, эмоционального)» и близкий к нему признак «возможность данного соматического объекта быть местом проявления эмоций». Например, глаза могут говорить о некотором внутреннем состоянии человека (ср. *Глаза светятся от радости* или *Глаза пылают гневом*). Щеки являются местом, по передаваемой характеристике которого тоже можно судить о психологическом состоянии человека, ср. *И кончился их вечер тем, что оба они плакали: Михаил Михайлович действительно был очень добрым человеком и любил Таисию, и очень перепугался, его огромные щеки побледнели* (Л. Андреев. Жертва). Ниже мы покажем, что функциональные признаки соматических объектов тесно связаны с физическим признаком «цвет»¹⁰.

Далее основным предметом рассмотрения в работе будет признак «цвет соматического объекта»¹¹. Анализируются сам признак, его основные значения и типовые языковые способы выражения этих значений.

Прежде чем приступить к анализу, сделаем одно важное замечание. Из всех значений данного признака особое внимание мы будем уделять так называемым выделенным значениям. Под выделенным значением данного признака в данной ситуации и данной культуре мы понимаем либо смысловую нагруженность, либо культурную важность этого значения в

некоторой ситуации. Под смысловой нагруженностью имеется в виду наличие важного дополнительного смысла у некоторой типовой языковой или неязыковой единицы, выражающей значение признака, причем, что важно, этот дополнительный смысл либо дает нам некоторые не связанные с данным признаком или его значением сведения о человеке, либо эксплицирует связь данного признака с каким-то другим (или какими-то другими) признаком системы. Под культурной важностью значения признака в данной культуре понимается существенная, ключевая роль этого значения в культуре.

Приведем примеры выделенных значений некоторых признаков. Рассмотрим признак «размер головы». У него есть значение /большой/, которое выражается в русском языке, в частности, сочетанием слов *большая голова* или словом *большеголовый*. Это значение является выделенным, поскольку данные выражения передают не только размер головы, но и дополнительный смысл — то, что человек умный. Иными словами, воспроизводя или интерпретируя сочетание *большая голова*, мы можем не только охарактеризовать размер головы, но и описать неочевидное и важное свойство человека. Вот еще один пример выделенного значения. Рассмотрим признак «текстура щек». Анализ примеров из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) показывает, что среди значений этого признака есть такие: /кожкий/, /гладкий/, /бритый/ и др. Выделенным значением является значение /небритый/: *небритые щеки* характеризуют мужчин, не слишком заботящихся о своей внешности. Значение /небритый/ подчеркивает культурную важность признака «текстура щек».

Признак «цвет соматического объекта» и его значения

С признаком «цвет» и цветообозначениями сложилась удивительная ситуация: в подавляющем большинстве случаев они изучались в отрыве от природы тех типов объектов, к которым признак «цвет» приложим (природных объектов, артефактов, абстрактных объектов), и это при том, что лингвистических работ, посвященных цвету и цветовым обозначениям, существует огромное количество¹². Между тем цветовые прилагательные и другие языковые единицы со значением цвета в сочетаниях с названиями соматических объектов, равно как и с именами других тематических групп, ведут себя специфическим и весьма прихотливым образом.

Ниже мы рассмотрим по преимуществу группу признаков, относящихся к телу, частям тела и частям частей тела, то есть признаки «цвет тела», «цвет рук», «цвет ног», «цвет глаз» и др. Как хорошо известно, существуют особые обозначения цветов, характеризующие исключительно или почти исключительно телесные объекты. Например, прилагательное *карий* значит то же, что *коричневый*, но сочетается только с существительным *глаза* и его синонимами (или обозначает масть лошади). Несколько иначе ведет себя прилагательное *румяный*: оно применимо не только к телесным объектам (ср. *румяные щечки*), но и к объектам других классов, или групп (ср. *румяная заря*, *румяные пирожки*). Интересно, что, сочетаясь с именами частей тела или именами частей частей тела, одни прилагательные могут в результате метонимического переноса сочетаться с именами людей, а другие нет. Так, допустимо *румяный мальчик*, но не **карий мальчик*.

Ниже мы хотим на примере признака «цвет соматического объекта» проиллюстрировать одно общее положение, важное для описания механизма взаимодействия вербальных и невербальных единиц в дискурсе. Речь идет о том, что некоторые выделенные значения признаков частей тела непосредственно связаны с невербальным коммуникативным поведением человека, в частности, являются причиной появления в актуальном диалоге некоторых жестов. Факт связи признака «цвет соматического объекта» с невербальными знаковыми единицами ранее в литературе почти не отмечался¹³.

Далее последовательно решаются следующие три задачи:

(1) определить место признака «цвет» в системе телесных признаков; (2) описать, как цвет разных соматических объектов может выражаться в русском языке; (3) выявить роль признака «цвет» в невербальном диалогическом поведении людей.

Материалом для исследования нам послужили письменные и устные тексты XIX–XXI вв. разных жанров, тематики и стиля. Иллюстративные примеры в основном брались из Национального корпуса русского языка; анализировались также примеры из отсутствующих в Национальном корпусе текстов художественной литературы и из сети Интернет, найденные авторами данной статьи.

Начнем с того, что укажем выделенные значения признака «цвет» для основных соматических объектов.

Сначала сделаем одно общее утверждение. Для признака «цвет (соматического объекта)» характерна широкая метони-

мия (как, впрочем, и для многих других признаков нашей системы). Например, когда говорят о цвете головы, имеют в виду цвет волос, то есть покрытия головы. Так, сочетание *его большая рыжая голова* обозначает не цвет головы, то есть черепа или кожи, а цвет волос на голове. Цвет волос – это настолько важная характеристика человека, что во многих языках существуют специальные именованья человека по цвету волос. В русском языке это слова *блондин, брюнет, шатен, рыжий, седой, чернявый, белокурый, белобрысый* и др.

Значения признака «цвет волос» неравноправны; среди них есть выделенные. Выделенным, а именно культурно важным, является значение /рыжий/, то есть рыжий цвет волос. По данным словаря С.И. Ожегова¹⁴ высказывание *Что я – рыжий?* представляет собой вопрос, означающий ‘я не дурак, не глупее, не хуже других’; ср. также выражение *рыжий-бесстыжий*. Рыжим людям приписываются особые свойства, причем не только в русской культуре. Вспомним *Союз рыжих* (А. Конан-Дойль) или прозвище *Рыжий*, которое синонимично слову *клоун* (потому что первоначально клоуны выступали в париках рыжего цвета). Рыжим людям русская культура приписывает такие качества, как хитрость и коварство.

Современный городской фольклор, если судить по расхожим шуткам и анекдотам, выделяет другой цвет волос, а именно светлые волосы женщины. Их обладательницы – *блондинки* – предстают в рассказываемых сегодня анекдотах как наивные и глупые. Они постоянно попадают в затруднительные ситуации, из которых другие люди успешно выбираются, или же они долго пытаются решить какие-то простые задачи, которые другие решают без особого труда.

Если рыжие и светлые волосы получают, по данным русского языка и русской культуры, отрицательную оценку, то некоторые другие цвета волос и их обладатели, наоборот, оцениваются положительно. Так, седые волосы, в особенности у пожилых и старых людей, свидетельствуют не только о возрасте, но и о большом жизненном опыте, житейской мудрости, благородстве. Сочетание *дожить до седых волос* отражает, на наш взгляд, не только объективную характеристику, вопреки, например, данным словаря С.И. Ожегова¹⁵, – ‘дожить до старости’, – но и субъективную положительную оценку этого события со стороны говорящего и – опосредованно – цвета волос. Седые волосы получили особое название – *седина*, и этот факт тоже отражает языковую и культурную значимость седых волос. Однако наиболее частотные выражения со словом *седина* – *седина на висках, благородная седина* и *дожить до седин*, – хотя

и означают появление седых волос, подчеркивают связь цвета волос с жизненным опытом человека, его житейской мудростью. Иными словами, смысловой акцент в слове *седина* делается не на цвете волос, а на свойствах людей, имеющих седые волосы. Сказанное объясняет, почему при правильном сочетании *благородная седина* неправильно сочетание *благородные седые волосы*. А именно, эта неправильность вызвана тем, что слово *седина*, как мы только что сказали, характеризует не сами волосы, а человека – их обладателя; прилагательное *благородная* обозначает свойство человека, а не свойство волос.

От сильных негативных эмоций (ужаса, горя и т. п.) у людей могут появиться седые волосы. Говорят *Сколько он пережил! Не удивительно, что у него появились седые волосы, но едва ли ?? появилась седина*. Набор ситуаций, при которых у человека появляются седые волосы, шире набора ситуаций, в которых у человека появляется седина. Устойчивая связь смыслов 'седой цвет волос' и 'пожилой возраст' проявляется и в выражении *Седина в бороду – бес в ребро*. Оно применяется к пожилым мужчинам, испытывающим сексуальное влечение к женщинам и ухаживающим за женщинами, что оценивается как поведение, нарушающее общественные нормы.

То же выражение раскрывает роль признака «пол» («гендер») для описания цвета волос. Дело в том, что цвет волос особенно важен для женщин, потому что женщины в большей степени, чем мужчины, обращают внимание на внешний вид, а цвет волос является важнейшей характеристикой внешности (а также возраста). Поэтому женщинам свойственно *следить* или *ухаживать за волосами*. В частности, они *красят* и *подкрашивают волосы*, меняя цвет или оттенок волос, или надевают парики. В русском языке есть выражения, характеризующие цвет женских волос ср. *натуральная блондинка, естественный / натуральный цвет волос*, к мужским волосам эти выражения в норме не применяются. Отметим, что приведенные сочетания не выражают значений признака «цвет волос»: они указывают на соответствие цвета волос женщины в данный момент времени цвету волос природному, тому, который она имеет вообще. За употреблением этих сочетаний стоит довольно естественное предположение, что цвет волос по разным причинам может меняться и часто меняется до такой степени, что волосы нуждаются в подкрашивании или окраске (ср. *Волосы седеют, тускнеют*). Интересно, что выбор цвета, в который женщины красят волосы, часто определяется не столько соответствием природному цвету, сколько иными мотивами, например, требованиями моды. Несоответствие выбранного цвета при-

родному не позволяет употреблять сочетания *натуральный / естественный цвет волос* для описания ситуаций окрашивания волос.

Перейдем теперь к признаку «цвет глаз». Как и для признака «цвет волос», для него характерна метонимия, переход от части к целому. Это проявляется, например, в том, что существуют номинации людей по цвету глаз – *черноглазый, голубоглазый* и т. д. С цветом глаз связаны определенные культурные стереотипы. Одному из нас уже доводилось отметить, что «в России и в Северной Европе, например, не любили редких черных глаз, а на юге Италии злые глаза – это голубые, тоже достаточно редкие по цвету»¹⁶. Еще со времен увлечения физиогномикой (определением свойств характера человека по чертам лица) люди связывали определенные цвета с конкретными психологическими или рациональными характеристиками человека. Так, на Руси считалось, что черные глаза могут приносить несчастье, зеленые глаза связывались с хитростью, неискренностью, а обладателям голубых глаз приписывали «ангельский» характер.

Цвета глаз, волос, кожи и некоторых других соматических объектов имеют свои особенности, а именно, значения этих признаков либо отражают сами цвета – постоянные свойства указанных соматических объектов, – либо описывают изменения (результат изменения) цветовых характеристик.

Мы уже говорили, что цвет волос может меняться ненамеренно, под действием определенных обстоятельств, но люди могут менять цвет волос также осознанно. Это делается по самым разным причинам: из-за болезни, по настроению или, например, отдавая дань моде.

Изменение цвета глаз связано в первую очередь с психологическими причинами – эмоциями и их проявлениями. В частности, *глаза могут покраснеть (стать красными) от слез*. Вполне допустима грамматически и не содержит внутреннего противоречия фраза *Ее карие глаза покраснели*. Покраснение глаз вызывается, впрочем, не только эмоциями и их проявлениями (слезы), его причинами могут быть физические, природные явления, такие как сильный ветер, песок, попавший в глаза, яркое солнце и т. п. От сильных отрицательных эмоций (страха, ужаса, горя, гнева) *глаза могут почернеть*, ср. экспрессивные выражения гнева и страха в примерах *Что сталоось вдруг с красавицей королевой? Глаза у неё разом почернели и округлились, как у ворона, лицо позеленело и покривилось, губы перекосились, и вся она стала вдруг отталкивающей и безобразной.* (Л.А. Чарская. Галина правда);

Наташа стояла перед ним бледная, большие глаза ее почернели еще, и она точно испуганно смотрела на него. (Н.Г. Гарин-Михайловский. Студенты).

Изменившийся цвет глаз может говорить о физическом или психологическом нездоровье человека. Больше того, изменившийся цвет глаз часто служит диагностическим признаком некоторых болезней внутренних органов. Так, *глаза* нередко *желтеют*, когда у человека большая печень; *желтые глаза* могут свидетельствовать о желтухе, вызванной гепатитом, или о механической желтухе.

Помимо влияющих на изменение цвета глаз болезней и недугов, эмоций и природных явлений, есть и другие причины, вследствие которых глаза кажутся приобретающими другой цвет, в норме им не свойственный. Приписывание необычного цвета может быть художественным приемом – своеобразным украшением текста, говорящего о внешности человека. Такое приписывание часто отражает результат восприятия цвета, возникающего в силу самых разных причин. К ним относятся актуальное психическое состояние человека, действие лучей света, падающих на глаза или на другие предметы, то есть отраженный свет, и др. Ср. следующие примеры: *Она повернула к нему лицо, улыбнулась, осветив лучисто-радужной синевой глаз, протянула ему карандаш* (Ю. Бондарев. Берег); *Загорелое лицо Анны Моисеевны на фоне розового платья смотрится свежо, и аквамаринные глаза плещутся в зеркале, полном солнечного света* (Э. Лимонов. Молодой негодяй). Цвет глаз часто кажется наблюдателю изменившимся и при внезапном переходе от света к темноте и наоборот, – особенно в комнатах и других замкнутых помещениях, ср. *Офицер стал вспоминать: почему он здесь, в машине, на обочине, и откуда взялась рядом с ним странная девушка, чьи огромные глаза в темноте казались перламутровыми. Наконец, Бирюков осознал себя и вспомнил свою жизнь* (Ю. Петкевич. Живые цветы зимой).

Несмотря на внешнее сходство выражений *Глаза покраснели / пожелтели / почернели / побелели*, между ними есть определенные различия, связанные с разной биологической природой процессов, сопровождающихся изменением цвета глаз. Важно отметить, что при изменении цвета глаз может происходить изменение цвета разных частей глаза.

Когда глаза краснеют, краснеют белки глаз, ср. *Лицо Пилата исказилось судорогой, он обратил к Иешуа воспалённые, в красных жилках белки глаз <...>* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита). Сочетание *красные глаза* свидетельствует о том, что в глазах имеются кровеносные сосуды, и что изменения,

происходящие в этих сосудах, вызвали приток крови, ср. такие выражения, как *Глаза налились кровью* (то есть 'стали очень красными в результате притока крови'), *красные прожилки в глазах*. *Желтые глаза* тоже связаны с изменением цвета белка. А зрачки часто *темнеют*, ср. *Он пользовался славой покорителя женщин, разрушителя семейного счастья, и, когда говорил о женщинах, лицо его сумрачно хмурилось, синеватые зрачки темнели и во взгляде являлось нечто роковое* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

Изменения цвета глаз или зрачков бывают нередко связаны с изменением размера или формы зрачков: зрачки могут *расширяться* или *сужаться*, то есть становиться больше или меньше и, как следствие, занимать большее или меньшее пространство в глазу, ср. *В гневе Иван Алексеевич был страшен, и как первый сигнал – белки его глаз принимались так расширяться, что через короткое время сужали зрачки до щелочек и глаза превращались прямо в белые нули какие-то* (А. Хруцкий. Окаянные дни Ивана Алексеевича). От увеличения размера зрачка создается впечатление, что белого цвета в глазах стало меньше, и потому глаза кажутся *потемневшими* или даже *черными*. Всё это говорит о том, что признаки «размер глаз» и «цвет глаз» тесно связаны.

Рассмотрим еще несколько признаков, объединенных названием «цвет соматического объекта». Сначала остановимся на цветах отдельных частей лица, частей частей лица и цвете самого лица. Мы покажем, что значения соответствующих признаков и языковые выражения, передающие эти значения, имеют каждое свои особенности.

Когда упоминают цвет носа, имеют в виду цвет, который ему в норме не свойственен; в любом случае указание на цвет носа вызвано особыми прагматическими причинами. Речь идет, прежде всего, о *красном носе*, *пунцовом* (*пунцово-красном*) или *багровом*. *Красный нос* либо является симптомом болезни, либо нос краснеет под действием атмосферных явлений (главным образом, холода, ср. известное *Мороз – Красный Нос*). Кроме того, нос может краснеть под действием алкоголя; по красному носу люди судят о том, что человек постоянно выпивает, что он склонен к алкоголизму, ср. *Ты не бойся, пьяница, носа своего – он ведь с красным знаменем цвета одного* (городской фольклор). С точки зрения стереотипных представлений носителей русской культуры, чем темнее или насыщеннее красный цвет носа, тем более человек склонен к пьянству. О склонности человека к пьянству говорят и такие сочетания, как *сизый, лиловый, фиолетовый нос*, ср. – *Зарубите себе на*

своем сизом алкоголическом носу, Манюкин, – сказал он холодно, – свят любой инструмент, коим добывается благо общественное (Л.М. Леонов. Вор).

Как и другие части лица, нос и его части (крылья, ноздри, кончик) от испытываемых человеком эмоций могут приобретать особую окраску, например, краснеть или белеть, ср. *Она шла с гордым, независимым видом, но кончик носа у нее покраснел от обиды* (В. Железников. Жизнь и приключения чудака); *Его ноздри раздувались, побелели от скрытого внутреннего волнения* (Г. Адамов. Тайна двух океанов).

Если о цвете лба говорят лишь в исключительных случаях, то о цвете губ говорят много, причем в основном ведут речь о губах женщин. Женщины обычно тщательно ухаживают за лицом – *пудрят нос, подводят глаза, румянят щеки* и т. п., а также *красят и подкрашивают губы*. По этой причине различаются *естественный цвет губ* – красный и разные оттенки красного – и измененный. Цвет детских губ всегда естественный (дети сами о своей внешности не заботятся), поэтому цвет губ при описании лица ребенка упоминают крайне редко – в основном как проявление болезни, как результат воздействия холода – или указывают на цвет в качестве художественного приема для характеристики внешности, ср. *Головка Тамары со всеми принадлежностями: хорошенькими глазками, розовыми губками, мильм, остреньким, широким у основания носиком, удобно расположилась на ладошках* (А.С. Макаренко. Книга для родителей).

Среди значений признака «цвет щек» выделяются значения /красный/ и /белый/. Сфера употребления русских языковых выражений, передающих эти значения, разная – из-за условий, при которых щеки приобретают данный цвет или его оттенки. Выражения *красные щеки, белые щеки* являются проявлением воздействия на человека холода, болезней и т. п., то есть тех явлений, о которых мы уже говорили.

Обратим внимание на два сочетания *розовые щеки* и *румяные щеки (щечки)*. Они являются языковыми выражениями значения /красный/ и характеризуют здорового человека (крайне редко говорят *#болезненно розовые (румяные) щеки*), причем описывают здоровье особым образом, а именно передают вовсе не впечатление о здоровье (об одном исключении, касающемся сочетания *румяные щеки*, см. ниже). Иными словами, оба сочетания передают здоровье; не случайно указание на розовые или румяные щеки часто сопровождается выражениями *веет здоровьем, излучает здоровье, пышет здоровьем*.

Существует и нездоровый *румянец на щеках*; его иногда называют *лихорадочным*¹⁷. Детская болезнь – диатез – всегда сопровождается болезненной краснотой щек, для их характеристики часто используется сочетание *румяные щеки*. Иными словами, сочетание *румяные щеки* может обозначать не только здоровье, но и болезнь.

Помимо красного и белого, у щек бывают и другие цвета. Когда взрослый мужчина тщательно выбрит, говорят, что у него *синева на щеках*. *Выбритый до синевы* мужчина имеет гладкие щеки, то есть выражения *гладкие щеки* и *выбрит до синевы* референциально тождественны, однако первое говорит о поверхности щек, а второе – о цвете. Ср. известный анекдот: *Чем отличается русский офицер от английского? Английский офицер до синевы выбрит и слегка пьян, а русский слегка выбрит и до синевы пьян*.

Таким образом, цвет щек характеризует физическое и психологическое состояние человека – как здоровое, так и нездоровое, его отношение к другим людям, проявлением которого является, например, стыдливость, смущение, волнение и т. д. Кроме того, изменение цвета щек может быть вызвано некоторыми событиями, связанными с человеком, в частности, его типовыми действиями. Косметика и косметические действия напрямую связаны с эстетической функцией щек и физической красотой человека, его внешностью.

Что касается цвета лица, то, прежде всего, отметим, что, хотя лицо состоит из разных частей, его цвет не складывается из цвета его частей. Например, встречаются составные выражения, описывающие цвет лица вместе с цветом некоторой его части, ср. *лицо землистого цвета с красными щеками*. Описания цвета лица и цвета его частей – губ, щек, носа – применительно к одному и тому же человеку часто бывают семантически согласованными. Рассогласование по цвету в текстах подчеркивается использованием противительных союзов *но*, *однако*, уступительного союза *хотя* и подобных средств, сигнализирующих о каких-то противоречиях фрагментов текста: *У одного лицо длинное, носатое, бледное, но уши, как ни странно, ярко-розовые, довольно красивого оттенка. У другого лицо круглое, курносое, кирпично-красное, уши же, как ни поразительно, совершенно белые, какие-то гипсовые, ненастоящие* (Г. Алексеев. Зеленые берега).

Признак «цвет лица» принимает разные значения, каждое из которых описывается языковыми единицами, в большинстве случаев передающими психическое или физическое со-

стояние человека. Речь идет, прежде всего, об эмоциональных состояниях: они могут быть как положительными, ср. *Дубленая физиономия Вукола едва не покраснела от удовольствия* (В. Черкасов. Черный ящик); <...> *Ее пуңцовое от счастья лицо с безумными выпученными глазами взлетает от земли и несетя со страшной скоростью на меня* (С. Василенко. Дурочка), так и отрицательными, ср. *Лицо Эйхлера побагровело от досады* (И.И. Лажечников. Ледяной дом); *Я слышал свой крик и видел лицо Риты, побелевшее от испуга* (Ю. Трифонов. Предварительные итоги).

Конкретным эмоциям соответствует либо определенный цвет лица, либо класс близких цветов. Поэтому при описании возможных проявлений эмоций указание цвета может, а в ряде случаев и должно получить лексикографическое отражение. Эмоция страха связана с физической характеристикой – холодом¹⁸, от холода лицо белеет, поэтому естественно сочетание *побелеть от страха*, но не, например, от удовольствия. Лицо может становиться не только белым, но и *серым от страха*, ср. *Лицо Урфина Джюса посерело от страха* (А. Волков. Урфин Джюс и его деревянные солдаты), но не белым или серым от стыда (ср. *#белое (серое) от стыда лицо*). Это не удивительно, так как белый и серый входят в один класс близких цветов.

Из других значений признака «цвет лица» выделим значения /красный/ и /белый/. ср. выражающие эти значения слово *краснолицый* и сочетание *белое лицо*. Красный цвет лица, как и белый, может быть вызван определенными эмоциями и физическими причинами, например, жаром (ср. *лицо горит, пылает*), болезнью, значительными физическими усилиями и еще очень многими другими факторами. Когда человек возвращается в нормальное состояние после тяжелой работы, связанной с большими затратами труда, *кровь отликает от лица*, его лицо кажется побледневшим, белым, и человека часто спрашивают *Тебе не плохо?, Вы устали?*

Поскольку лицо является частью тела, открытой для внешнего наблюдателя, на нем хорошо видны цветовые проявления эмоций. Однако далеко не все люди хотят, чтобы такие проявления были заметны другим, и, если человек понимает, что лицо выдает его чувства, он может **закрывать лицо руками**¹⁹. Цвет лица отражает не только эмоции, он может говорить и о физическом состоянии человека, в частности, о болезни. Существует выражение *болезненный цвет* лица, и это характеристика лица бледного, серого, почерневшего и даже зеленого. Физическое самочувствие находит отражение также в

изменившемся цвете лица: когда после болезни у человека появляется *здоровый цвет лица*, человек считается выздоравливающим или выздоровевшим.

От лица «спустимся» ниже. Шея может быть только красного цвета с разными оттенками, например, багрового, причем о красной шее говорят только применительно к взрослым мужчинам. Покраснение шеи свидетельствует о больших физических усилиях (ср. *Шея его покраснела от натуги*) или о некоторых сильных эмоциях, ср. *Все еще красная от возмущения шея его начала багроветь гуце* (А. Кабаков. Сочинитель).

Важным для русской культуры является цвет ушей. Уши чаще всего *краснеют* от стыда. Говорят, что *уши горят*, то есть красный цвет ушей связан с жаром, температурой. Человек не видит своих ушей, но, ощущая жар в них от прилива крови, **закрывает их руками**, чтобы скрыть от посторонних, например, свои эмоции (ср. аналогичный жест, совершаемый при покраснении щек). От долгого пребывания человека на сильном морозе *уши синеют, белеют*.

Изменение цвета тела и частей тела (туловища, рук, ног) вызывается также и загаром. Одни люди от пребывания на солнце *темнеют (чернеют, бронзовеют, коричневеют)*, другие *краснеют*. Краснота, то есть красная кожа на теле, и здесь сопряжена с *горением* (ср. *Смотри, ты весь сгорел!*), но не бывает так, чтобы люди одновременно сгорали на солнце (*краснели*) и *чернели*.

Мы уже видели, что за разными цветами частей тела закреплены определенные понятийные сферы и смыслы. Не являются исключением и цвета рук и ног. Их цвета, как и цвета других соматических объектов, связаны, главным образом, с функциями и действиями, в частности, с той работой, которую руки и ноги выполняют. Среди основных действий рук, как показано в работе Аркадьев, Крейдлин 2010, выделяются */брать/*, */удерживать предметы/* и */манипулировать предметами/*. Если действия рук связаны с большими затратами труда, с неудобным положением, принятие которого требует немалых телесных усилий, или, наконец, с испытываемыми человеком эмоциями, то руки могут *побелеть от напряжения* (важно, что это можно видеть). Руки могут *покраснеть* также от разных физических и психологических причин или *посинеть* от холода. Выделенным является такое значение признака «цвет рук», как */белый/*. Дело в том, что сочетание *белые руки*, помимо своего прямого осмысления (лексема *белый 1*), имеет переносное значение, очень важное для построения се-

миотической концептуализации. Его можно увидеть в слове *белоручка*. Вот примерное толкование этого слова: *белоручка* – ‘человек, который не хочет делать неприятное ему дело, но готов воспользоваться результатами труда другого человека, как бы оставив свои руки белыми 1’. Морфема *-бел-* в слове *белоручка*, как и в лексеме *белый*, которая входит в сочетание *белые руки*, выступает здесь в значении *белый 2* – ‘чистый, незапятнанный’. Это значение образуется на базе коннотации лексемы *белый 1*, то есть исходного, цветового, значения слова. То же значение *белый 2* представлено в пословице *Белые руки чужие труды любят*.

В некоторых контекстах белый цвет тела или части тела получает положительную эстетическую оценку. *Белое тело, белое лицо (лиц), белая шея, белые ручки* издавна считались на Руси эталонами женской красоты. Не случайно есть много примеров использования слова *белый* в сочетании с прилагательными *красивый, прекрасный, изящный, грациозный, восхитительный*, ср. *Вдруг раздался женский плач и красивые полные белые руки протянулись из-за сосны...* (З. Масленникова. Близкие Бориса Пастернака), – *Здравствуйте, Иван Иванович! – радостно ответила она дедушке, протягивая маленькую, изящную белую ручку с обручальным кольцом на третьем пальце и бирюзой на крохотном мизинце...* (К.М. Станюкович. Пассажирка).

Ноги обычно прикрыты и потому не видны. О цвете ног говорят, только когда они обнажены и видны наблюдателю. В этом случае в тексте выражаются, например, следующие его значения: /красный/, /синий/, /белый/, ср. *Мамочка быстро чешет руками лысеющую голову, скидывает синеватые ноги с высокого спального постамента – пусть повисят, подумают: каково им весь день таскать сто тридцать пять килограммов, накопленные Мамочкой за восемьдесят лет?* (Т. Толстая. Ночь).

Очень часто говорят не о цветах отдельных частей тела, а о цвете тела в целом. В этих случаях часто используется конструкция *Он весь X*, где *X* – имя некоторого цвета, ср. *Ты весь посинел – нельзя столько находиться в холодной воде* или *Она вся позеленела от злости*. Тем не менее, когда так говорят, имеет место гиперболизация: в действительности цветовые проявления видны только на открытых участках тела. Так, в предложении *Петя весь посинел* смысл и референт не совпадают: предложение означает ‘тело Пети целиком стало синим’, а реально синий цвет виден только на отдельных частях его тела.

Заключение

Среди многих признаков, характеризующих соматические объекты, важную роль играет признак «цвет соматического объекта». В работе было показано, что значения этого признака и его языковые выражения, часто помимо прямых обозначений цвета нагружены разными другими смыслами, которые по большей части относятся к психической и эмоциональной сферам.

Признак «цвет соматического объекта» является важным звеном в системе телесных признаков. Выявлена связь этого признака с признаками двух видов: признаками тела и его частей, такими как «размер», «форма» или «температура», и признаками людей – обладателей соматических объектов. Когда описывают человека, особое внимание обращают на цветовые характеристики его внешности и на цветовые характеристики, говорящие что-то о его физическом или психическом состоянии. Было показано, что в русской культуре цвета тела и его частей тесно связаны с определенными личностными характеристиками.

Нередко в текстах языковые выражения цвета тела и его частей передают положительные или отрицательные эстетические оценки. Они же могут нести в себе и другие оценки, в частности, этические. Этические оценки непосредственно связаны с расовыми или этническими предрассудками, образом жизни и поведением человека (ср. такие языковые единицы, как *черномазый*, *краснокожий*, *белоручка*, *Синяя борода*, *белая кость*, *голубая кровь* и т. п.). Лингвистический и культурологический анализ таких выражений должен, на наш взгляд, составить предмет отдельной работы.

Отмечая тесную связь признака «цвет» с признаками «физическое состояние человека» и «психическое состояние человека», мы показали, что его значения и их языковые обозначения могут служить надежным диагностическим средством таких состояний. Ср. имена болезней, таких как *желтуха* или *краснуха*, а также слова и выражения, передающие цвет и изменение цвета: *бледность*, *побагровел (от гнева)*, *поседела (от горя)* и т. п. Появление красных или белых пятен на коже может свидетельствовать об обморожении, а фиолетовые пятна (синяки) – об ушибах и кровоподтеках, и всё это является показателем определенных физических состояний.

В системе телесных признаков «цвет соматического объекта» связан также и с признаком «температура», например, как

мы отмечаем, красный цвет лица может служить признаком повышенной температуры.

Много места в статье уделено описанию роли признака «цвет» в выражении разнообразных эмоций. За цветом отдельных частей тела закреплены определенные эмоции, и, наоборот, конкретные эмоции имеют свое цветовое проявление, для разных частей тела разное. Вербальные выражения – не единственное возможное обозначение проявлений цвета; наряду с вербальными выражениями цвета нами были рассмотрены некоторые их невербальные симптоматические проявления, а именно, мануальные жесты, направленные на сокрытие эмоций, и их цветовые отображения.

Примечания

- ¹ Проект, о котором идет речь, как и настоящая работа, выполнены при поддержке гранта РФФИ 07-04-00203а.
- ² Словосочетание *часть тела*, как и упоминающееся далее слово *жест*, используется нами в двух смыслах: в узком и широком. В широком понимании объем понятия «часть тела» совпадает с объемом понятия «соматический объект».
- ³ Под «соматическим объектом» мы имеем в виду части тела (например, голова, руки, ноги, туловище и т.д.), части частей тела (ладонь, ноздри, лоб), кости, мышцы, жилы и линии (вены, линии рук), покровы (кожный и волосной), жидкости (кровь, пот, слезы, слюна и т.д.), особые места на теле (подмышки, солнечное сплетение и др.), разного рода наросты и инородные образования (горб, бородавки, опухоли, родинки) и некоторые другие.
- ⁴ О понятии семиотической концептуализации тела см., например, в работах Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И. Части тела в русском языке и русской культуре: проект Института лингвистики РГГУ // *Лингвистика для всех: Летние лингвистические школы 2007 и 2008* / Под ред. Е.В. Муравенко, А.Ч. Пиперски, О.Ю. Шеманаевой. М.: МЦНМО, 2009, с. 173–183; Переверзева С.И., Крейдлин Г.Е. Телесность и некоторые особенности семиотического диалогического поведения // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии* (по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.)). Вып. 7 (14). М., 2008, с. 427 – 430; Аркадьев П.М., Крейдлин Г.Е., Летучий А.Б. Сравнительный анализ вербальных и невербальных знаковых кодов (постановка задачи и способы её решения) // *Динамические модели. Слово. Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е.В. Падучевой* / Под ред. А.В. Бондарко, Г.И. Кустовой, Р.И. Розинной. М.: Языки славянской культуры, 2008, с. 439–449; Аркадьев П.М., Крейдлин Г.Е., Летучий А.Б. Семиотическая концептуализация тела и его частей. I. Признак «форма» // *Вопросы языкознания*. 2008, № 6. с. 78–97. О языке тела (body language), иначе называемом языком жестов, см.: Крейд-

А.Г. Кадькова, Г.Е. Крейдлин

лин Г.Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М., 2002.

- ⁵ Подробнее о языке признаков см.: Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И. Тело и телесность: система признаков. М., 2010 (в печати).
- ⁶ Ср., например: Телесный код в славянских культурах. Сб. статей / Отв. редактор Н. В. Злыднева. М., 2005.
- ⁷ В дальнейшем признаки заключаются в кавычки «», а значения признаков – в косые скобки // . Языковые номинации признаков и их значеный, как и иллюстративный материал, выделяются курсивом, а жесты – **жирным шрифтом**. Знак решетка # ставится при нестереотипных, ненормативных выражениях.
- ⁸ О разных видах жестов, их номинациях и роли жестов в устной коммуникации см. в книге Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М., 2002.
- ⁹ О части тела *щеки*, ее свойствах и функциях см. Крейдлин Г.Е., Летучий А.Б. Часть тела в русском языке и русской культуре: *щеки* // Русский язык в научном освещении. М. 2010 (в печати).
- ¹⁰ Описанными тремя группами признаков отнюдь не исчерпывается совокупность признаков, которые определяют семиотическую концептуализацию тела и его частей (подробнее обо всех этих признаках см. Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И. Тело и телесность).
- ¹¹ В действительности за этим обозначением скрывается целая серия признаков, таких как «цвет кожи», «цвет глаз», «цвет руки» и т. д.
- ¹² Например, такие как: Berlin B., Kay P. Basic Color Terms, their universality and evolution. – Berkeley: University of California Press, 1969 (reprinted in 1991); Бахилкина Н.В. История цветообозначений в русском языке. – М.: Наука, 1975; Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке / Под общ. ред. А.П. Василевича. – М.: КомКнига, 2005; Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997, с. 231-290; Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М., 2000; Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа. – М.: Наука, 1984.
- ¹³ См., впрочем, статью: Крейдлин Г.Е. Тело, эмоции, температура // Язык и эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты: Сборник науч. тр. к юбилею В.И. Шаховского / Отв. ред. С.В. Ионов. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2009, с. 85 – 96.
- ¹⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990, 23-е изд., с. 688.
- ¹⁵ Ожегов С.И, указ. соч., с. 707.
- ¹⁶ Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика, с. 404.
- ¹⁷ См.: Крейдлин Г.Е., Летучий А.Б. Часть тела *щеки*.
- ¹⁸ Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания, 1993, № 3, с. 27-33.
- ¹⁹ Описание разных значений жеста **закрывать лицо руками** см. у: Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. М.–Вена: Языки русской культуры, 2001.

А.С. Красникова

Диахронические изменения и проблема тождества текста (к постановке вопроса)

Текст в лингвистике обычно рассматривается в синхронии: подразумевается, что текст не изменяется во времени. Однако для построения общей теории текста, охватывающей сущность и функционирование текста в полном объеме, нужно учитывать и диахронию, которой традиционно занимается текстология. В статье рассматриваются общие вопросы диахронии текста, проблема тождества разных версий текста, а также описывается конкретный пример, на котором удобно исследовать эти вопросы: история эпоса Сельвинского «Улялаевщина».

Ключевые слова: лингвистика текста, текстология, динамика текста, история текста, сохранение тождества текстов, И.Л. Сельвинский.

Возможно бесконечное количество различных форм изменения текста. Но в общем случае текст произведения есть явление изменчивое, текучее...
Б.В. Томашевский. «Писатель и книга»

Диахрония текста в лингвистике и текстологии

С момента зарождения лингвистики текста как самостоятельной дисциплины определение понятия текста является одной из ее важнейших и наиболее трудных задач. Объект сложен и многогранен сам по себе, к тому же попыткам выработать четкое собственно лингвистическое представление о тексте мешают традиции использования термина в других областях науки (филология, философия и пр.), в практической деятельности (издательское дело, преподавание), в быту. Кроме того, долгое время текст рассматривался в языковой практике как исходный материал для получения информации о собственно лингвистических объектах: входящих в него (словоформа, предложение) или стоящих за ним (язык, диалект и т.п.), – но никогда не совпадающих с самим текстом.

Сейчас в лингвистике существуют десятки разных определений текста. Текст понимали как «связную последователь-

ность предложений, независимо от устной или письменной формы реализации»¹ или «упорядоченную последовательность морфем»², как «любое отдельное языковое звено коммуникативного акта в коммуникативной игре действий»³, как «операционную единицу языка»⁴. Многие ключевые свойства текста, выделяемые разными лингвистическими направлениями, сведены в определении Т.М. Николаевой: текст – «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность. В семиотике под текстом понимается осмысленная последовательность любых знаков, любая форма коммуникации... в языкознании текст – последовательность вербальных (словесных) знаков. Правильность построения вербального текста, который может быть устным и письменным, связана с соответствием требованиям “текстуальности” – внешней связности, внутренней осмысленности, возможности своевременного восприятия, осуществления необходимых условий коммуникации и т.д.»⁵.

С.И. Гиндин указывает на то, что определяющим свойством текста является его актуализованность говорящим – текст становится текстом, когда автор запускает его в коммуникационный канал: «Текст есть то, что объявляет текстом или отмечает некоторыми специальными пограничными знаками говорящий»⁶. На это понимание текста мы будем опираться в дальнейшем.

Как бы ни различались определения текста в лингвистике, им свойственна одна общая особенность. Все они рассматривают текст в синхронии: подразумевается, что статус текста приобретается однократно, в некоторый момент, и в дальнейшем не утрачивается, а сам текст не изменяется. Если о диахронии и упоминают, то лишь мимоходом. Так, А.М. Пятигорский в работе 1962 года указывал, что как только текст воспринимается хотя бы одним адресатом, он начинает жить своей жизнью, а если автор изменил текст – например, под влиянием критики – то появился новый текст, «новое литературное произведение»⁷.

Между тем, любой текст изменяется – или может измениться – во времени. Это известно каждому даже из повседневного опыта: в список дел или покупок мы вносим новые пункты или вычеркиваем уже выполненное или купленное; на улицах часто попадаются объявления, в которых к печатному тексту приписаны рукописные дополнения. «Диахроническая изменчивость» текста известна и современной науке. Изменения текста

хорошо знакомы текстологам – специалистам, занимающихся подготовкой текстов к изданию. Накопленный их богатый материал привел к переосмыслению задач текстологии, которую Д.С. Лихачев определил как «самостоятельную науку, изучающую историю текста произведений»⁸.

Для построения общей теории текста, если лингвистика хочет ухватить сущности функционирования текста в полном объеме, нужно учитывать диахронное существование текста⁹. Кроме того, обращение к диахронии необходимо при исследовании ряда отдельных проблем: например, при исследовании надтекстовых единиц («единиц, которые складываются из текстов, но не являются сами... отдельными текстами»¹⁰) или языка писателя, значительно переделывавшего свои тексты¹¹.

В текстологии, в отличие от лингвистики, существует разработанный понятийный аппарат, позволяющий описывать изменения, происходящие в тексте. За определениями некоторых из понятий истории текста обратимся к упомянутому фундаментальному труду Д.С. Лихачева «Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.)».

Лихачев говорит о том, что термин *текст* — понятие сложное, недостаточно дифференцированное: «мы можем говорить о тексте произведения и о тексте одного какого-либо списка произведения»¹². О тексте Лихачев рассуждает, противопоставляя текстовые явления нетекстовым: «Текст выражает произведение в формах языка. Следовательно, то, что не относится к формам языка, а относится к формам графики или является результатом случайных описок, случайных пропусков писца или случайных повторений текста, случайных в него вставок – к тексту не относится. Это особенности не текста, а самого списка, рукописи»¹³.

Важнейшее понятие текстологии – *произведение*, «текст, объединенный единым замыслом (как по содержанию, так и по форме) и изменяющийся как единое целое»¹⁴. Иногда (если речь идет о древних текстах) в качестве синонима термина *произведение* в текстологии используется слово *памятник*. Как видно из определения, произведение в текстологии эквивалентно тексту в лингвистике текста, а термин *текст* текстологи фактически используют как обозначение плана выражения произведения.

Необходимо отметить, что произведение – это абстрактное понятие, множество конкретных текстов (хотя, конечно, в него иногда входит всего один элемент). «Понятие “произведение” относительно. Практически оно необходимо историку текста

только тогда, когда произведение обладает этой историей текста... обладает собственной "текстологической судьбой"¹⁵.

Если же существует несколько версий одного произведения, можно исследовать отношения между ними и в частности выявить *разночтения*, то есть различия между текстами. Изменения в тексте могут происходить по разным причинам. Во-первых, текст может менять сам автор, например, пытаться улучшить его. Во-вторых, в текст вмешиваются редакторы и цензоры. В-третьих, как только автор запускает текст в коммуникативный канал, актуализует его, текст начинает жить самостоятельной жизнью и может меняться без какого-либо участия самого автора вследствие неточного воспроизведения (случайного или намеренного), графического оформления, порчи материального носителя и пр.

В «Текстологии» Лихачева противопоставляются два понятия – *редакция* и *извод*. Редакцию характеризует «целенаправленность работы книжника», ее создающего¹⁶. Подчеркивается также, что новая редакция возникает при существенном изменении смысла текста, и это не связано напрямую с количеством разночтений: «никакой механический подсчет изменений, разночтений не является в такой мере эффективным, как изучение изменений текста по содержанию»¹⁷. Извод же, в противоположность редакции, – «тот или иной вид текста, возникший стихийно, нецеленаправленно, в результате многократной переписки текста в определенной среде, местности, стране и т.д. В результате такой переписки текста в нем неизбежно отражаются присущие переписчикам особенности»¹⁸.

Кроме того, в текстологической практике вводится третье понятие: те разночтения, которые в отличие от извода не случайны, а в отличие от редакции не значительны, принято называть *вариантами*.

Благодаря этим понятиями во множество различных версий текста вводится системность, а сам текст предстает как некоторая иерархия явлений разной степени абстрактности.

Проблема тождества текстов

При разговоре о диахронических изменениях произведения и о степени различий между его версиями неизбежно возникает вопрос о тождестве текстов. Существует ли порог изменений, перешагнув который, автор создает уже не новую редакцию, а новое произведение? Текстологи не раз указывали, что проблема тождества существует – причем тождествен-

ность текстов может нарушаться как вследствие авторских переделок, так и из-за стороннего вмешательства (например, деятельности переписчика, редактора и пр.) – но подробно этот вопрос никто не исследовал.

Определяя произведение, Д.С. Лихачев рассматривает две оппозиции: 1) «часть произведения – целое произведение» и 2) «одно произведение – континуум произведений». Выбор именно этих оппозиций обусловлен наиболее распространенными трудностями, с которыми сталкивается текстолог, работающий с древнерусской и средневековой литературой. Оппозиции «прежнее произведение – новое произведение» или, более общим образом, «одно произведение – другое произведение» не вводятся. Однако, обсуждая более узкое понятие *редакция летописи* Лихачев ставит вопрос о том, какова «степень переработки предшествующего памятника, при которой мы уже не имеем права говорить о памятнике как таковом». В качестве примера он приводит «Повесть временных лет» – в некоторых летописях она «отразилась с такими сокращениями и переделками, что говорить о наличии в них “Повести временных лет” уже нельзя».

Указывая, что определить различие между новой редакцией и новым произведением очень сложно, Лихачев пишет: «в истории летописания для определения того, что перед нами новый памятник, а не новая редакция известного ранее, необходимо считаться с двумя явлениями истории текста: новый летописный памятник должен либо в очень сильной степени (в более сильной, чем другие литературные жанры) переработать текст предшествующего памятника, либо он должен представлять собой соединение и переработку нескольких предшествующих летописных произведений».

В более общей форме вопрос о диахроническом тождестве текстов затрагивал в конце 1920-х годов Б.В. Томашевский. Он отмечает, что новое произведение появляется тогда, когда изменился замысел текста: «Понятие “редакции” остается до тех пределов переработки, которые не разрушают представления о единстве произведения. Однако в некоторых случаях переработка заходит так далеко, что мы, собственно говоря, получаем уже новое произведение. Так, Лермонтов переплавлял свои поэмы (см. взаимоотношение “Боярина Орши” и “Мцыри”). Здесь уже придется говорить не о двух редакциях, а о перенесении из одного произведения некоторых его составных частей в другое. Такое перенесение соответствует перерождению основного замысла»¹⁹.

«Новый замысел есть почти всегда дальнейшая эволюция прежнего замысла»²⁰, и Томашевский, рассматривавший подготовку (замысел, собирание материалов и планировку) художественного произведения как одну из трех стадий его истории (наряду с созданием и последующей отделкой), выделяет два типа такой эволюции. Первый тип назван миграцией замысла: «Замысел может эволюционировать, прежде чем автор приступит к писанию произведения, прежде чем он подходит к стадии черновиков. <...> многие неосуществленные планы романов Пушкина могут быть сопоставлены друг с другом дать картину единого намерения (от “Дубровского” до “Капитанской дочки”), единого сюжета, переносившегося из одной обстановки в другую, приурочивавшегося к разным эпохам. Не осуществив одного замысла, Пушкин радикально его перерабатывал и перестраивал. Так рождалась идея нового романа». При эволюции второго типа «произведение, соответствующее определенной стадии замысла, написано, но не удовлетворило автора, при этом настолько, что частичные поправки не могут привести к желанной цели. В таком случае автор приступает к новому произведению, свободно пользуясь кусками старого как сырым материалом. Отсюда – большое количество “повторений” у писателей, совпадений между текстами отвергнутых произведений и новых». В качестве одного из примеров таких повторений Томашевский приводит использование в «Подростке» Достоевского части отвергнутой главы «Бесов».

Томашевский рассматривает такие случаи «перерождения замысла», когда сам автор осознает произошедшие изменения и фиксирует это в разных названиях произведений. Так, Лермонтов публикует «Боярина Оршу» и «Мцыри» как две разных поэмы, и лишь читатели, хорошо знакомые с обоими произведениями, могут восстановить генетические связи между ними. Но автор может и не осознать изменений и считать, что в двух сильно расходящихся версиях все-таки сохраняется тождество текста. Однако в диахронии мнение автора оказывается не единственным существенным.

Если произведение рассматривается в синхронии, то, как уже говорилось выше, статус текста определяется автором. При повторных вводах текста в коммуникационный канал, у автора есть способы отметить тождество нового текста с предыдущими версиями произведения (например, оставляя прежнее название), указать на степень изменений (например, при помощи издательских помет: «издание исправленное и дополненное», «издание переработанное» и т.п.) или же объявить текст новым

произведением; а читатели вынуждены с ним соглашаться. Но в диахронии читатели уже не обязаны соглашаться с автором, у них появляется возможность сопоставить разные версии произведения, высказать свое мнение, часто отличающееся от точки зрения автора. То, что автор считает слегка измененной версией старого произведения, читатели могут счесть новым произведением. И наоборот – в том, что автор считает новым, читатели могут разглядеть прежние работы автора. Спорные случаи особенно интересны для лингвистического исследования порога тождественности и допустимого предела расхождения диахронических версий одного и того же текста.

Казус «Улялаевщины»

Одним из «диахронически неоднозначных» произведений, на примере которого удобно исследовать вопросы диахронии и тождества текстов, является эпопея «Улялаевщина» И.Л. Сельвинского. Впервые эпопея, одно из центральных произведений литературного конструктивизма, вышла отдельным изданием в 1927 году. Вслед за первым появились еще три издания – в 1930, 1933, 1935 годах. Сельвинский не прекращал работы над поэмой, в каждом из изданий присутствовали значительные авторские изменения²¹ – при этом только во втором издании, 1930 года, на титульном листе указывается, что оно исправленное и дополненное. После 1935 года долгое время самостоятельной книгой эпопея не издавалась, а публикации отрывков выходили со значительными купюрами – Сельвинский находился в опале, а его ранние произведения считались недостаточно «советскими».

В 1954 году Сельвинский, через 30 лет после появления «Улялаевщины» на свет и через 20 лет после последней ее полной публикации, переписывает эпопею заново – стремясь ее исправить, надеясь, быть может, что в историю литературы войдет новая поэма: соцреалистическая, идеологически безупречная. Новая версия поэмы появляется в печати в 1956 году²², датирована она по-прежнему 1924 годом, и о том, что эпопея переработана, говорится лишь в предваряющем двухтомник «Очерке творчества» Сельвинского, написанном Владимиром Огневым²³.

Даже при поверхностном сравнении «Улялаевщины» 1956 года с ранними изданиями видно, что расхождения велики: изменяются и содержание, и структура поэмы (вместо 11 глав становится 13), вводятся новые персонажи. При этом автор

настаивал на тождестве новой «Улялевщины» и прежних текстов, утверждая, что эпопея все та же, только улучшенная, что он наконец-то приблизился к воплощению изначального замысла: «Успех “Улялаевщины” окрылил меня, но не ослепил. Читатель, увидевший в моей поэзии живых людей и реальные картины жизни, не заметил, а может быть, и простил поэме основной ее порок: подготовив холст, палитру и кисти для воплощения героя нашего времени, самую натуру знал я плохо. <...> В конце концов, спустя четверть века, я снова обратился к поэме»²⁴. Однако изменения оказались настолько существенными, что многие читатели, несмотря на «директивы» автора, утверждали, что поздний текст во многом уступает первым и его следует считать новым произведением. Предположение о том, что «Улялаевщину» 1956 года следует считать отдельным произведением, подтверждается многими читательскими отзывами. И здесь важно отметить разницу в рецепции первых четырех изданий и издания 1956 года. Изменения в изданиях 1920–1930-х годов почти не замечались. А вот о том, как и насколько отличается «Улялаевщина» 1956 года от ранних версий, писали немало.

Выражением читательского мнения может служить отзыв О.С. Резника: «Может быть, уместно говорить о том, какой может быть мера переделки автором его старых произведений, – ведь поэт творчески переосмыслил всю эпопею: взломал сюжетный каркас, изменил композицию, написал две новые главы, ввел новых действующих лиц, дописал немало сцен, строф, строк, менял характеристики некоторых персонажей. Трудно, почти невозможно отметить, сопоставить и проанализировать все новшества, да это могло бы иметь лишь чисто текстологическое значение»²⁵; «...каждый, читавший, запомнивший эпопею в ее первозданности, досадует на автора, не находя в ней больше искрометных, полюбившихся строк, и приходит к мысли, что поэт переборщил»²⁶.

С точки зрения Сельвинского, его поэма представлена пятью версиями – автор признает, что версии обладают разными статусами, но в целом считает их тождественными, публикует под одним названием, оставляет изначальную датировку. С точки зрения читателей, версия 1956 года является отдельным произведением. Как представляется, «Улялаевщина» может послужить удобным материалом для исследования проблем диахронии и тождества текстов, в частности для выяснения критериев тождества текстов и точных методов определения порога тождественности.

- ¹ Исследования по теории текста и немецкой грамматике: Юбилейное издание в честь Ганца Глинса: Реферат / Реф. В.С. Страхова // Проблемы теории текста: Реферат, сб. М., 1978. С. 75.
- ² *Вайнрих Х.* Текстовая функция французского артикля // Новое в заруб. лингвистике. Вып. 8. М., 1978. С. 373.
- ³ *Schmidt S.J.* Texttheorie: Probleme einer Linguistik der sprachlichen Kommunikation. München: Fink, 1973. P. 151.
- ⁴ *Halliday M.A.K.* Explorations in the Functions of Language. London: Arnold, 1973. P. 107
- ⁵ *Николаева Т.М.* Текст // Лингвистический энциклопедический словарь. 2 изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 105
- ⁶ *Гиндин С.И.* Онтологическое единство текста и виды внутритекстовой организации // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 14. М.: 1971. С. 117.
- ⁷ *Пятигорский А.М.* Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала // *Пятигорский А.М.* Непрерываемый разговор. СПб: Азбука-классика, 2004. С. 355.
- ⁸ *Лихачев Д.С.* Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.) / Изд. 3-е. СПб.: Алетейя, 2001. С. 537.
- ⁹ См., напр.: *Гиндин С.И.* От истории к тексту, от науки к искусству. Г.О. Винокур в раздумьях о предмете и статусе филологии // *Винокур Г.О.* Введено в изучение филологических наук. М.: Лабиринт. 2000.
- ¹⁰ *Гиндин С.И.* Надтекстовые единицы и их типы // *Obecnosc. Maria Renata Mayenowa (1908–1988) / Red. Chodzko B., Feliksiak E., Olesiewicz M.* Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku. (Poetica I Horizonty tradycji. Вып. 2). С. 234.
- ¹¹ См.: *Красникова А.С.* Проблемы авторской лексикографии и диахронически неустойчивые тексты // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия / Материалы международной научной конференции. М., 2007. С. 79–85.
- ¹² *Лихачев Д.С.* Указ. соч. С. 128.
- ¹³ *Лихачев Д.С.* Указ. соч. С. 129.
- ¹⁴ *Лихачев Д.С.* Указ. соч. С. 131.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Лихачев Д.С.* Указ. соч. С. 133.
- ¹⁷ *Лихачев Д.С.* Указ. соч. С. 134.
- ¹⁸ *Лихачев Д.С.* Указ. соч. С. 142.
- ¹⁹ *Томашевский Б.В.* Писатель и книга / Изд. 2-е. М.: Гос. изд-во «Искусство». 1959. С. 107.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Подробнее о динамике первых четырех изданий «Улялаевщины» см.: *Красникова А.С.* Динамика печатного текста «Улялаевщины» И.Л. Сельвинского и связанные с ней текстологические проблемы // Лесная текстология: труды III летней школы на Карельском перешейке по тексто-

А.С. Красникова

логии и источниковедению русской литературы. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2006. С. 94–100.

²² *Сельвинский И.Л.* Избранные произведения: В 2 т. – М.: Гослитиздат, 1956. Т. 1. С. 283–417.

²³ *Огнев Вл.* Илья Сельвинский: Очерк творчества // *Сельвинский И.Л.* Избранные произведения: В 2 т. – М.: Гослитиздат, 1956. Т. 1. С. 10–11.

²⁴ Советские писатели: автобиографии. Т.2. С. 337.

²⁵ *Резник О.С.* Жизнь в поэзии: Творчество Ильи Сельвинского. М.: Сов. писатель, 1967. С. 137

²⁶ *Резник О.С.* Указ. соч. С. 145.

М.А. Опалева

Эгоцентрическая речь в диалогах детей дошкольного возраста

Статья посвящена проблеме эгоцентризма детского мышления и его вербального отражения в эгоцентрической речи. Автор рассматривает проявления эгоцентрической речи в процессе социального взаимодействия детей старшего дошкольного возраста – в диалогах друг с другом. Наблюдение эгоцентрических высказываний среди диалогических реплик позволило уточнить их функции в детской коммуникации, а также выдвинуть ряд гипотез о возможных предпосылках появления эгоцентрической речи у детей младшего дошкольного возраста.

Ключевые слова: эгоцентризм, эгоцентрическая речь, речь для себя, диалог старших дошкольников, коллективный монолог, функции эгоцентрических высказываний.

I

Понятие «эгоцентризм» разрабатывалось в рамках гештальт-психологии и в школе генетической эпистемологии Ж. Пиаже, которого по праву можно назвать основоположником концепции эгоцентризма детского мышления. Под этим термином в психологии развития традиционно понимается «характеристика индивидуальной позиции, свойство мышления и поведения человека, заключающееся в неспособности понять и учитывать другие точки зрения и позиции»¹. Ж. Пиаже, а вслед за ним и другие ученые, полагали, что путь детского развития представляет собой движение от эгоцентризма к более объективной позиции в познании мира². *«К трем годам – порою даже раньше – он проникается уверенностью, что все окружающее существует “не просто так”, а для какой-нибудь точно обозначенной цели, – главным образом для удовлетворения его собственных нужд и потребностей. Корова – чтобы давать ему молоко, яблоня – чтобы снабжать его яблоками, тетья Зина – чтобы по праздникам угощать его тортом. Когда же целесообразность окружающих его людей и предметов остается непонятной ему, он видит здесь нарушение строго установленных законов природы и заявляет протест»* – писал К.И. Чуковский³.

© Опалева М.А., 2010

Ж. Пиаже выделил три основных уровня эгоцентризма: 1) отсутствие различения субъекта и объекта у ребенка (до 1,5 лет); 2) недостаточное разделение своей точки зрения и точки зрения другого (до 7-8 лет); 3) вера подростка в безграничные возможности собственного мышления и свою способность преобразовать окружающий мир (11-14 лет)⁴. Все эти проявления обусловлены спецификой детского мироощущения: отсутствием в сознании ребенка других точек зрения, непротиворечивостью и целостностью его мировосприятия⁵.

В современном мире момент, когда ребенок начинает активно взаимодействовать с социумом и, соответственно, постоянно сталкиваться со значительным числом мнений, отличающихся от его собственного, приходится, как правило, на период дошкольного детства. Это связано с тем, что круг жизненных отношений ребенка значительно расширяется: из ближнего круга общения (семьи) ребенок попадает в коллектив сверстников в детском саду. Постепенно социальные контакты, и в первую очередь общение со сверстниками, начинают занимать важное место в жизни ребенка и влияют на его мировоззрение, которое в то же время остается эгоцентрическим. Было отмечено, что, несмотря на то, что правила общественного поведения довольно быстро осваиваются дошкольником в ходе его непосредственного общения с другими детьми и взрослыми, освоение правил взаимоотношений с людьми для ребенка труднее, чем освоение широкого круга других бытовых правил. Особенно сложным для детей является как раз учет точки зрения сверстников, о чем не раз упоминалось в детской психологии⁶. Дошкольники в ряде случаев «не выполняют простейших обязанностей по отношению к сверстникам не по неведению и не по злой воле, а потому, что они не ориентируются на этих сверстников, не обращают внимания на их состояние, на возникающие у них трудности, на их нужды и интересы»⁷. Вопрос о степени эгоцентризма для дошкольного возраста является важным в теоретическом и практическом отношении, так как способность ребенка понимать и принимать отличную от своей точку зрения необходимо формировать уже в процессе обучения⁸. Многие отечественные специалисты в области детской психологии и педагогики (А.В. Запорожец, А.Д. Кошелева, М.И. Лисина, Я.З. Неверович и др.) подчеркивают, что в таких случаях требуется особая воспитательная работа, чтобы переориентировать ребенка, привлечь его внимание к тому, что происходит с его товарищами, для того, чтобы вызвать сочувствие к другому ребенку⁹. В пользу способности детей к децентрации

свидетельствуют исследования Мины Верба. Она показала, что в период дошкольного детства у детей развиваются способности помогать ровесникам и руководить процессом обучения, чувствовать трудности партнера в предметной деятельности. Приведенные ей данные говорят о том, что эгоцентризм дошкольника не абсолютен и его степень изменяется в зависимости от сложности ситуации. При этом во многих ситуациях этот эгоцентризм вообще не проявляется, и ребенок разделяет чужую точку зрения. Следовательно, «познавательные возможности дошкольника можно использовать как основание для его социального и нравственного развития. Игнорируя реальные способности ребенка к децентрации и рефлексии можно упустить важные аспекты его нравственного поведения, обучения и воспитания» – отмечает А.Н. Поддьяков¹⁰.

II

Как одно из наиболее явных вербальных проявлений эгоцентризма ребенка вслед за Ж. Пиаже принято выделять эгоцентрическую речь для себя, которая противопоставляется социализированной речи. Под эгоцентрической речью Ж. Пиаже понимал речь, не направленную на адресата, которая отличается главным образом своей функцией. «Эта речь эгоцентрична прежде всего потому, что ребенок говорит лишь о себе. Он не интересуется тем, слушают ли его, не ожидает ответа. Он не испытывает желания воздействовать на собеседника или действительно сообщить ему что-нибудь. Ребенок говорит сам с собой, как если бы он громко думал. Он ни к кому не обращается»¹¹. Ж. Пиаже противопоставлял эгоцентрическую речь кооперативной речи, поскольку эгоцентризм представляет собой «главное препятствие для координации точек зрения и для кооперации»¹². В качестве функций эгоцентрической речи Ж. Пиаже выделил сопровождение детской активности (экспрессивную функцию) и функцию разряда. Подсчитанный Ж. Пиаже процент эгоцентрической речи по отношению ко всей спонтанной речи ребенка (коэффициент эгоцентрической речи) изменяется в зависимости от возраста, коммуникативной активности ребенка и особенностей его социального окружения. У детей в возрасте 3 лет он достигает 75%, у 5-7 летних детей – в среднем около 45-46% и предполагается, что после 7 лет, то есть в младшем школьном возрасте, эгоцентрическая речь практически исчезает совсем благодаря процессам социализации ребенка и развития способности к децентрации¹³.

Трактовка сути эгоцентрической речи Ж. Пиаже вызвала ряд споров и дискуссий. Широко известна критика Л.С. Выготского, который был не согласен с идеей Ж. Пиаже об интеллектуальном эгоцентризме ребенка. Л.С. Выготский полагал, что эгоцентрическая речь представляет собой переходную форму от внешней речи к внутренней, которая ответвляется от внешней речи вместе с дифференцированием коммуникативной и эгоцентрической функций¹⁴. Он показал, что помимо функций, указанных Ж. Пиаже, эгоцентрическая речь очень легко становится средством мышления, т.е. начинает выполнять функцию образования плана разрешения задачи¹⁵. Позднее, Ж. Пиаже в комментариях к критическим замечаниям Л.С. Выготского выразил согласие с рядом гипотез, в частности, что эгоцентрическая речь является переходным этапом к внутренней речи, что на его взгляд не противоречило концепции эгоцентричности мышления ребенка. Однако он не мог согласиться с тем, что эгоцентрическая и коммуникативная речь в равной степени социализированы, поскольку под социальным поведением он понимал не просто контакт между двумя индивидами, а кооперацию с другими, «которая учит нас говорить “соответственно другим”, а не просто с нашей собственной точки зрения»¹⁶.

В современных исследованиях феномен эгоцентрической речи рассматривается как с учетом позиции Л.С. Выготского, так и позиции Ж. Пиаже: ведь эгоцентрическая речь полифункциональна и в одних случаях может выполнять функцию планирования собственной деятельности, в других быть «речью для себя», «речью, не ориентированной на окружающий мир». Но во всех случаях она может быть противопоставлена диалогической речи как направленной на непосредственного адресата.

III

В ходе проводившегося нами исследования особенностей диалогического взаимодействия старших дошкольников (6 лет) встала проблема выделения эгоцентрических высказываний и определения их коммуникативных функций, поскольку среди адресно-направленных реплик детей время от времени проскальзывали реплики, не имеющие фактического адресата, которые не были реакцией на предшествовавшую реплику собеседника и возникали вне зависимости от контекста диалога, например: «А: *Еще нам надо сделать шляпу.* - Б: *Первый зеленый, второй сиреневый, третий красный /рисует, проговаривает/*»; «А: *А я кружочек!* - Б: *Голова такая маленькая. Это*

носик» /рисует, проговаривает/; «Ой, я не туда приехала»; «О, я понял!» /сами с собой, в ходе решения индивидуальной части задания./

Количество подобных реплик, которые по форме и контексту можно было отнести к потенциальной эгоцентрическим высказываниям, составило около 7% от всех инициативных высказываний детей. Это значительно ниже коэффициента эгоцентрической речи, подсчитанного Ж. Пиаже для детей данного возраста (45%), однако он отмечал, что в среде ровесников, где возможны дискуссии и споры, ее процент снижается¹⁷, тем более что в данном случае рассматривались ситуации, экспериментально смоделированные для побуждения детей к диалогическому общению.

Для того чтобы определить место эгоцентрической речи в коммуникативной системе старшего дошкольника, необходимо в первую очередь уточнить, что отличает эгоцентрические высказывания от собственно диалогических и в чем их специфика. Основной особенностью эгоцентрических реплик, как уже упоминалось, является отсутствие фактического адресата – это высказывания, планирующие или озвучивающие деятельность говорящего. Подобные реплики возникали в первую очередь тогда, когда ребенок был занят выполнением какой-либо нетривиальной для него задачи. В связи с этим логично предположить, что эгоцентрическая речь представляет собой некий вспомогательный механизм, вербализующий внутреннюю речь во время преодоления каких-либо трудностей или выполнения действий, требующий интеллектуальной концентрации (что соотносится с концепцией Л.С. Выготского). Высказывания, выполняющие именно эту функцию, можно нередко наблюдать и у взрослых носителей языка, имеющих привычку вербально планировать свои действия или рассуждать вслух в отсутствие собеседника.

Такое объяснение эгоцентрической речи представляется оптимальным в том случае, когда ребенок один. Однако в рассмотренных ситуациях дети находятся в окружении других детей и нескольких взрослых (воспитателя и экспериментатора), присутствие которых они в той или иной степени учитывают. Соответственно встает вопрос, действительно ли все такие высказывания, как «*надо ногу*», «*глазик зеленым*» и т.п., которые на первый взгляд можно отнести к эгоцентрической речи, выполняют исключительно функцию планирования или сопровождения деятельности «для себя». Несомненно, часть подобных высказываний остались бы, будь ребенок один.

К примеру, высказывания, произнесенные в такие моменты, когда ребенок, концентрируясь на выполнении конкретного действия, эмоционально отстраняется от собеседника и прочего окружения:

(1) *«Это так, дальше линия...» /рисует, комментирует свои действия/;*

(2) *«Один, два, три, четыре, пять...» /считает шары, которые рисует/.*

Тем не менее, есть реплики, абсолютно совпадающие с ними по форме, которые контекст позволяет однозначно отнести к репликам-констатациям с иллюкутивной силой приказа. Подобные высказывания зачастую относят к более тонким способам речевого воздействия по сравнению с прямым приказом¹⁸.

Кроме того, значительное число реплик, планирующих свое действие для себя, по контексту явно адресованы также и партнеру-собеседнику.

(3) *«Отдай. Штаны сделать надо. Ярко-салатовые» /отнимает фломастер/.*

Такого рода реплики могут быть косвенным способом декларировать свои намерения, поскольку, к примеру, высказывание «Штаны сделать надо» в представленном контексте по значению аналогично «Я буду штаны делать» и является мотивацией действия (в данном случае – поводом отнять фломастер). Другого рода реплики, в которых адресованность менее очевидна – это реплики-рассуждения и реплики-комментарии своих действий. Первые как раз и являются способом «вслух» преодолеть некоторое затруднение. По форме многие из них идентичны указаниям, но правильнее их назвать автоуказаниями, поскольку говорящий адресует их в первую очередь себе. Тем не менее, некоторые комментарии и рассуждения явно произнесены с учетом партнера, хотя говорящий при этом совершенно не следит за тем, был ли он услышан адресатом или нет. Например:

(4) *«А: Ну не умею я рисовать! – Б/сам с собой/: Фломастер не оттирается. Так, **видишь**, темнеет /пытается оттереть/. Водой надо. Если водой, хорошо получается. – А: Это сворачивай сюда. Так правильно у нас? /к экспериментатору/».*

Такую форму речи Ж. Пиаже назвал коллективным монологом¹⁹. Ребенок полагает, что окружающие его понимают (так же как и он себя), и не стремится воздействовать на собеседника с целью действительно сообщить какую-то информацию.

Для него важен лишь интерес и внимание со стороны собеседника, так что, по меньшей мере, коммуникативная функция таких высказываний – привлечение внимания окружающих к себе или к своему занятию. То же самое можно сказать и о репликах, которыми ребенок комментирует свое действие, например:

(5) «А: А я каким буду? А чего она мне карандаш не дает? /к экспериментатору/ – Б: Это руки такие. Это у меня пальцы /рисует/».

Функция привлечения внимания роднит эгоцентрические реплики, которые можно отнести к коллективному монологу, с репликами, ориентированными на взрослого.

Взрослый, присутствующий при диалоге детей, оказывает значительное влияние на их коммуникацию даже в том случае, если он занимает позицию пассивного наблюдателя. В первую очередь, присутствие взрослого, к которому можно в любой момент обратиться за поддержкой и защитой, подкрепляет уверенность ребенка в себе и утверждает его в лидерской позиции по отношению к сверстнику. Подобные обращения случаются довольно часто (14% от всех инициативных высказываний адресовано именно взрослому, не участвующему непосредственно в беседе). Это говорит о том, что, во-первых, дети довольно часто не готовы самостоятельно искать пути разрешения конфликтных (затруднительных) ситуаций (по крайней мере, если рядом есть взрослый). Во-вторых, едва ли не самой главной целью ребенка при выполнении совместной задачи со сверстником становится опять же привлечение внимания и получение положительной оценки взрослого, а не успешное взаимодействие с партнером. Это подтверждается тем, что 63% реплик, адресованных взрослому, имеют целью вынужденные поощрения. К ним относятся высказывания, сообщающие о намерениях или успехах ребенка в выполнении задания (декларация победы над партнером или просто хорошего результата, своего личного или группы) или об успехах, не связанных с заданием, а также критика действий и результатов партнера – по модели «а я знаю, что так делать не надо».

(6) «Смотрите я какие шары нарисовал!»

(7) Партнеру: «С колпачком класть надо. Он высохнет. Другие дети рисовать не смогут». Экспериментатору: «Я правильно говорю?»

Не секрет также, что в конфликтных ситуациях дети нередко прибегают к ябедничеству, когда взрослый привлекается как арбитр, призванный восстановить справедливость.

Систематическое обращение к взрослому с вопросами по ходу деятельности (10 реплик против 5 аналогичных, адресованных партнеру) свидетельствует о неумении или нежелании детей договариваться и планировать совместные действия или стремлении заручиться поддержкой авторитета в соперничестве со сверстником.

Возвращаясь к эгоцентрической речи и подводя итоги вышеизложенному, можно сказать, что в ситуации диалогического общения реплики ребенка, которые не имеют фактического адресата, могут различаться по степени эгоцентричности и варьироваться от «абсолютно» эгоцентрических высказываний, которые (по Ж. Пиаже) ребенок произносит исключительно для себя, не стремясь никак воздействовать на окружающих, до реплик, косвенно адресованных взрослому или сверстнику с целью определенной манипуляции. Сложность оценки таких реплик заключается в том, что далеко не всегда по контексту удастся однозначно определить, ориентированы ли они только на самого произносящего или же еще и на окружающих. Например, приведенные ниже высказывания можно рассматривать как вариант сопроводительной эгоцентрической речи, так и как способ привлечения внимания к своей деятельности.

(8) «Волосики, Красненьким»/рисует/;

(9) «Шапка, шапочка...»/рисует шапку/.

Тем не менее, какова бы ни была их функция в речи ребенка, ориентированность «на себя» подобных высказываний выражена в языке в большей мере, чем у всех остальных реплик, поскольку наличие адресата не проявляется в языковой форме высказываний, а отражается только в контексте всей коммуникативной ситуации.

Упорядочить описание проявлений эгоцентрической речи в коммуникации детей-сверстников старшего дошкольного возраста можно примерно следующим образом:

1. Рассуждение/планирование – реплики по форме похожи на указания, т.е. их темой является то, каким образом следует выполнить то или иное действие.

- эгоцентрическая функция: преодоление затруднений путем планирования своих действий (организация собственной деятельности);
- потенциальные диалогические функции:
 - привлечение внимания окружающих к своей деятельности (коллективный монолог по Ж. Пиаже).

- Косвенное выражение приказа или декларации своих намерений. Как правило, высказывание строится по модели «надо сделать это» и цель говорящего легко определяется по контексту.

2. Озвучивание – вербальное сопровождение своих действий. Возможные диалогические цели, как и у рассуждения, за исключением, пожалуй, косвенного приказа.

IV

Из наблюдений за языковой формой эгоцентрических высказываний, можно сделать ряд предварительных умозаключений гипотетического характера.

(1) О предпосылках к возникновению эгоцентрической речи у ребенка:

Когда мать говорит с ребенком (младенческого или раннего возраста – то есть именно тогда, когда у него формируется представление о структуре фраз родного языка), значительная часть ее высказываний имеет форму планирования или описания совершаемых ею действий: «*Сейчас мы сварим кашку, покушаем, а потом пойдем гулять*», «*Вот так, укрываемся одеялком*» и т.п. Целью подобных высказываний является не столько собственно планирование (как у эгоцентрической речи), хотя это тоже нельзя полностью исключать, т.к. нередко мать произносит такие фразы автоматически, и они действительно планируют ее действие, сколько это – заполнение коммуникативного пространства между ней и ребенком. При этом мать осознает, что ребенок не понимает информативного содержания ее реплик, ребенок является адресатом только внешне, таким квазиадресатом. И лишь позднее эти реплики начинают выполнять еще собственно коммуникативную (информативную) функцию – сообщение ребенку информации об окружающем мире, например номинация действий.

Возникает ряд вопросов, требующих дополнительного изучения: во-первых, является ли описанный выше аспект материнской коммуникации проявлением эгоцентрической речи? Во-вторых – может ли появление и проявление эгоцентрической речи у детей раннего возраста быть частично обусловлено такой манерой общения с ним близкого взрослого (как правило, матери и/или бабушки). Может ли ребенок научиться сопровождать и планировать свои действия словами у матери?

(2) Вторая гипотеза включает в себя первую и связывает ее с результатами исследования особенностей диалогического взаимодействия дошкольников:

Большинство коммуникативных стратегий, которые выбирают шестилетние дети в общении друг с другом, аналогичны стратегиям, которым следуют родители, стремясь воздействовать на своих детей (раннего, дошкольного и более старшего возраста). Это, в основном, прямой приказ, указание, декларация и оценивание. Не исключено, что стратегию коммуникативного лидерства ребенок естественным образом перенимает у родителей и – как коммуникативную ортологему – использует для общения со сверстниками. То есть, в общении со взрослым ребенок вынужден занимать подчиненную позицию (да и то не всегда), а со сверстником, который не является доминантным собеседником, он примеряет на себя роль коммуникативного лидера, модели которой он усвоил, подражая речевому поведению родителей. Следовательно, эта стратегия, по сути являющаяся логическим отражением эгоцентричности позиции ребенка, тоже является в какой-то мере следствием социального научения (нецеленаправленного, в отличие от правил кооперации). В дальнейшем, путем направленного обучения, ребенок знакомится с другими, более кооперативными моделями речевого поведения и постепенно (в случае удачного обучения) овладевает ими. Если родители, общаясь с ребенком, выбирают партнерские стратегии, их освоение происходит быстрее и ребенок раньше понимает их значение для речевого воздействия на собеседника, вне зависимости от направленного обучения.

Гипотеза, которая была выдвинута, определяет возможное направление исследования проявлений эгоцентризма в речи взрослых, поскольку все модели речевого поведения, которые в диалоге детей могут быть обусловлены эгоцентризмом мировоззренческой позиции, преимущественно сохраняются и у взрослых, коммуникативно-компетентных носителей, причем они нередко используются в речи значительно чаще, чем кооперативные коммуникативные стратегии. Возникает вопрос, что стоит за аналогичными стратегиями взрослого, который должен более продуманно подходить к выбору средств выражения своих намерений – намеренная манипуляция или, также как и в детском возрасте, неспособность принятия точки зрения собеседника? Исследования так называемой подростковой формы эгоцентризма показывают, что, уменьшаясь по мере взросления, личностно-аффективные компоненты эгоцентризма сохраняются вплоть до пожилого возраста. Прослеживается устойчивая взаимосвязь между возрастом и выраженностью показателей эгоцентризма: с увеличением

возраста снижаются показатели эгоцентризма, но не исчезают совсем²⁰. Косвенные наблюдения над речью взрослых позволяют предположить, что коммуникативный эгоцентризм является во многом коммуникативной максимой, естественным протеканием самой коммуникации, а вот учет точки зрения собеседника и ориентация на него – специальным и сознательным коммуникативным усилием.

Примечания

- ¹ *Поливанова К.Н.* Эгоцентризм: Раздел 3. Общие понятия и теоретические проблемы психологии развития // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2006. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/psychlex3/article/PS3/ps3-0102.htm>. свободный. – Данные соответствуют 14.04.10.
- ² *Инхельдер Б., Пиаже Ж.* Психология ребенка. / 18-е изд. – СПб.: Питер, 2003; *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка / Пер. с фр. и англ.; Сост., ком., ред. перевода В.А. Лукова, Вл.А. Лукова. – М.: Педагогика-Пресс, 1999.
- ³ *Чуковский К.И.* От двух до пяти: Книга для родителей. – М.: Педагогика, 1990. С. 109.
- ⁴ *Поливанова К.Н.* Указ. соч.
- ⁵ *Казаковская В.В.* Вопросы-ответные единства в диалоге «взрослый-ребенок» // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 98; *Поддьяков А.Н.* С способен ли ребенок понимать и учитывать чужую точку зрения? // Дошкольное воспитание. 2002. №12. С. 41-44.
- ⁶ *Эльконин Д.Б.* Детская психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Ред.-сост. Б.Д. Эльконин. – М.: Академия, 2004; *Кули Ч.Х.* Человеческая природа и социальный порядок. Пер. с англ. – М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000; *Лисина М.И.* Проблемы онтогенеза общения. М.: Педагогика, 1986.
- ⁷ *Запорожец А.В.* Об эмоциях и их развитии у ребенка // Развитие социальных эмоций у детей дошкольного возраста / Под ред. А.В. Запорожца, Я.З. Неверович. – М., 1986. С. 22 – 23.
- ⁸ *Поддьяков А.Н.* Указ. соч.
- ⁹ *Запорожец А.В.* Указ. соч.; *Кошелева А.Д.* Взаимозависимость эмоционального отношения ребенка к сверстнику и условий деятельности детей // Развитие социальных эмоций у детей дошкольного возраста / Под ред. А.В. Запорожца, Я.З. Неверович. – М., 1986; *Лисина М.И.* Указ. соч.; *Неверович Я.З.* Предисловие // Развитие социальных эмоций у детей дошкольного возраста / Под ред. А.В. Запорожца, Я.З. Неверович. – М., 1986.
- ¹⁰ *Поддьяков А.Н.* Указ. соч.
- ¹¹ *Пиаже Ж.* Указ. соч., с.17.
- ¹² Там же. С. 467.

М.А. Опалева

- ¹³ Там же. С. 36–42, 48–49.
- ¹⁴ *Выготский Л.С.* Психология развития человека. – М.: Смысл; Эксмо, 2005. С. 713–714.
- ²² Там же. С. 706–707.
- ²³ *Выготский Л.С.* Проблема речи и мышления ребенка в учении Ж. Пиаже // *Возрастная психоллингвистика: Хрестоматия.* М.: Лабиринт, 2004. С. 8–21.
- ²⁴ *Пиаже Ж.* Указ. соч. С. 468.
- ²⁵ Там же. С. 37–42, 66.
- ²⁶ *Казаковская В.В.* Указ. соч. С. 11.
- ²⁷ *Пиаже Ж.* Указ. соч. С. 20–24, 53–56.
- ²⁸ *Рябова Т.В.* Исследование подростковой формы эгоцентризма. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.psychology.rsuh.ru/archive/raubinterest1.rtf>, свободный. (Сайт факультета психологии РГГУ). – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 02.03.09.

Н.Г.Семенова

Текстуальная зависимость переводов одного произведения в условиях их неофициального и анонимного бытования (к истории двух русских переводов эпопеи Дж.Толкина «The Lord of the Rings»)

Во времена СССР в условиях советской цензуры рукописи переводов зарубежной фантастики распространялись в виде анонимных машинописных копий. Некоторые из переводов демонстрируют сходство, позволяющее предположить заимствования на этапе их бытования «в самиздате». В статье сравниваются два перевода Толкина – «Повесть о Кольце» З.А.Бобырь и «Властелин Колец» Н.Григорьевой и В.Грушецкого.

Ключевые слова: сравнительное переводоведение, Толкин, генетические межтекстовые отношения, история перевода, текстология.

I. Введение Постановка задачи

Говоря о специфике бытования текстов древней и новой русской литературы, Д.С.Лихачев писал, что «В процессе своего бытования памятники древней русской литературы бесконечное количество раз переписывались, переделывались, сокращались или разрастались вставками, осложнялись заимствованиями, вступали в состав компиляций, перерабатывались стилистически и идейно <...> и становились особенно распространенными именно в этих переделках, а отнюдь не в «авторском» тексте»¹. Причем переписчики становились как бы соавторами произведения. Указанные Д.С.Лихачевым различия во многом вытекали из различия рукописной и печатной форм реализации книги. Приводимые им примеры из новой литературы связаны с посмертными переделками текстов издателем или редактором. Но возможны и другие причины социального характера, когда печатная форма распространения текста почему-либо оказывается затруднена или невозможна. Как отмечал Д.С.Лихачев, «почти все текстологические особенности литературы древней могут иметь место и в литературе новой».² Различие главным образом в том, что некоторые явления жизни текста преобладают в литературе древней, а дру-

© Семенова Н.Г., 2010

гие – в новой. Существование в позднем СССР феномена самиздатской литературы позволяет предположить наличие некоторых аналогий между бытованием самиздата и средневековых рукописей. То, что самиздатские тексты распространялись в виде машинописных, а не рукописных копий, является лишь формальным отличием. Сходство же можно усмотреть в том, что самиздатские рукописи часто бывали анонимны и в них при перепечатке могла вноситься правка (иногда немалого объема). Таким образом, каждая рукопись вынужденно должна рассматриваться в качестве нового варианта произведения, отношения которого с другими его вариантами не всегда можно доподлинно установить. Указанная аналогия особенно характерна для распространявшихся в самиздате переводов – больше, чем для оригинальных произведений. Если для произведений таких известных авторов, как Солженицын или Сахаров гарантией неприкосновенности текста служили авторское имя и существование т.н. «тамиздата», т.е. книг, изданных на Западе, то для переводных произведений таких авторов, как Берроуз, Саймак, Нортон, Шекли, и др., определение первоначального перевода среди самиздатских вариантов (как и установление имени переводчика) может представлять значительные трудности. В отличие от случаев недобросовестного использования в печатных изданиях (плагиата), мы можем наблюдать на примерах самиздата ситуацию добросовестного использования: стремление улучшить перевод, понимаемый как анонимный. При этом заимствование из чужого перевода не служило цели присвоения чужого труда. Новая рукопись, результат контаминации, также уходила «в самиздат» безымянной.

Первые переводы Толкина тоже попадают в этот перечень. «The Lord of the Rings» вышел из печати на языке оригинала в 1954–1955 гг. Первый русский перевод эпопеи, сделанный З.А.Бобырь, появился в середине 1960-х гг.³, второй, А.А.Грузберга, – в 1976 г., и оба распространялись в качестве анонимных самиздатских рукописей. Первый перевод (а также дополненный его вариант, сделанный группой энтузиастов⁴), распространялся в Москве. Автор второго перевода А.А.Грузберг живет в Перми, и именно оттуда его перевод начал «хождение в самиздате»⁵. Однако довольно быстро оба перевода разошлись достаточно широко.⁶ Официальное издание первой части эпопеи – «Хранители» – появилось в 1982 г. в переводе В.Муравьева и А.Кистяковского. После чего издательство, по всей видимости, отказалось от выпуска продолжения. «Хранители» имели

огромный читательский успех и многократно переиздавались, но надежды на издание остальных частей книги таяли с каждым годом. О причинах этого высказываются разные мнения, но каковы бы они ни были, спрос на продолжение был толен другими, опять же, самиздатовскими любительскими переводами. Среди них были как те, что делались еще в 1960–1970-е гг., так и более свежие переводы, появившиеся лишь в 1980-е, а также всевозможные их контаминации. Официальное же издание перевода В. Муравьева и А. Кистьяковского было выпущено лишь в 1990 и 1991 годах, т.е. после падения советского режима. Тогда же были официально изданы и некоторые из переводов, ранее ходивших «в самиздате». Исследование ряда из этих изданий выявляет черты несомненного сходства между такими переводами, что позволяет говорить о возможных заимствованиях и влияниях, имевших место еще в период их «самиздатовского» существования.

Свою немалую лепту в распространение переводов внес также Интернет, где сразу появились контаминации разных переводов: «с появлением Интернета перевод Грузберга стал общедоступен. Точно не известно, попала ли сразу в Интернет только первая книга, или весь перевод целиком, но первоначально он появился в довольно комичном виде. Первая книга была Грузберга, вторую и третью добавили в переводе Григорьевой и Грушецкого. Имена персонажей при этом взяли из перевода Кистьяковского и Муравьева. Эту электронную версию перевода (...) и по сей день можно еще иногда встретить в сети».⁷

Несомненное сходство, в частности, наблюдается между официально изданными текстами переводов З.А. Бобырь⁸ и Н. Григорьевой и В. Грушецкого⁹. Но прежде, чем перейти к анализу сходства двух этих переводов, следует отдельно остановиться на их очевидных различиях. Начать с того, что перевод Бобырь очень сильно сокращен (приблизительно втрое по сравнению с оригиналом), а лакуны замещены кратким пересказом событий. Так, вместо начала эпопеи в «Повести о Кольце» наличествует краткий пересказ, после чего идет перевод 2-й главы первой книги первой части, и снова – пересказ дальнейших событий. Собственно перевод начинается только с 9 главы первой книги первой части («At the sign of Prancing Pony»). Первая часть эпопеи у Григорьевой и Грушецкого переведена без купюр. У Бобырь некоторые главы второй и третьей частей произвольно перетасованы и следуют в другом порядке. В переводе Бобырь, в отличие от перевода Григорьевой и Грушецкого, нет перевода Приложений (Appendixes) и стихов. Серьезным отличием пере-

водов является также авторская концепция перевода Э.Бобырь, которой подчинены многочисленные сюжетные изменения: появляется произвольно добавленный сюжет Испепеляющего Венца вместо короны Гондора, Арагорн не именуется «королем», а лишь «правителем» или «вождем», Сэм становится не слугой, как в оригинале, а другом Фродо¹⁰. В отличие от «Повести о Кольце» Э. Бобырь, во «Властелине Колец» Н.Григорьевой и В.Грушецкого есть все три части и Приложения, переведены стихи, и нет указанных сюжетных особенностей, за исключением нескольких деталей. В целом каждый из двух переводов является вполне самостоятельным произведением. Тем интереснее наблюдающееся между ними сходство, примеры которого будут рассмотрены ниже.

О своем знакомстве с самиздатским анонимным пересказом упоминают сами переводчики – Н.Григорьева и В.Грушецкий, – рассказывая об истории создания своего перевода: «в самом начале 1983 года мы и познакомились с “Хранителями”. Очень скоро нам в руки попал самиздатский краткий пересказ двух остальных частей трилогии (объемом примерно около 80 машинописных страниц), выполненный молодым алтарником одного из московских православных храмов, фамилию которого мы так и не смогли теперь вспомнить. В. Грушецкий, давно сотрудничавший с самиздатом, выполнил литературную обработку пересказа, основываясь на ксероксе одного из английских изданий; А. Николаев, художник-конструктор, создал ряд иллюстраций <...>, после чего существенно “располневшая” рукопись “ушла” в самиздат. В 1989 г. только что образовавшееся частное Санкт-Петербургское издательство “Северо-Запад” предложило нам срочно выполнить перевод “ВК” («Властелина Колец» – Н.С.), каковая работа и была проделана в течение года».¹¹

К сожалению, мы не располагаем рукописями переводов, и наш анализ вынужденно опирается на изданные типографским способом книги. Но и эти источники позволяют высказать предположение о том, что «самиздатский краткий пересказ», упоминаемый Н.Григорьевой и В.Грушецким, являлся, скорее всего, одной из самиздатских версий перевода Э.Бобырь. Мы посчитали возможным провести сравнительный анализ изданных переводов на основе этой гипотезы. Оба перевода существуют в нескольких изданиях: перевод Бобырь издавался дважды, перевод Григорьевой и Грушецкого – трижды. Для исследования мы выбрали самые ранние издания обоих переводов, приняв, как рабочее допущение, что их в меньшей сте-

пени затронула издательская правка. Если изданные переводы схожи, то сходство самиздатовских рукописей, лежавших в их основе, должно быть еще выше.

Методике сравнения переводов с целью установления возможных генетических соотношений между ними была посвящена работа Я.И. Рецкера «Плагиа́т или самостоятельный перевод?»¹². В ней для целей судебного определения авторства было проведено сравнение двух разных переводов романа «Золотые мили» К. Причард. В анализе использовались как лингвистические, так и литературоведческие методы: с одной стороны – выявление переводческих эквивалентов и контекстуальных соответствий, а также сравнение ошибок переводчиков, с другой – сравнение стилистических приемов передачи художественного замысла автора. Схожие методы будут использованы и в нашей работе. Случаи сходства двух переводов были разбиты на две группы: сходство в адекватном воспроизведении оригинала и сходство в преобразовании и изменении подлинника. К первой группе относятся близкий перевод и пересказ, ко второй – локальные и систематические замены (в том числе ошибки) и добавления, а также одинаковые композиционные изменения – перемещения отрывков текста.

Условные обозначения:

LOTR – *Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings*. L.: Unwin Paperbacks, 1990

Б – перевод З.А. Бобырь: *Толкин Д.Р.Р. Повесть о Кольце: Роман / Пер. с англ. (в сокращении) З.А. Бобырь*. М.: СП Интерпринт, 1990. 448с.

ГГ – перевод Н. Григорьевой и В. Грушецкого: *Толкин Дж. Р. Р. Властелин Колец / Пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого*. СПб: Северо-Запад, 1991. 1008 с.

II. Сходства двух переводов в адекватном воспроизведении текста

1. Идентичные переводы

(1) [LOTR 712] They peered down at the dark pool. A little black head appeared at the far end of the basin, just out of the deep shadow of the rocks. There was a brief silver glint, and a swirl of tiny ripples. It swam to the side, and then with marvellous agility a froglike figure climbed out of the water and up the bank. At once it sat down and began to gnaw at the small silver thing that glittered as it turned: the last rays of the moon were now falling behind the stony wall at the pool's end.

Н. Г. Семенова

[Б 238, ГГ 650] Они снова заглянули вниз. В дальнем конце озера, у самого края скал, из воды появилась черная голова. Мелькнуло что-то серебристое, побежали мелкие волны. Голова заскользила в сторону, и маленькая, похожая на лягушку фигурка с поразительной ловкостью выкарабкалась из воды на берег. Она присела на корточки и принялась пожирать трепещущую серебристую добычу.

Отрывок дословно совпадает в обоих переводах. Сходство переводов можно было бы объяснить связью с оригиналом, если бы не одинаковые пропуски по сравнению с оригиналом (выделены подчеркиванием). Кроме того, перевод последнего предложения совпадает с оригиналом не дословно. Английское *to gnaw at* означает, скорее, «вгрызаться в», чем «пожирать». Перевод *the small silver thing that glittered as it turned*¹³ как «трепещущую серебристую добычу» также нельзя назвать подстрочным, а слово *small* ‘маленький, мелкий’ не имеет эквивалента в обоих переводах.

(2) [LOTR 943–944] The hinges creaked again, and Sam, now peering over the corner of the passage-threshold, saw a flicker of light in an open doorway, and the dim shape of an orc coming out. He seemed to be carrying a ladder. Suddenly the answer dawned on Sam: the topmost chamber was reached by a trap-door in the roof of the passage. Snaga thrust the ladder upwards, steadied it, and then clambered out of sight. Sam heard a bolt drawn back. Then he heard the hideous voice speaking again. ‘You lie quiet, or you’ll pay for it! You’ve not got long to live in peace, I guess; but if you don’t want the fun to begin right now, keep your trap shut, see? There’s a reminder for you!’ There was a sound like the crack of a whip.

[Б 382] Петли скрипнули снова, и Сэм, выглянув из-за угла, увидел свет, мелькнувший в открытой двери, и темный силуэт Орка, несущего лестницу. Сэм вдруг догадался: в самую верхнюю камеру вела подъемная дверь в потолке коридора. Снага поставил лестницу, укрепил ее, и поднявшись, исчез из виду. Сэм услышал стук отодвигаемого засова. Потом противный голос заговорил опять: – Лежи смиренно, иначе поплатишься! Думаю, тебе недолго придется жить тут спокойно; а если не хочешь, чтобы забава началась сейчас же, то не трогай двери, слышишь? Вот тебе в задаток! – послышался звук, похожий на удар бича.

[ГГ 869] Петли скрипнули снова, и Сэм, выглянув из-за угла, увидел свет, мелькнувший в открытой двери, и темный силуэт орка, несущего лестницу. Сэм вдруг догадался: в самую верхнюю камеру вела подъемная дверь в потолке коридора. Снага поставил лестницу, укрепил ее и, поднявшись, исчез из виду. Сэм услышал стук отодвигаемого засова. Потом противный голос заговорил опять: – Лежи смиренно, иначе наплачешься! Думаю, тебе недолго придется жить тут спокойно. А чтобы ты не очень скучал, вот тебе задаток! – послышался звук, похожий на удар бича.

В этом примере отмечены подчеркиванием два расхождения между идентичными переводами. В первом случае это за-

мена поплачешься на заплачешься. Во втором – расхождения в последней фразе, причем интересно, что они не соответствуют оригиналу в обоих переводах: у Григорьевой и Грушецкого «чтобы ты не очень скучал», у Бобырь «не трогай двери», тогда как в оригинале «держи рот на замке».

(3) [LOTR 723] As the third stage of their day's march drew on and afternoon waned, the forest opened out, and the trees became larger and more scattered. Great **ilaxes** of huge girth stood dark and solemn in wide glades with here and there among them hoary **ash-trees**. and giant oaks just putting out their brown-green buds. About them lay long launds of green grass dappled with celandine and anemones, white and blue, now folded for sleep; and there were acres populous with the leaves of woodland hyacinths...

[Б 256] К концу третьего дня лес изменился; деревья стали крупнее и реже – [большие и] раскидистые вязы [темные и торжественные, стояли на широких прогалинах, а там и сям между ними – седые], огромные остролисты, гигантские дубы, на которых уже начали разворачиваться коричнево-зеленые почки. Между деревьями тянулись обширные лужайки, усеянные белыми и голубыми [чистотелами и] анемонами [уже закрывшимися перед сном] и [целые акры были покрыты листвой] лесными гиацинтами...

[ГГ 662] К концу второго дня лес изменился, деревья стали крупнее и реже: [большие и] раскидистые вязы [темные и торжественные, стояли на широких прогалинах, а там и сям между ними – седые], огромные остролисты, гигантские дубы, на которых уже начали распускаться [коричнево-зеленые] почки. Меж деревьев попадались [обширные] лужайки, поросшие белыми и голубыми [чистотелами и] анемонами [уже закрывшимися перед сном] и [целые акры были покрыты листвой] лесным гиацинтом.

В этом отрывке в обоих переводах в квадратные скобки заключены наши подстрочные вставки, отсутствующие в переводах. Видно, что пропуски сделаны в одинаковых местах. Жирным шрифтом выделены название деревьев: *ilex* и *ash-tree*, 'падуб' ('остролист') и 'ясень' соответственно. Чтобы проверить, могла ли такая замена произойти независимо, мы обратились к шести другим переводам. В четырех переводах (Муравьева/Кистяковского, Волковского, Грузберга, Каменкович/Каррика) сохранены «ясени» и «падубы», в двух других (Немировой, Маториной) упоминание о «падубах» опущено. Таким образом, только в двух переводах из восьми произведена замена «ясеня» на «вяз», т.е. у Бобырь и у Григорьевой/Грушецкого. Кроме того, ни один из шести других переводов не демонстрирует такого точного совпадения, как сравниваемые переводы.

2. Идентичные пересказы

В оригинале примерно полстраницы текста (глава «The Riders of Rohan»). В обоих переводах – схожий пересказ:

(4) [LOTR 451]

[Б 152] Гимли был в тревоге, не зная, чего ожидать от всадников Рохана, и Арагорн рассказал ему о них. Рохиррим, по его словам, горды и вспыльчивы нравом, но верны и великодушны; отважны, но не жестоки; умны, знают много песен и сказаний, но не умеют ни читать, ни писать. Они долгое время были в дружбе с Гондором, хотя и не в родстве с ним; и они, по крайней мере, не любят Орков. Некоторые говорят, что они платят дань Мордору, но это едва ли верно.

[ГГ 439–440] Чувствуя тревогу гнома, незнакомого с людьми Рохана, Арагорн коротко рассказал ему о них. По его словам, Всадники хотя и отличаются вспыльчивым нравом, но великодушны и отважны, горды но не жестоки, умны, и если не знают письменности, то помнят былины и слагают песни, как велось по всему Среднеземью до начала Темных Лет. Они в дружбе с Гондором и, уж во всяком случае, не любят орков. Говорили, что они платят дань Мордору, но Арагорн этому не верил.

Следующие два примера (5, 6) – краткий пересказ вместо столь же краткого диалога:

(5) [LOTR 535] There was a silence. The old man did not move in his chair. At length Gandalf spoke. 'Hail, Theoden son of Thengel! I have returned. For behold! the storm comes, and now all friends should gather together, lest each singly be destroyed.'

[Б 224] После долгого молчания Гандальф заговорил первым; он приветствовал Теодена как друга, и предложил ему свою помощь.

[ГГ 504] Первым заговорил Гэндальф. Он приветствовал Теодена как друга и предложил свою помощь.

(6) [LOTR 602] 'What have you to say, Theoden King? Will you have peace with me, and all the aid that my knowledge, founded in long years, can bring? Shall we make our counsels together against evil days, and repair our injuries with such good will that our estates shall both come to fairer flower than ever before?'

[Б 285] Он снова обратился к Теодену со сладкой речью, предлагая свой совет и помощь, предлагая, чтобы Рохан и Изенгард простили друг другу взаимные обиды и совместно шли к еще более прекрасному расцвету, чем раньше.

[ГГ 551] Он снова обратился к Теодену со сладкой речью, предлагая совет и помощь, обещая простить взаимные обиды и рука об руку идти в светлое будущее.

В примере (7) в оригинале (Book III, Chapter IX) Пиппин рассказывает в лицах диалог двух других персонажей: Фангорна и Гримы; в обоих переводах – пересказ.

(7) [LOTR 596–597]

[Б 256] Он рассказал, что в пути его преследовали Орки и Волки и говорил еще многое, но Фангорн прервал его и сказал, что знает о нем все нужное от Гандальфа и что если он прислан к Саруману, то пусть и идет к нему в башню. Грима только заглянул в ворота и отскочил и хотел немедленно вернуться в Эдорас, но Фангорн предложил ему выбор: либо оставался под стражей Энтов до возвращения Гандальфа, либо идти к башне вброд. Он предпочел второе. Вода доходила ему до ушей, но Фангорн провожал его всю дорогу, готовый помочь, пока там не приоткрылась дверь и его не втащили внутрь. Неужели эта крыса действительно была советником правителя?

[ГГ 546] Он рассказал, что в пути его преследовали орки и волки, и много чего еще болтал. Но Фангорн сказал, что знает о нем от Гэндальфа и что если его прислали к Саруману, то пусть и идет к нему в башню. Грима только глянул за ворота и отскочил, хотел немедленно возвращаться в Эдорас, но Фангорн не пустил. Он предложил ему на выбор: либо подождать под стражей энтов Гэндальфа, либо идти к башне вброд. Он предпочел второе. Вода доходила ему до ушей, но Фангорн провожал его, пока в башне не открылась дверь и этого Гриму не втащили внутрь. Неужели такая крыса действительно была советником правителя?

Эти примеры можно было бы считать совпадением, если бы не значительное количество таких отрывков, переведенных или пересказанных почти одинаково, или даже слово в слово, без единого расхождения.

III. Сходства двух переводов в преобразовании и изменении подлинника

1. Одинаковые ошибки

(8) [LOTR 743] Sam clicked his tongue, but restrained himself.
[Б 272, ГГ 680] Сэм прищелкнул пальцами, но сдержался.

В оригинале Сэм «прищелкнул» языком (tongue).

(9) [LOTR 851] As for the sortie, I had already given thought to it. Let us go down.'

[Б 364] Пойдемте вниз и посмотрим, что можно сделать сейчас для защиты Города.

[ГГ 779] Идем вниз, посмотрим, что можно сделать для обороны Города.

В прим. (9) в оригинале речь идет о военной вылазке небольшим отрядом, вероятно, близкий перевод «разведка боем» (sortie).

(10) [LOTR 992] And when I heaved that great carcass off you, I made sure you were dead.

[Б 464] Когда я поднял твой огромный труп, я был уверен, что ты умер.

[ГГ 921] Когда я поднял твой так подростший труп, я был уверен, что ты мертвей мертвого.

На самом деле в оригинале: «когда я снял с тебя (*heaved ... off you*) эту огромную тушу (*great carcass*)».

2. Идентичные локальные замены и добавления

(11) [LOTR 785–786] ‘The mightiest man may be slain by one arrow,’ he said; ‘and Boromir was pierced by many. When last I saw him he sank beside a tree and plucked a black-feathered shaft from his side. Then I swooned and was made captive. I saw him no more, and know no more. But I honour his memory, for he was very valiant.’

[Б 326] Самого могучего воина можно убить одной стрелой, – разил он, забывая о страхе, – а Боромир был пронзен множеством их. – В коротких словах он рассказал о битве с Орками, о гибели Боромира, о своем пленении. – Я чту его память, – закончил он, ибо он был доблестным воином.

[ГГ 720] – И для самого могучего довольно бывает одной стрелы, а Боромиру досталась туча. – Он коротко рассказал о схватке с орками и гибели Боромира. – Я не забуду его, – закончил он. – Боромир был доблестным воином и погиб, спасая нас от прислужников Врага.

В примере (11) мы выделили подчеркиванием вольный песесказ слов Пишпина: у Толкина он говорит лишь о том, что видел своими глазами – Боромир, сидя прислонившись к дереву, выдергивал стрелу из своего бока, но не рассказывает о его смерти.

(12) [LOTR 533] ‘Well,’ said Gimli, ‘if it has Anduril to keep it company, my axe may stay here, too, without shame’; and he laid it on the floor.’

[Б 223] Странник сам поставил у стены свой Возрожденный Меч, запретив прикасаться к нему кому бы то ни было; тогда и Гимли поставил рядом с его оружием свой топор. – Ему не стыдно будет стоять рядом с мечом Изильдура, – сказал он.

[ГГ 503] Арагорн сам поставил у стены Андрил, запретив прикасаться к нему кому бы то ни было, тогда и Гимли пристроил рядом свой топор. – Ему не стыдно будет стоять с мечом Исильдура, – сказал он.

В обоих переводах в примере (12) первая фраза этого отрывка является пересказом диалога. Во второй фразе упоминание меча Изильдура / меча Исильдура является вольной заменой его имени – Андрил / Возрожденный Меч. Видимо, замена была произведена из-за того, что имя меча упоминается в первой фразе. Маловероятно, чтобы и пересказ и замена были результатом независимого перевода.

(13) [LOTR 614–615] But Gandalf made no sign; and drawn forward once more, half against his will, the hobbit crept up again from behind the wizard’s head. He was rolled in a blanket, with his cloak spread over the top; and close beside him, between his right side and his bent arm,

there was a hummock, something round wrapped in a dark cloth; his hand seemed only just to have slipped off it to the ground.

[Б 295–296] Гандальф не шевельнулся, и Хоббит медленно, словно против воли, подкрался к нему снова, стараясь держаться у него за спиной. Кудесник лежал на боку, укрывшись плащом, и в кольце его согнутой руки лежало что-то круглое, завернутое в черную ткань, а другая рука словно только что соскользнула с этого свертка.

[ГТ 564] Гэндальф не шевелился, и хоббит медленно, словно против воли, снова подкрался к нему. Маг лежал на боку, укрывшись плащом, и одной рукой обнимал что-то круглое, завернутое в черную ткань. Другая рука, казалось, только что соскользнула с этого свертка.

В примере (13) в тексте оригинала нет упоминания о том, что маг (кудесник) лежал на боку. Это вольная интерпретация, которая допущена только в двух переводах из восьми.

(14) [LOTR 965] 'I feared it, Sam,' said Frodo. 'We've trusted to luck, and it has failed us. We're trapped.' He looked wildly up at the frowning wall, where the road-builders of old had cut the rock sheer for many fathoms above their heads. He ran to the other side and looked over the brink into a dark pit of gloom.

[Б 410] – Я боялся этого, Сэм, – сказал Фродо. – Мы доверились удаче и она обманула нас. Мы в ловушке. – Он отчаянно взглянул на отвесную стену, обтесанную древними строителями до высоты в тридцать фатомов, потом перебежал дорогу и заглянул за ее край, в черную, туманную пропасть.

[ГТ 891] – Я этого и боялся, Сэм, – сказал Фродо. – Мы доверились удаче, и она обманула нас. Мы сами залезли в ловушку. – Он с отчаянием взглянул на отвесную стену, обтесанную древними строителями до высоты в тридцать фатомов, потом перебежал дорогу и заглянул в черную пропасть.

В примере (14) переводу «тридцать фатомов» соответствует *many fathoms* ('много фатомов') оригинала.

3. Идентичные систематические замены, связанные с концепцией З.А. Бобырь

Как упоминалось выше, перевод З.А. Бобырь имеет ряд принципиальных отличий от оригинала, обусловленных оценкой переводчицы эпопеи и основных ее идей.¹⁴ Среди них – изменение роли Сэма, который у Бобырь из слуги превращается в друга Фродо. А также изменение статуса Арагорна – придание ему «демократических» качеств правителя, отсутствующих в оригинале. У Бобырь он из короля превратился в вождя, и титул этот приобрел не по праву рождения, а вследствие личных заслуг. В соответствии со своей трактовкой произведения Толкина З.Бобырь произвела глобальные замены в тексте эпопеи. Некоторые из этих замен совпадают с заменами в переводе

Григорьевой и Грушецкого, однако они обнаруживаются лишь во второй и третьей частях, а в первой их нет. Это согласуется с предположением, что Григорьева и Грушецкий использовали в качестве подстрочника самиздатовский перевод лишь второй и третьей частей эпоса, а первая часть была ими переведена самостоятельно. Обратимся к сравнению переводов.

а) изменение роли Сэма

Везде у Бобьрь, а также во второй и третьей частях эпоса у Григорьевой и Грушецкого обращения Сэма (слуги) к своему хозяину (Фродо) и его друзьям *master* и *Mr. (mister)* последовательно заменены на обращение *друг* или соответствующее имя – Фродо, Пиппин, Мериадок. То же самое сделано и в авторской речи. Тогда как в первой части у Григорьевой и Грушецкого таких замен нет. Вот как переведен один и тот же диалог у Бобьрь и у Григорьевой/Грушецкого в первой части эпоса:

(15) [LOTR 181–182] Sam frowned, and looked at his master; and at last he broke out: 'With your leave, Mr. Frodo, I'd say no! This Strider here, he warns and he says take care;..

[Б22] Вместо него заговорил, нахмурился, Сэм. – Как хотите, Фродо, но я скажу – нет! Этот Странник – неизвестно кто он ...

[ГГ 176] Сэм, насупясь, поглядывал на хозяина, а потом не выдержал. – С вашего позволения, сударь, – сверкая глазами, обратился он к Фродо, – я б ни в жизнь его не взял ...

У Бобьрь произведена замена в обращении Сэма к Фродо и опущена авторская ремарка с *master*. У Григорьевой и Грушецкого замен нет. В отличие от первой части, во второй и третьей подобные замены сделаны повсеместно. Из значительного числа примеров с одинаковыми заменами в обоих переводах приведем только два:

(16) [LOTR 757] 'Master, dear master,' he said, but Frodo did not speak.

[Б 307] – Фродо, Фродо! – позвал он, но Фродо не ответил.

[ГГ 695] – Фродо, Фродо! – позвал он, но тот не отвечал.

(17) [LOTR 991] 'Why, look Mr. Frodo! Look here! Well, if it isn't Pippin. Mr. Peregrin Took I should say, and Mr. Merry!

[Б 463] – О, посмотрите, Фродо, посмотрите! Да ведь это Пиппин! Это наш друг Перегрин! И Мериадок!

[ГГ 920] – Смотрите, Фродо, смотрите! Да ведь это Пиппин! Это наш друг Перегрин! И Мериадок!

б) эльфы и эльфийский язык

По мнению З.Бобьрь, космогония Толкина лишена вертикальной иерархии. Вот что она пишет в своей статье: «...одной из самых своеобразных черт Среднего Мира: при общем вы-

соком морально-этическом уровне, он совершенно безрелигиозен. В нем нет никаких божеств – ни добрых, ни злых; даже Саурон, несомненно сатанинский по характеру и функции <...>, не всемогущ и не бессмертен. Нет ни молитв, ни каких бы то ни было культовых действий: обращаясь к Огнемраку на мосту Хаазад-дум в Мориа, Гандальф говорит с ним от своего имени, а не от имени какой-либо высшей силы. А обряд, выполняемый перед трапезой Фарамиром и его воинами, похож больше на акт учтивости, чем на культовый акт. Противники Саурона черпают силы для борьбы с ним в себе самих, а не в общении с каким-нибудь потусторонним миром».¹⁵

В соответствии с этим своим взглядом (впрочем, спорным), Э.А. Бобырь изменила некоторые детали в тексте, например, опустила фразы на эльфийском языке или заменила их на обращения: *Эльберет! Лучиэнь!* У Григорьевой и Грушецкого такие же замены есть только во второй части эпопеи. В первой ни купюр, ни замен нет. В следующем примере (18) подчеркиванием отмечены подобные совпадения в переводах.

(18) [LOTR 949–950] 'Gilthoniel, A Elbereth!' Sam cried. For, why he did not know, his thought sprang back suddenly to the Elves in the Shire, and the song that drove away the Black Rider in the trees. 'Aiya elenion ancalima!' cried Frodo once again behind him.

[Б 388] – Эльберет! – вскричал Сэм, неожиданно вспомнив о Ширских Эльфах и об их пении, отогнавшем Черных Всадников в лесу. – Эльберет и Лучиэнь! – вскричал и Фродо, снова следуя за ним по пятам.

[ГГ 876] – Эльберет! – вскричал Сэм, неожиданно вспомнив встреченных еще в Шире эльфов, отогнавших тогда Черных Всадников. – Эльберет и Лучиэнь! – воскликнул и Фродо, шаг в шаг идя за Сэмом.

в) изменение статуса Арагора

Следующий пример вольного перевода также, как нам кажется, может быть лишь следствием влияния текста Бобырь на текст Григорьевой и Грушецкого – это замена титула Арагорна с Короля на вождя. В нижеследующем диалоге нами сделана купюра: между словами Фарамира и словами Иорет имеется ответ Арагорна и авторская ремарка. Делая это сокращение, мы хотели подчеркнуть то, что слова Фарамира являются парными с последующим восклицанием Иорет. У Бобырь в обоих случаях вождь, а у Григорьевой и Грушецкого в первом случае *вождь*, а во втором – *Король*, что создает логическое противоречие в тексте. Согласно нашему предположению, это один из примеров редакторской оплошности Григорьевой и Грушецкого при редактировании безымянного подстрочника.

(19) [LOTR 1008] 'I will, lord,' said Faramir. 'For who would lie idle when the king has returned?' [...] 'King! Did you hear that? What did I say? The hands of a healer, I said.' And soon the word had gone out from the House that the king was indeed come among them, and after war he brought healing; and the news ran through the City.

[Б 424–425] – Я буду готов, повелитель, – сказал Фарамир. – Кто же будет лежать праздно, когда вернется подлинный вождь? [...] – Вождь! Вы слышали, я же говорила: он исцеляет одним прикосновением! – И вскоре все в Доме узнали, что явился могучий вождь, дарующий исцеление; и эта весть распространилась по всему Городу.

[ГГ 826–827] – Я буду готов, повелитель, – сказал Фарамир. – Кто же будет лежать праздно, когда вернется подлинный вождь? [...] – Король! Вы слышали, я же говорила: руки целителя! – И вскоре все в госпитале узнали, что явился Король, дарующий исцеление. И эта весть распространилась по всему Городу.

Заметим здесь, что это единственный подобный пример. Во множестве других случаев одинаковых замен не имеется. В переводе Бобырь Король последовательно убран, в переводе Григорьевой и Грушецкого последовательно восстановлен. Примеры здесь не приводятся из-за их значительного объема.

4. Одинаковая перестановка композиционных элементов текста

По структуре переводы Бобырь и Григорьевой/Грушецкого сильно отличаются друг от друга. Перевод Бобырь композиционно не соответствует оригиналу: разбиение на главы часто произвольное, главы гораздо крупнее по объему, чем в оригинале, но разбиты, в свою очередь, на подглавки с порядковыми номерами. Эти подглавки не всегда совпадают с разбиением глав оригинала. В той части книги, которая соответствует второй части оригинала, у Бобырь главы расположены иначе: они переставлены местами. У Григорьевой и Грушецкого разбиение на главы и их порядок соответствуют оригинальному тексту. Единственная общая особенность, которую можно отметить, это произвольное перемещение отрывка текста.

В одном и том же месте текста в обоих переводах переставлены местами 2 фрагмента. В переводе Бобырь это Глава II Части второй «Нежданная встреча» (подглавка 8), в переводе Григорьевой и Грушецкого – глава «Белый всадник» (Книга III, Глава V), в оригинале – «The White Rider» (Book III, Chapter V). Оба фрагмента начинаются с рассуждений Гандалва. Первый – его предположения относительно планов Саурона, о предательстве Сарумана, об энтах и Фангорне, о ближайших планах са-

мого Гандалва. Второй фрагмент – его же рассказ о схватке с Балрогом в Мории, о собственном спасении и последующем пребывании в Лориене. В таком порядке, как мы их описали, эти сцены расположены в оригинале. В двух переводах порядок этих фрагментов – обратный. Различие переводов состоит лишь в том, что у Бобьрь это краткий пересказ, занимающий чуть меньше одной страницы текста, а у Григорьевой и Грушецкого диалоги героев (с незначительными купюрами) восстановлены по оригиналу, и добавлены стихотворные пророчества Галадриэль, которых нет у Бобьрь.

V. Заключение

Таковы, по всей видимости, текстовые параллели двух «самиздатовских» переводов «The Lord of the Rings» Толкина – З. Бобьрь и Н.Григорьевой/В.Грушецкого. Безусловно, их наличие не дает оснований говорить о несамостоятельности перевода Григорьевой и Грушецкого. Их перевод, как показано выше во Введении, существенно отличается от перевода Бобьрь степенью полноты воспроизведения оригинала и в целом переводческими принципами.

Однако, продемонстрированное текстуальное сходство все же слишком весомо, чтобы его можно было счесть случайными. Каждый из приведенных примеров в отдельности не мог бы самостоятельно свидетельствовать в пользу предположения о создании одного текста на основе другого. Но во всей своей совокупности описанные свойства позволяют сделать вывод о генетической связи двух переводов. Насколько значительными можно считать обнаруженные текстуальные сходства? Можно говорить лишь о частичном заимствовании на ранней стадии создания перевода, об использовании одного перевода в качестве своего рода подстрочника для другого. И хоть в целом, несмотря на значительное сходство, оба перевода остаются, как было показано выше, вполне самостоятельными переводными произведениями, полученный результат подкрепляет предложенную в начале статьи аналогию бытования текстов в самиздате со средневековой литературой. Можно думать, что эпоха т.н. советского «застоя» с его «черным рынком» нелегальной литературы (в том числе переводной) даст еще немало примеров таких заимствований.

- ¹ Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы X-XVII вв). СПб.: Алетейя, 2001. С. 49.
- ² Там же. С. 50.
- ³ В нашей статье Семенова Н. Пять переводов «Властелина Колец» Дж. Р. Р. Толкина // Альманах переводчика / Сост. Н. М. Демурова, Л. И. Володарская; отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: РГГУ, 2001. С. 159–198 приводятся другие данные – середина 1970-х, но эта датировка оказалась ошибочной. По свидетельству Е. Смагиной, рукопись перевода в 1966 году принес домой ее отец – журналист Борис Смагин. Об этом подробнее см. в: Семенова Н. Г. Перевод с богатой историей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/ugolok/bobum.shtml>.
- ⁴ Об этом см.: Семенова Н. Г. «Это не простое кольцо, а какой-то прибор!» // Знание – сила. 1997. № 9. С. 142–148.
- ⁵ Арсеньева М. Властелин перевода «Властелина Колец»: Средиземье пермского периода // Общая газета, 07.03.2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kulichki.com/tolkien/podshivka/020307a.htm>; Брынцева Г. Хоббиты пришли с Урала // Российская газета. 2002 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/Anons/arc_2002/0601/4.shtm.
- ⁶ Во всяком случае, по свидетельству очевидцев, в начале 1980-х один из экземпляров самиздата Грузберга был куплен на нелегальном книжном рынке в Москве. Разумеется, рукопись не была подписана, и авторство Грузберга удалось установить лет 20 спустя, после официального издания перевода.
- ⁷ Хананашвили А. Как это начиналось: Толкин в переводах Грузберга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/ugolok/gruzberg.shtml>.
- ⁸ «Повесть о Кольце» (издана в 1990 г.).
- ⁹ «Властелин Колец» (издан в 1991 г.).
- ¹⁰ Подробнее об этом см. в: Семенова Н. Г. Пять переводов... С. 162–170.
- ¹¹ Эти воспоминания оформлены как ответы переводчиков на вопросы Марка Хукера – американского исследователя русских переводов Толкина, – и опубликованы в сети Интернет на сайте любителей творчества Толкина: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/ugolok/gg_m.shtml
- ¹² Рецкер Я. И. Плагиа́т или самостоятельный перевод? (Об одной судебной экспертизе) // Тетради переводчика, 1963. № 1, С. 42–64.
- ¹³ Возможный подстрочный перевод: «что-то мелкое, что отсвечивало (сверкало, блестело) серебром (серебристым цветом), извиваясь (вертясь)».
- ¹⁴ Об этом подробнее см. в нашей статье: Семенова Н. Г. Пять переводов... С. 166–170. Взгляды переводчицы изложены в ее программной статье: Бобьрь З. А. История – сага – поэзия // Сверхновая американская фантастика. 1994. № 6 (дек). С. 178–196.
- ¹⁵ Бобьрь З. А. Указ. соч. С. 187.

И.В. Сушкова

Лексические проблемы перевода православных богослужебных текстов на русский язык

Статья посвящена переводу богослужебных текстов на русский язык. На примере трех переводов Вечерни рассматриваются такие лексические проблемы перевода, как соответствие и несоответствие церковнославянского текста греческому оригиналу, передача случаев неоднозначности оригинала, выбор между переводом и сохранением церковнославянского слова, «ложные друзья переводчика», перевод славянизмов со сниженными или ироническими коннотациями, перевод посредством окказионализмов.

Ключевые слова: православное богослужение, греческий оригинал, церковнославянский текст, славянизмы, «ложные друзья переводчика», коннотации, окказионализмы.

Перевод Библии и богослужебных текстов отличается от любого другого, главное, содержанием этих текстов, и требования к его качеству поэтому не только филологические, но и богословские: «Конечно, все переводы богослужебных текстов должны быть филологически достаточно выверенными и точными, но прежде всего они должны быть богословски адекватными. Это означает, что переводчики должны очень хорошо понимать церковную традицию, они должны хорошо ее знать и богословски правильно выражать. При этом все богослужебные тексты еще не должны терять при переводе свою молитвенность»¹.

Перевод богослужебных текстов – не просто перевод с греческого оригинала на русский язык. Между греческим и русским стоит еще церковнославянский перевод². На протяжении всей истории Православия в России служили по церковнославянским богослужебным книгам, и в большинстве храмов богослужение до сих пор совершается на церковнославянском языке. Поэтому, даже переводя с греческого, переводчики вынуждены учитывать и церковнославянский текст, столь распространенный и известный в Русской православной церкви. При этом для Русской православной церкви всегда были традиционными правка, замена непонятных слов и выражений³.

Проблемы перевода с церковнославянского языка на русский в России (с конца XIX в.) рассмотрены в книге А. Г. Кравецкого и А. А. Плетневой⁴.

С одной стороны, церковнославянский язык хорошо приспособлен для передачи греческих текстов. Как пишет Г. Лант, «формальные структуры церковнославянского и греческого языков очень близки по всем основным признакам. Части речи, в общем, одни и те же <...>. В синтаксисе тоже обнаруживаются параллели, и даже правила построения слов очень схожи. Эти языки настолько близки, что во многих случаях вполне естественно выглядел бы дословный перевод»⁵. С другой стороны, при переводе возникают трудности: «В целом при таком совпадении грамматических форм и категорий двух языков можно ожидать перевода в высшей степени точного, до буквальности. На самом деле эти ожидания часто не оправдываются: языковые структуры совпадают, но, конечно, не во всех подробностях. Иногда переводчику приходилось отойти от буквальности, чтобы соблюсти синтаксис и семантику церковнославянского языка»⁶.

История перевода Библии на русский язык подробно описана И. А. Чистовичем⁷. Подобного исследования о переводе богослужебных текстов пока не создано, поскольку он не завершен. Однако основные службы переведены: сейчас вышли в свет 6 томов переводов православного богослужения⁸.

Как церковнославянский перевод для богослужения, так и Синодальный перевод для Библии (однако все же в меньшей степени) представляет собой основу для новых переводов, по крайней мере, на уровне ключевых слов. Это относится к переводам, продолжающим уже существующую традицию, а не порывающим с ней. С. С. Аверинцев пишет: «...мне было чуждо желание во что бы то ни стало отойти от Синодального перевода как можно дальше. Русская религиозная лексика столь существенно сформирована им (и еще больше, конечно, славянским переводом), что без резкого разрыва с прошлым, которого я по моим убеждениям не мог желать, невозможно заново перечеканивать обозначения для некоторого набора ключевых понятий. С другой стороны, есть случаи, когда мне казалось, что я должен изменить очень привычную передачу греческого слова»⁹.

Кроме того, богослужебные тексты предназначены не только для домашнего чтения. В храме их читают нараспев или поют, а все присутствующие воспринимают их на слух. Однако есть возможность использовать книжечки с параллельными

церковнославянским и русским текстами, что помогает восприятию богослужения. Председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата епископ Волоколамский Иларион (Алфеев) сказал в интервью газете «НГ Религии»: «... Необходимо, чтобы у нас в храмах в свободном доступе для использования за богослужением имелись тексты на славянском языке с параллельным русским переводом хотя бы основных служб: литургии, вечерни и утрени, всенощного бдения. В таком случае каждый желающий мог бы следить за ходом службы по переводу»¹⁰.

При переводе важно не только тождество информации, сообщаемой в тексте оригинала и переводе, но и средства передачи этой информации. Как пишет Я. И. Рецкер, задача переводчика – «передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности»¹¹. Перевод древних текстов (в т. ч. и христианского богослужения) особенно сложен из-за удаленности оригинала от нас по времени. «Это каждый раз – напоминание об особенно трудных обязанностях, заставляющее сильнее напрячься в усилиях если не преодолеть, так уменьшить расстояние между словом Библии и нашим, таким поздним, словом (для начала почувствовал это расстояние)»¹² – эти слова С. С. Аверинцева, переводчика многих книг Библии на русский язык, уместны и по отношению к переводу богослужения. В целом перевод богослужения тесно связан с переводом Библии: в богослужении содержится много прямых и косвенных библейских цитат; понятия Библии и богослужения общие.

В этой работе мы рассмотрим лексические проблемы перевода православных богослужебных текстов на примере Вечерни. Вечерня – это церковная служба, содержащаяся в богослужебных книгах «Служебник»¹³ и «Часослов» (неполностью). Она совершается в храме (или келейно в любом месте) вечером и состоит из молитв, песнопений, чтения Священного Писания и проповеди. Молитвы и часть песнопений неизменны, другие меняются в зависимости от дня недели и праздника. Для анализа были взяты тексты постоянных молитв и песнопений Вечерни.

Мы проанализируем три перевода Вечерни: священника Василия Адаменко¹⁴, священника Георгия Кочеткова¹⁵ и иеромонаха Амвросия (Тимрота)¹⁶. (Ниже примеры из этих переводов приводятся с обозначениями А., К. и Т. соответственно.) Цель данной работы – показать, какие проблемы встают при

И. В. Сушкова

переводе богослужебных текстов, а также каковы возможные решения этих проблем в рассматриваемых переводах. Именно в таких сложных местах формируются черты нового, церковно-русского языка. Принципиально важно также то, что два из исследуемых переводов (В. Адаменко и Г. Кочеткова) пред-назначены и используются (или использовались, в случае В. Адаменко) для настоящего храмового богослужения, а не в справочных целях.

Священник Василий Адаменко переводил вместе со своей общиной в Н. Новгороде в 1920-30-е годы. Иеромонах Амвросий Тимрот перевел Вечерню и другие службы в 1990-е годы. Священник Георгий Кочетков переводит с 1980-х годов, в данной работе использованы первая редакция 1994 г. и четвертая редакция 2004 года¹⁷. Г. Кочетков пользовался переводами В. Адаменко, а А. Тимрот – переводами Г. Кочеткова.

Чтобы выявить проблемные для перевода места, мы опирались на разночтения трех переводов, т.е. по-разному переведенные в них фразы. При этом 3 перевода были полностью сверены с оригиналом и друг с другом.

Перевод богослужебных текстов ставит целый ряд проблем, каждая из которых заслуживает серьезного изучения, а также разрешения. Это выбор между русским и церковнославянским эквивалентами; употребление новых для русского языка славянизмов. Важной является проблема церковнославяно-русских «ложных друзей переводчика». Существует проблема наличия сниженных и иронических коннотаций у многих славянизмов. Встает также целый ряд вопросов, связанных с греческим оригиналом и церковнославянским текстом (неоднозначность оригинала, неточности в его церковнославянском переводе).

Соответствие и несоответствие церковнославянского текста¹⁸ греческому оригиналу¹⁹

Георгий Кочетков переводит с оригинала²⁰, т.е. с древне-греческого, используя при этом церковнославянский текст. Амвросий Тимрот переводит и с греческого, и с церковнославянского, однако Вечерня переведена с греческого²¹. Василий Адаменко, по всей видимости, переводил с церковнославянского без учета греческого. Однако он пользовался существовавшими уже переводами, например, переводами песнопений из Вечерни Н. Нахимова (Заиончковского)²².

Общепринятый у нас церковнославянский перевод в целом близок к оригиналу и часто даже буквально соответствует ему.

Однако есть исключения, когда греческое слово не совсем точно передано в церковнославянском тексте. Ниже будут рассмотрены варианты перевода, более близкие к оригиналу, а также случаи перевода с греческого тех мест, где церковнославянский текст не полностью покрывает возможный смысл оригинала.

Случаи более точного перевода с греческого, чем церковнославянский текст, следующие:

У Г. Кочеткова:

- ἀχράντου²³ – непорочную, а не прѣчистѣю²⁴ (у А. – «Пречистую», у Т. – «пречистую»);
- ἐπιείκεια – снисхождение, а не мѣлость (у А. и у Т. – «по милости»);
- προσβείαις – по ходатайству, а не моли́твами (у А. и Т. – «по молитвам»);
- ἐνθυμήσεων – помышлений, а не воспомина́ний (у А. и Т. – «воспоминаний»).

Кроме того, церковнославянское слово может точно передавать значение греческого, но, попадая в русский текст, приобретает уже несколько иной смысл. Переводчики Г. Кочетков и А. Тимрот предлагают более адекватный русский перевод:

- οἰκτίρων – *сострадающий* (у К.) вм. щѣдрый (в цекр.слав. языке, в отличие от русского, это слово значило не 'щедрый', а 'милосердный');
- ἐλεῆμων – *милующий* (у К.) вм. мѣлостивый (церк.слав. слово означает 'сострадающий, участливый');
- Φῶς ἱλαρὸν – *Свет отрадный* (у Т.) вм. Свѣтъ тѣхѣй (церк.слав. тѣхѣй – 'радостный, веселый');
- τῆ μελέτη – *размышлением о Твоих заповедях просвещаемые* (у К. и Т.) вм. поучѣнїемъ (поучѣнїе – 'размышлением, упражнением мысли');
- τοῦ λαοῦ – *народа* (у К.) вм. людіи (церк.слав. слово значит 'народа').

Передача случаев неоднозначности оригинала

Церковнославянский язык, чрезвычайно близкий к греческому и лексически, и синтаксически (по сути будучи калькой с греческого), все же не всегда может полностью передать значение греческого слова или конструкции в конкретном контексте. Об этом (относительно ранних библейских переводов) пишет Г. Лант: «... греческий текст допускает свободу интерпретации, и переводчик мог выбрать толкование, на наш взгляд, самое

неожиданное. Короче говоря, хороший перевод на церковнославянский уже сам по себе есть ограничение выбора между возможными греческими вариантами»²⁵. Например, из двух значений греческого слова в данном тексте в церковнославянском переводе выбирается одно. Далее в русских переводах также выбирается одно из значений этого слова в данном контексте, причем факт использования какого-либо значения в церковнославянском тексте для переводчиков может являться аргументом в пользу сохранения именно такого понимания.

- Κλήρος во фразе «καὶ δὸς ἡμῖν μερίδα καὶ κλήρον μετὰ πάντων τῶν φοβουμένων σε ἐν ἀληθείᾳ» может означать 1. 'жребий', 2. 'наследство'. (Церк.слав. перевод: *наслѣдіѣ*.) В. Адаменко и Г. Кочетков выбирают второе значение 'наследство' (как и в слав. тексте), а А. Тимрот – 'жребий'. (А.: «и удостой нас участия в наследии со всеми истинно боящимися Тебя», К.: «И дай нам долю в наследии со всеми истинно почитающими Тебя», Т.: «и дай нам долю и жребий со всеми, истинно боящимися Тебя»).

- У В. Адаменко и А. Тимрота слову πρόνοια в «ὁ ἀνεκδιηγήτω, ἀγαθὸσύνη καὶ πλουσία πρόνοια διοικῶν τὴν τῶν ἀνθρώπων ζωὴν» в переводе соответствует «промысел», а Г. Кочетков использует другое значение – 'забота, попечение'. Церк.слав.: *прѣмыселъ*. (А.: неисповедимым промыслом, по богатой милости, всем управляющий), К.: «с неизъяснимой благостью и неистощимой заботой устраивающий жизнь человеческую», Т.: «неизъяснимой благостью и богатым промыслом управляющий всем»).

- Διοκέω, от которого образовано διοικῶν в той же фразе (см. предыдущий пример), – это и 1. 'устраивать', и 2. 'управлять'. (Церк.слав.: *управляѣи*.) Отсюда разные переводы: *управляющий* у А. и Т., *устраивающий* у К. (см. предыдущий пример).

- Συνετίζω во фразе «συνετίζον με τὰ δικαιώματά σου» может значить 1. 'давать понимание, делать мудрым', 2. 'разъяснить, учить'. В церк.слав. тексте: *вразуми* (это первое значение греческого слова). Перевод В. Адаменко и А. Тимрота *вразуми* ближе к первому значению, а *изъясни* у Г. Кочеткова – ко второму. (А.: «вразуми меня заповедями Твоими», К.: изъясни мне [или: нам] установления Твои, Т.: «вразуми меня повелениями Твоими»).

- ὄπλα в «ἔνδυσον ἡμᾶς ὄπλα φωτός» – 'оружие, особенно тяжелое оружие: щит, панцирь, копье'. Это слово можно также перевести как 'доспехи' (у К. и Т.) Церк.слав. *ѡрѣжіѣ*. В. Адаменко оставляет церк.слав. *оружие (света)*. (А.: «облеки нас в оружие света», К. и Т.: «облеки нас в доспехи света»).

- Μάταιος во фразе «οὐδὲ διαφύλαξον ἐν παντὶ καρῶ ... ἀπο ... διαλογισμῶν ματαίων καὶ ἐνθυμήσεων πονηρῶν» – это и 1. 'пустой, суетный', и 2. 'тщет-

ный, напрасный'. Эти значения по семантике очень близки. В церк.слав. тексте – *сѣтнѣй*. Отсюда *суетный* у В. Адаменко. А. Тимрот выбирает первое значение, а Г. Кочетков - второе. (А.: «и сохрани их ... во всякое время от... суетных помышлений и греховных воспоминаний», К.: «Сохрани их во всякое время... от замыслов тщетных и помышлений злых», Т.: «Сохрани их во всякое время ... от мыслей суетных и воспоминаний лукавых»).

Только одно из греческих слов (*κακία*) с двумя значениями во фразе «καὶ μετανοῶν ἐπὶ ταῖς κακίαις ἡμῶν» сохранило оба эти смысла в церковнославянском тексте (*кѣмѣмѣ ѿ злѣбѣхъ нѣшнѣхъ*). Однако в русском языке этот славянизм имеет только одно значение. *Каκία*, образованное от *κακός* 'плохой', согласно словарю Вейсмана²⁶, может означать 1. 'испорченность, порок', но также имеет позднее новозаветное значение 2. 'бедствие' ('огорчение, забота', по Дворецкому²⁷). Церк.слав. *злѣба*, по словарю Седаковой, тоже значит и 'порок, злодеяние', и 'забота, бедствие'. В. Адаменко и А. Тимрот близки к первому, основному значению: «сожалеющий о грехах наших...» у В. Адаменко и «сожалеющий о злых делах наших» у А. Тимрота, а Г. Кочетков понимает *κακία* в этом контексте как 'бедствие': «сожалеешь о бедствиях наших».

Выбор между русским и церковнославянским эквивалентами

Как было уже сказано выше, при переводе богослужения избежать обращения к церковнославянскому тексту, по-видимому, невозможно, даже если перевод делается с греческого. Судя по переводам, чаще всего переводчики видят своей задачей употребление церковнославянского пласта лексики, насколько это возможно в русском языке.

По нашим подсчетам в тексте Вечерни все три переводчика используют 17 славянизмов, которые словарь под ред. А. П. Евгеньевой²⁸ рассматривает как устаревшие слова: *страждущие, помилуй, благодать, моление, знамение, уста, однородный, благой, благость, сподоби, уповаем, не презри, помышление, Владыка, Владычица, исцели, (да)святится(имя Твое)*. Их употребление в переводах позволяет передать атмосферу древней традиции.

Другие 9 славянизмов определяются в словаре Евгеньевой как стилистически нейтральные, хотя с этим не всегда можно согласиться. Они также употреблены в русском тексте всеми

И. В. Сушкова

переводчиками: *ныне, подобает, благословен; благословляем, неприступный, немощь, благоухание, ложе, беззаконие.*

Во всех трех переводах использованы 2 слова, которые в русском языке несколько отличаются по форме от церковнославянского слова: *уловдяющие*, церк.слав. *ловѣщнѣ*; *человеколюбивый*, церк.слав. *человѣколюбѣцъ*.

Однако есть случаи, когда не все переводчики выбирают славянизмы. Как это ни странно, первые по времени появления богослужебные переводы содержали меньше славянизмов, чем последующие. Так, например, В. Адаменко в 1920-х годах везде заменял церковнославянские слова *согрѣшѣніа*, *когтѣнемъ*, *сѣи*, *плѣнѣнный*, *глагъ*, *здравіе*, *главы*, *оуготоваахъ* на нейтральные русские, а Г. Кочетков (и часто А. Тимрот) в 1990-х оставляли славянизмы. Таких случаев в рассматриваемых переводах 8:

греху А. / *согрешения* у К. и Т.;
встанему А., *чтобы...встали* у Т. / *восстанему* К.;
(об)этом(святомхраме) у А. и Т. / *(О святом доме)сему* К.;
пленные у А. / *пленные* у Т., *плѣнные* у К.;
голосу А. / *гласу* К. и Т.;
здоровье у А. / *здравие* у К. и Т.;
голови у А. / *главы* у К. и Т.;
приготовилу А. / *уготовалу* Т., *уготованный* у К.

В разных **редакциях переводов Г. Кочеткова** в двух местах наблюдается возврат к славянизмам. По мнению самого автора, в этих случаях приближение к русскому языку в дальнейшем оказалось необязательным:

Ибо Тебе принадлежит (1-ая ред.) – *Тебе же подобает* (4-ая ред.), церк.слав. *ѣкъѡ подовѣтъѣ тѣбѣ*;
которое Ты приготовил (1-ая ред.) – *уготованное Тобою* (4-ая ред.), церк.слав. *ѣже сѣи оуготоваахъ*

Церковнославянское слово может быть на слуху у присутствующих на богослужении и восприниматься как понятное благодаря своей внутренней форме. В таких случаях переводчики оставляют славянизмы, не зафиксированные в русском языке, но понятные его носителю:

преблагословенная, богохранимый (у всех трех переводчиков), *долготерпящий* (у В. Адаменко и А. Тимрота), *хвально* (у Г. Кочеткова и А. Тимрота.)

Г. Кочетков вместо незафиксированного *долготерпящий* использует существующее устар. *долготерпелив(ый)*.

Таким образом, в церковнорусском языке могут появляться новые славянизмы, сначала на правах окказионализмов.

Ложные друзья переводчика

При внешних идентичности или сходстве церковнославянское и русское слова очень часто различаются семантически. Такие случаи обычно называют «ложными друзьями переводчика». Это тип буквального перевода, который коренится во внешнем сходстве слов двух языков, сходстве графическом или фонетическом²⁹. Внешнее сходство далеко не всегда означает идентичность или даже близость значения. Такие слова, сходные по написанию или звучанию, не только затрудняют перевод, но и мешают переводчику уловить настоящий смысл и, следовательно, передать его.

Например, первое и основное значение церковнославянского *щедрый* – ‘сострадательный’. Глагол *щедрю*, согласно словарю Г. Дьяченко³⁰, значит ‘умилостивляюсь, жалею’. Если оставить здесь церковнославянское слово, это в значительной мере исказит смысл. О.А. Седакова называет это явление «церковнославяно-русской паронимией». Она говорит о своем «Словаре церковнославяно-русских паронимов»³¹: «Словарь показывает интереснейшее соотношение русского и церковнославянского языков, их, как бы я сказала, опасную близость»³².

Самый очевидный путь при переводе подобных церковнославянских слов – замена на другие русские слова, прежде всего, на наиболее точные эквиваленты церковнославянских слов. У В. Адаменко таких замен 2, у Г. Кочеткова – 8, а у А. Тимрота – 6. Например:

- *направь нас на путь Твой* в м. *настаѣви* (у А.);
- *Ты – Один Бог* (у А.), *Ты один – Бог* (у К.) в м. *ты єси бѣхъ ѣдинъ*;
- *сострадающий* в м. *щедрый* (у К.);
- *научи меня [или: нас] установлениям Твоим* в м. *научи мѧ ѿправданиємъ твоимъ* (у К.);
- *(Тебе же подобает) вся (слава)* (у К.) и *(Ибо подобает Тебе) вся (слава)* (у Т.) в м. *ѿкъ подобаетъ тебѣ слава слава*;
- *(дай нам) долю (в наследии со всеми истинно почитающими Тебя)* в м. *и даждь намъ участіе и наследіе со всеми болющими тебѣ* (у К.) и похожая фраза с тем же словом у Т.);
- *размышлением (о Твоих заповедях просвещаемые)* в м. *поученіемъ* (у К. и Т.);
- *сострадание* в м. *щедроты* (у Т.)

Переводчики, тем не менее, иногда оставляют такие славянизмы без перевода (9 случаев у В. Адаменко, 0 у Г. Кочеткова, 5 у А. Тимрота).

Иногда дополнительно к значению, одинаковому у церковнославянского и русского слов, в русском языке появляется новое, часто более распространенное значение. Первое, общее значение при этом часто начинает устаревать. Например, так произошло со словом *держа́ва*. По словарю Седаковой, *держа́ва* – 1. ‘сила, могущество, поддержка’; 2. ‘власть, господство’ (подчеркнуто мною – И. С.) Второе значение соответствует *κράτος* в греческом тексте «Ὅτι σὸν τὸ κράτος καὶ σοῦ ἐστὶν ἡ βασιλεία καὶ ἡ δύναμις καὶ ἡ δόξα...» У В. Адаменко: «Ибо Твоя держава и Твое царство и сила и слава», у Г. Кочеткова: «Ибо Твоя – власть, и Твои – царство, и сила, и слава», у А. Тимрота: «Ибо Твоя власть, и Твои – Царство, и сила, и слава». В русском языке появляется значение ‘сильное государство’, которое становится основным. По словарю Евгеньевой, «держава» – 1. ‘независимое государство, ведущее самостоятельную политику’, 2. *высок. устар.* ‘верховная власть, владычество’.

В такой ситуации можно поступить по-разному. В некоторых случаях переводчики заменяют такое церковнославянское слово на другое (А. 3 раза, К. 4 раза, а Т. 3 раза):

- *святыми Ангелами Воспеваемый* (у А.), *святые Воинства воспевают* (у К.) в м. *ῥῶ σῆγῆχῶ εἰλάξ воспѣваемый*;
- *сожалеющий о грехах* (у А.), *сожалеешь о бедствиях* (у К.), *сожалеющий о злых делах* (у Т.) в м. *кальнса*;
- *козней дьявола* (у А.) в м. *лѣкаваго*, изначально ‘злого’.
- *Ибо Твоя – власть* (у К. и Т.) в м. *Ибо твоѡ держава*;
- *в ... руке Своей все держащий* (у К. и Т.) в м. *содержай*.

Один раз переводчик (Г. Кочетков) дает объяснение такого слова в скобках:

Святой Крепкий (т.е. Сильный) в м. *сῆγῆй крѣпкῆй*

Славянизмы со сниженными или ироническими коннотациями

В русском языке славянизмы могут иметь коннотации, нежелательные для целей богослужебного перевода: сниженные или иронические. Такие коннотации переводчики считают необходимым исключать, заменяя церковнославянское слово на другое.

Например, *непотрѣбный* значит (по словарю О. А. Седаковой) – 1. ‘дурной, негодный’, 2. ‘ненужный’. Однако по-русски оно приобрело также значение ‘неприличный’³³. В русских переводах имеем: *невоздержанных*³⁴ (*рабов Твоих*) (у В. Адаменко), *негодных (слуг Твоих)* (у Г. Кочеткова) в м. *непотрѣбных*. (У А. Тимрота сохраняется «непотребных»).

Противный, по тому же словарю, – 1. 'враждебный, сопротивный', также 'дьявольский'; 2. 'противоположный'. В русском языке оно может восприниматься как 'противостоящий' (например, *в противном случае*), относящееся к книжному стилю. Но, кроме того, существует новое значение 'неприятный'. Это слово передается следующим образом: *противостоящей (силы)* (у Г. Кочеткова), *противоречащих (действий)* (у А. Тимрота) в м. *проти́внѣи* (дѣйствѣ). (У В. Адаменко «противных действий».)

Слово **тварь** не имело бранного значения, но получило его в русском языке. Переводчики заменяют его на другое слово, без отрицательных коннотаций: *создание* (у Г. Кочеткова), *творение* (у А. Тимрота) в м. *тварь*. (У В. Адаменко оставлено «тварь».)

Славянизмы со временем приобретают в русском языке иронический оттенок. Например, церковнославянское **честный** значило 1. 'чтимый, драгоценный'; 2. 'дорогой, тот, которым дорожат'. В современном русском языке оно используется иронически, например, в выражении *вся честная компания*. Все три переводчика это слово заменяют: *священниках, служащих в чистоте и святости* (у В. Адаменко), *почтенном пресвитерстве* (у Г. Кочеткова и у А. Тимрота) в м. *честнѣи пресвѣтерствѣ*.

Перевод посредством окказионализмов

В исследуемых переводах встречается 4 окказионализма. Это новые слова, ранее не зафиксированные в русском языке, более понятные носителю русского, чем соответствующие им церковнославянские слова. По мысли авторов переводов, окказионализмы, по-видимому, лучше передают оригинал:

- *Вечнодева* (у А. и К.), *ἀειπαρθένος*, *принодоѣва*
- *благосердный* (у К.), *εὐσπλαγχνία*, *благоѣтробіе*
- *вседостойный* (у К.), *всесвященный* (у Т.) – *πανσεπτός*, *всечестный*

Слово «Вечнодева» впервые ввел В. Адаменко, и Г. Кочетков также воспользовался им. Таким путем в церковнорусском языке могут появляться и закрепляться новые слова. Однако, наверное, неслучайно, что окказионализмов в исследуемых переводах мало (а именно 4), ведь все-таки главной задачей переводчиков было создать перевод на русский литературный язык, пусть и обладающий при этом специфическими «церковными» чертами.

Итак, во всех этих сложных для перевода местах переводчики находят выход по-разному, что мы и попытались проанализировать выше. Подведем некоторые итоги. Все три перевод-

чика сохраняют 26 славянизмов в тексте Вечерни без перевода; в более поздних переводах Г. Кочеткова и А. Тимрота славянизмов больше, чем в раннем переводе В. Адаменко. Г. Кочетков в последующих редакциях также возвращается в некоторых случаях к церковнославянизмам. Переводчики оставляют в тексте некоторые незафиксированные в русском языке, но понятные церковнославянские слова (3 у В. Адаменко, 4 у А. Тимрота, 3 у Г. Кочеткова). Церковнославяно-русские «ложные друзья переводчика» часто не распознаются (9 случаев у В. Адаменко и 5 у А. Тимрота.) Церковнославянизмы со сниженными или ироническими коннотациями обычно заменяются на другие слова (2 слова у В. Адаменко, 4 у Г. Кочеткова, 3 у А. Тимрота.)

В целом можно сказать, что священник Георгий Кочетков и иеромонах Амвросий (Тимрот) точнее передают греческий оригинал, а священник Василий Адаменко – церковнославянский текст.

Примечания

- ¹ *Кочетков Георгий, свящ.* Некоторые богословские основания необходимости и возможности перевода богослужебных текстов с древних языков на современные // Православное богослужение: В пер. с греч. и церковнослав. яз. Кн. 1: Вечерня и утренняя: С прил. церковнославянского текста / Пер. свящ. Георгия Кочеткова, Б.А. Каячева, Н.В. Эшпле; Сост. и предисл. свящ. Георгия Кочеткова. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2007. С. 7.
- ² Церковнославянский текст Вечерни находится в Служебнике.
- ³ По словам Б. А. Успенского, в церкви «всегда шла последовательная и целенаправленная работа по упрощению церковнославянского языка в процессе книжной справы, т.е. редактирования церковнославянских текстов. Эта работа началась не позднее XI в. и продолжалась вплоть до XX в. – точнее, до 1917 г.» См. *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI – XVII вв.) 3-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 51.
- ⁴ *Кравецкий А. Г., Плетнева А. А.* История церковнославянского языка в России (конец XIX – XX в.). М.: Языки русской культуры, 2001.
- ⁵ *Ланц Г.* Границы возможностей церковнославянского языка при передаче греческого // *Мецгер Б.* Ранние переводы Нового Завета. Их источники, передача, ограничения. М.: ББИ, 2002. С. 461.
- ⁶ Там же. С. 466.
- ⁷ См. *Чистович И. А.* История перевода Библии на русский язык. М.: РБО, 1997.
- ⁸ Православное богослужение: В пер. с греч. и церковнослав. яз. Кн. 1: Вечерня и утренняя; Кн. 2: Литургия св. Иоанна Златоуста; Кн. 3: Литургия св. Василия Великого, Литургия преждеосвященных даров, Литургия св. апостола Иакова; Кн. 5: Покаяние, елеосвящение, брак, поставление

- на служение Церкви; Кн. 6: Основные требы.. С прил. церковнославянского текста / Пер. свящ. Георгия Кочеткова, Б.А. Каячева, Н.В. Эппле; Сост. и предисл. свящ. Георгия Кочеткова. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2007-2010.
- ⁹ *Аверинцев С.С.* Послесловие переводчика // *Аверинцев С.С.* Собрание сочинений / Под ред. Н.П.Аверинцевой и К.Б.Сигова. [Т. 1] Переводы: Евангелия. Книга Иова. Псалмы. Пер. с древнегреч. и древнеевр. К.: ДУХ ЛІТЕРА, 2004. С. 310.
- ¹⁰ Верность традиции помогает сохранить идентичность (интервью с еп. Иларионом (Алфеевым) Андрея Мельникова, НГР) [Электронный ресурс] // Сайт Свято-Филаретовского православно-христианского института. М., 2007. – Режим доступа: http://sfi.ru/rubrs.asp?art_id=9518&rubr_id=186&print=1, свободный. – Загл. с экрана.
- ¹¹ *Рецкер Я. И.* Теория перевода и переводческая практика. М., 1974. С. 7.
- ¹² *Аверинцев С. С.* Два слова о том, до чего же трудно переводить библейскую поэзию. [Электронный ресурс] // Сайт «Библиотека Якова Кротова» М., 2009. – Режим доступа: http://www.krotov.info/lib_sec/01_a/ave/tin95.htm#55, свободный. – Загл. с экрана.
- ¹³ См. напр.: Служебник. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1991. С. 5-36.
- ¹⁴ Сборник суточных церковных служб, песнопений главнейших праздников и частных молитвословий Православной Церкви на русском языке. Пер. свящ. В. Адаменко. Париж, УМКА-PRESS, 1989.
- ¹⁵ Православное богослужение. Вып. 1. Вечерня, Утреня, Литургия св. Иоанна Златоуста. Перевод с греческого языка на русский / Пер., сост. и предис. свящ. Георгия Кочеткова; 4-ая ред. Вступ. слово С. Аверинцева; М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2004.
- ¹⁶ Вечерня // Часослов. Введение. Перевод Часослова и приложений к нему: иеромонах Амвросий (Тимрот). М.: 2003. С. 127-147.
- ¹⁷ Вышла 5-ая редакция, состоящая из 6 томов. См. сноску 8.
- ¹⁸ По Служебнику.
- ¹⁹ По Кеїμενα Λειτουργικῆς τεύχος ἁ Ἀκολουθίαι τοῦ Νυχθημέρου. Θεσσαλονίκη 1994. и *Арранц М.*, иеромон. Избранные сочинения по литургике. Т. III. Евхологий Константинополя в начале XI века и Песенное последование по требнику митрополита Киприана. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2003. С. 66–76.
- ²⁰ В названии перевода указано «перевод с греческого языка на русский».
- ²¹ В предисловии к его переводу сказано: «Перевод Часослова сделан с греческого оригинала, за исключением тех текстов, которые либо написаны на славянском, либо оказались недоступными нам в оригинале (большая часть утренних и вечерних молитв, молитва Марка монаха в конце полунощницы воскресной, отсутствующая в греческом Часослове, и другие значительные части служб)». Таким образом, Вечерня не упоминается в этом списке («вечерние молитвы» – это молитвы «На сон грядущим» молитвенного правила).
- ²² См. например: Молитвы и песнопения православного молитвослова. М., 1994. (Репринт издания «Молитвы и песнопения православного молитвослова (для мирян) с переводом на русский язык, объяснениями и примечаниями» Николая Нахимова. СПб., 1912.)

И. В. Сушкова

- ²³ Греческие примеры здесь и далее приводятся по: молитвы – *Арранц М.* Указ. соч.; ектении и песнопения – по Кеїцева Λειτουργική.
- ²⁴ Церковнославянские примеры здесь и далее приводятся по Служебнику.
- ²⁵ *Ланц Г.* Указ. соч. С. 466.
- ²⁶ Греческо-русский словарь. / Сост. А. Д. Вейсман. М., 1991.
- ²⁷ Древнегреческо-русский словарь. / Сост. И. Х. Дворецкий; Под ред. С. И. Соболевского. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1958.
- ²⁸ Словарь русского языка: В 4 тт. / Под ред. А. П. Евгеньевой; 3-е изд., стереотипн. М., 1985.
- ²⁹ *Рецкер Я.* Указ. соч. С. 29.
- ³⁰ *Дьяченко Г.* Полный церковнославянский словарь. Со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений. М.: Отчий дом, 2006.
- ³¹ *Седакова О. А.* Церковнославяно-русские паронимы: Материалы к словарю. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2005.
- ³² «Живот» или «жизнь»? (интервью с О.А.Седаковой) [Электронный ресурс] // Сайт «Объединенные издатели» М., 2006. – Режим доступа: <http://izdateli.ru/publ.php?id=18>, свободный. – Загл. с экрана.
- ³³ В словаре под ред. А. П. Евгеньевой **непотребный** – 1. *устар.* ненужный, негодный, 2. *прост. устар.* неприличный, непристойный.
- ³⁴ Однако это неточный перевод.

Прикладные разработки

К.И. Демич, А.В. Костыркин, З.М. Шаляпина

РАМЕЯ/и – автоматизированное рабочее место языковеда для иероглифических языков: общая организация

Описываются основные принципы организации создаваемого в Институте востоковедения РАН комплекса РАМЕЯ/и – автоматизированного рабочего места языковеда для иероглифических языков. Рассматриваются три основных модуля комплекса: переводческий, словарно-справочный и корпусной. Для каждого модуля демонстрируются обеспечиваемые им возможности работы с текстовой и лексикографической информацией.

Ключевые слова: электронная лексикография, корпуса текстов, лингвистические интерфейсы, конкордансы, японский язык, китайский язык, графическая вариантность, поиск по недоопределенным (нечетким) запросам, иероглифика.

1. Введение

В Институте востоковедения РАН начата разработка программно-лингвистического комплекса РАМЕЯ (= РАбочее МЕсто Языковеда), предназначенного для использования русскоязычными переводчиками, преподавателями, исследователями-лингвистами и другими специалистами, работающими с иностранными, прежде всего восточными языками. Разрабатываемая первая версия комплекса РАМЕЯ/и ориентирована на языки с иероглифической письменностью – японский и китайский и должна предоставлять пользователю возможность выполнять три основных вида работы: перевод, работу с лексикографическими и энциклопедическими базами данных и работу с корпусами текстов. Соответственно, в комплексе выделяются три модуля, отвечающие за эти функции: переводческий, словарно-справочный и корпусной.

© Демич К.И., Костыркин А.В., Шаляпина З.М., 2010

К.И. Демич, А.В. Костыркин, Э.М. Шалягина

Для каждого из трех модулей комплекса РАМЕЯ/и предусматривается отдельный интерфейс, который адаптирован к своему набору функций и своим типам информации, но в то же время допускает обмен данными с двумя другими модулями и переход к любому из них. Тем самым работа каждого интерфейса оптимизируется при сохранении для пользователя всех преимуществ единого интерфейса. В рамках каждого модуля создаются также требуемые для него базы лингвистических данных и разрабатываются вспомогательные программно-лингвистические средства для создания, коррекции и пополнения этих баз и для организации работы с ними в реальном режиме времени.

Программное обеспечение комплекса РАМЕЯ/и создается на языке программирования Python. Для хранения лингвистических баз данных (как словарных, так и корпусных) выбрана встраиваемая база данных Oracle Berkeley Database. Эта база данных оптимизирована для создания поисковых индексов и осуществления поиска с их помощью. Она поддерживает ограниченный набор поисковых операций, но зато эти операции выполняются максимально быстро.

Для отображения отдельных единиц информации (например, словарных статей) и обеспечения переходов между ними служит ActiveX-компонент Internet Explorer, который используется в комплексе в качестве элемента его графического интерфейса.

В работе над отдельными аспектами комплекса, помимо авторов настоящей статьи, принимают участие также Б.П. Лаврентьев, Л.С. Модина, М.И. Канович, К.А. Кожя, О.А. Масыгина, Е.С. Тарасова, Н.И. Сенина, В.И. Сивцева, а также ряд студентов-практикантов МГУ и РГГУ.

Ниже дается описание основных функций каждого из трех модулей комплекса РАМЕЯ/и и иллюстрируются те из их компонентов, которые уже получили свою реализацию.

2. Переводческий модуль комплекса РАМЕЯ/и

Основным компонентом переводческого модуля является его интерфейс. Разработанная к настоящему времени версия этого интерфейса предусматривает возможность разнесения входного текста и текста его русского перевода по двум разным окнам, так что в своей минимальной конфигурации интерфейс имеет вид, представленный на Рис. 1:

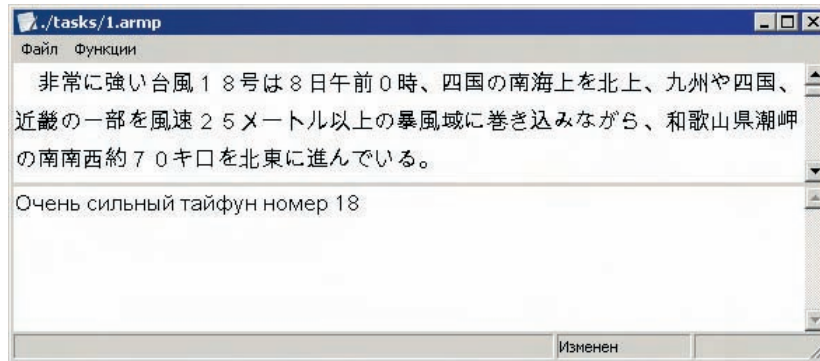

Рис. 1. Общий вид переводческого интерфейса РАМЕЯ/и в двухоконной конфигурации.

Тексты, выведенные во входное (верхнее) и выходное (нижнее) окна интерфейса, рассматриваются как сопряженные и при запоминании результатов работы сохраняются в виде единого файла. При этом в получаемом файле фиксируются сведения о его разделении на входную и выходную (русскую) части, так что при очередном его открытии каждая из этих частей автоматически выводится в свое окно интерфейса.

В рамках переводческого интерфейса реализованы все основные функции данного модуля. К ним относятся:

- (1) возможность ввода или отображения на экране текстов на требуемом языке, в том числе японских и китайских;
- (2) возможность формирования и редактирования русского перевода входного текста;
- (3) возможность выявления во входном тексте повторяющихся единиц и их контекстов.

2.1. Функции ввода и редактирования текстов

Функции ввода и редактирования текстов, реализуемые переводческим интерфейсом комплекса РАМЕЯ/и, опираются на стандартные средства операционной системы MS Windows, так что он совместим с другими текстовыми редакторами, поддерживаемыми этой системой, в том числе с редактором MS Word. Соответственно, как входные, так и выходные тексты рассматриваемого интерфейса могут копироваться в редактор MS Word и наоборот, тексты, представленные в MS Word, могут копироваться в окна данного интерфейса.

По желанию пользователя в окна переводческого интерфейса могут копироваться также данные, полученные при работе двух других модулей комплекса. Например, в них могут переноситься переводы или другие части словарных или энциклопедических статей, найденных при словарно-справочном поиске, или фрагменты текстов, выделенных при работе с корпусным модулем. В этом смысле данный интерфейс является «основным» относительно интерфейсов двух других модулей.

Тексты, представленные в японской или китайской графике, могут выводиться в любое из окон переводческого интерфейса. Для их ввода путем копирования из готовых файлов может служить не только MS Word, но и другие текстовые редакторы. Тексты могут также вводиться с клавиатуры с помощью стандартных средств японского или китайского ввода MS IME системы Windows или их аналогов (АТОК), в том числе с использованием графического планшета для рукописного ввода японских символов. Графический планшет особенно удобен в ситуациях, когда пользователю известно иероглифическое написание интересующей его единицы, но неизвестно ее точное чтение. Пользуясь планшетом, он может не тратить время и силы на определение ключей, числа черт и других графических особенностей этой единицы, но просто писать ее на графическом планшете и затем выбирать нужный знак из графических вариантов, автоматически предлагаемых для вводимой единицы по мере ее написания.

2.2. Функция перевода

Основным режимом формирования русского перевода входного текста является режим ручного перевода и редактирования.

Для японских текстов предполагается предусмотреть кроме того режим перевода с помощью компьютера (computer-aided translation). В этом режиме к переводческому модулю комплекса РАМЕЯ/и должна подключаться система японско-русского автоматического перевода ЯРАП¹. При ее вызове система ЯРАП выполняет автоматический перевод текста, выведенного во входное окно переводческого интерфейса, а результаты перевода выводятся в его выходное окно, где могут далее редактироваться с использованием тех же средств, что и в режиме ручного перевода.

В режиме перевода с помощью компьютера основная конфигурация интерфейса дополняется еще одним окном – окном

промежуточных результатов перевода, которое может активироваться по желанию пользователя. В него должны выводиться результаты сегментации входного японского текста – цепочка составляющих его графических морф, последовательность японских лексем и грамем, получаемая при лексико-морфологическом анализе этой цепочки, и русский подстрочник, формируемый путем глоссирования полученной последовательности. При активации данного окна оно встает между входным и выходным окнами, как в примере на Рис. 2:

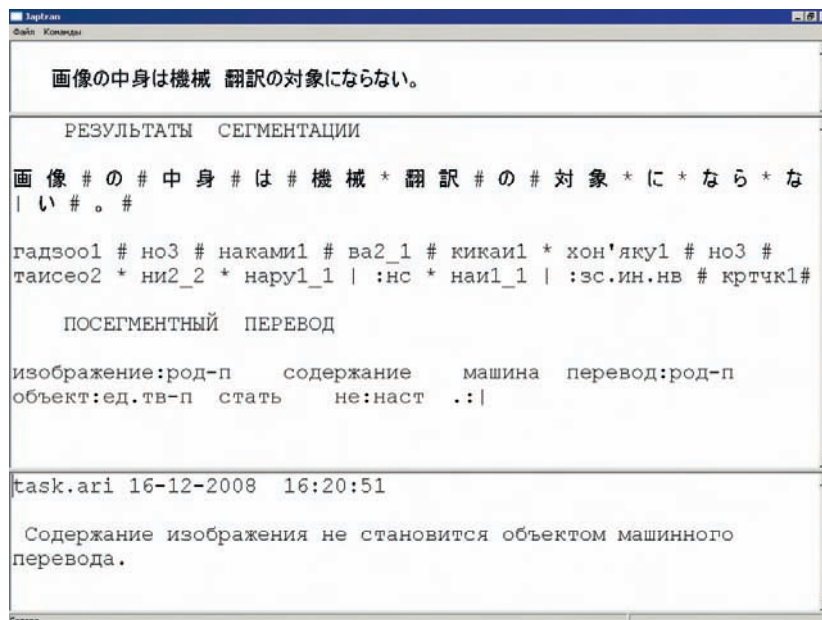

Рис. 2. Вид переводческого интерфейса РАМЕЯ/и в трехконной конфигурации.

2.3. Функции выделения лексических повторов

Помимо средств ввода входного текста и формирования текста его перевода, в рамках разработанного переводческого интерфейса реализован набор специальных функций для выделения в текущем входном тексте лексических повторов. Возможность наглядного отображения таких повторов на экране позволяет при работе с текстом учитывать степень

существенности для него той или иной единицы, в том числе видеть, какие слова проходят через весь текст. При переводе это может быть важно для лучшего понимания способа употребления таких слов в текущем тексте, а также для согласования переводных эквивалентов, сопоставляемых им в разных случаях их употребления. В зависимости от типа переводимых конструкций характер такого согласования может быть различным.

Так, в документации, сопровождающей операции купли-продажи крупных технических объектов, лицензий на их использование, патентов и т.п., обычно перечисляются все входящие в их состав компоненты, и отдельные фрагменты такого перечисления могут многократно повторяться в отдельных разделах документации. Понятно, что при ее переводе повторяющимся терминам необходимо сопоставлять во всех случаях их употребления одинаковые переводные эквиваленты, и экранное выделение повторов может облегчить переводчику или редактору эту задачу.

С другой стороны, грамматические функции повторов во входном и выходном языках может быть различны. Так, в японском языке повторы существенным образом задействованы в организации сочинительных конструкций, особенно при сочинении многокомпонентных именных или глагольных групп, где они широко используются для маркировки вершинных единиц сочиняемых групп. Напротив, в русском языке в подобных конструкциях одинаковые лексемы предпочтительно эллиптировать. Ср.:

Поририн сан га сюкугоо канка ханноо ни моти-рарэта но ва 1950 нэн но кото дэ ари, иппоо кообунси но гоосэй ханноо ни поририн сан га моти-рарэта но ва 1960 нэн рай но кото дэ ару.²

«Полифосфорную кислоту стали применять в реакциях циклической конденсации в 1950 году, а в реакциях полимеризации с 1960 года».

В японском оригинале имеет место повтор пяти разных единиц (в примере все они в первом вхождении подчеркнуты одной чертой, во втором – двумя): *поририн сан га* «полифосфорная кислота», *ханноо ни* «в реакциях», *моти-рарэта но ва* «тот факт, что использовалась», *нэн* «год» и *но кото дэ ар<и/у>* «является событием, относящимся к». В русском же переводе из названных пяти единиц повторены только две: «в реакциях» и «год», остальные три (в японском тексте примера они выделены жирным шрифтом) вместо повторения опущены.

В подобных случаях может оказаться полезным выделение повторов не только во входном, но и в выходном тексте: это может способствовать обнаружению при его редактировании скоплений таких повторов в конструкциях, где они не характерны для языка перевода.

На данный момент функция выделения повторов предусмотрена в комплексе РАМЕЯ/и только для входных текстов. При этом она может реализовываться в разных режимах, выбираемых по желанию пользователя. Основные два таких режима – это высвечивание в тексте всех повторов заданного слова и выделение для него всех содержащих его контекстов, т.е. динамическое составление его миниконкорданса по данному тексту.

В обоих случаях служебные единицы из процесса поиска повторов исключаются и учитываются только единицы знаменательных частей речи: существительные, глаголы, прилагательные и наречия. При этом для единиц, имеющих формы словоизменения, в качестве повторов выделяются не только полностью совпадающие текстовые формы, но и вхождения в текст разных словоформ одной и той же лексемы.

Последнее предусмотрено прежде всего для японского языка, где формы словоизменения имеют глаголы и часть прилагательных. Чтобы обеспечить выполнение требуемого для их обработки морфологического анализа, к комплексу РАМЕЯ/и подключена свободно распространяемая система японского морфологического анализа Mecab. Эта система для каждой словоформы текста определяет сведения о ее частеречном классе и словоизменительном типе, которые и используются для отфильтровки служебных единиц и для установления лексической идентичности разных словоформ знаменательных единиц. Для нее создана оболочка на языке Python, которая позволяет при работе с японским языком вызывать функции его морфологического анализатора из любого модуля комплекса.

В разработанном интерфейсе повторы заданной пользователем единицы текущего входного текста выделяются в его представлении во входном окне цветовой заливкой. Сама единица записывается в нижней строке интерфейса (под окном выходного текста) с указанием общего числа ее вхождений в данный текст. На Рис. 3 приведен пример выделения в тексте повторов лексемы 中心 *тю:син* «центр». На экране видны только два ее вхождения, но внизу интерфейса указано, что всего для нее обнаружено в данном тексте 11 вхождений.

При вызове функции составления по рассматриваемому тексту миниконкорданса некоторой единицы в интерфейсе от-

крывается отдельное окно, куда и выводится составленный конкорданс. Он включает все вхождения заданной единицы в имеющийся текст, каждое из которых вместе с содержащим его контекстом вынесено в отдельную строку. Размер контекста фиксирован – 6 слов слева и 6 слов справа от рассматриваемой единицы. Сама она выделяется в своем контексте красным шрифтом. При первоначальном формировании конкорданса в нем синей заливкой выделяется строка с тем вхождением рассматриваемой единицы, на котором была вызвана данная функция. При переходе в окне конкорданса к какому-либо другому вхождению той же единицы (= к другой строке), в окне входного текста также происходит переход к этому ее вхождению.

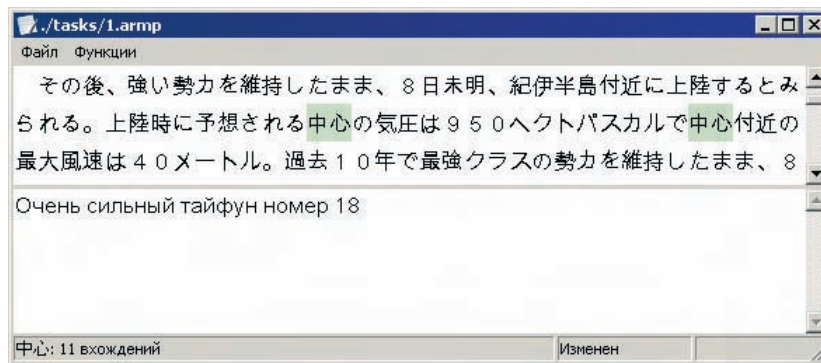

Рис. 3. Цветовое выделение в тексте лексических повторов для заданного пользователем слова

На Рис. 4 приведен пример миниконкорданса для единицы *中心* тью:син «центр».

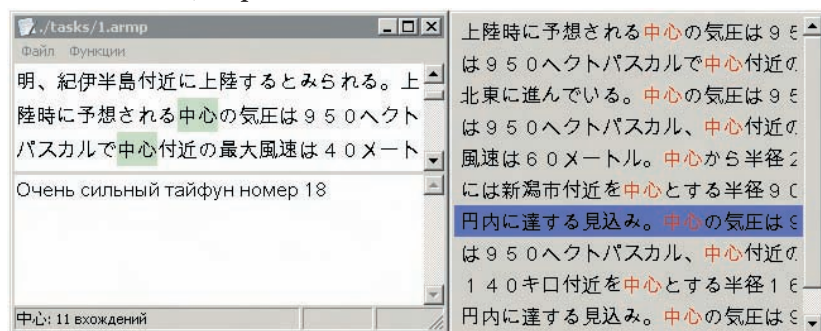

Рис. 4. Пример миниконкорданса, динамически построенного для заданного пользователем слова по текущему тексту.

3. Словарно-справочный модуль комплекса РАМЕЯ/и

3.1. Лингвистическое обеспечение словарно-справочного модуля

При создании словарно-справочного модуля комплекса РАМЕЯ/и разрабатываются средства, позволяющие подключить к нему различные типы баз лингвистических данных, представленных в электронном виде.

Прежде всего в лингвистическое обеспечение модуля должны включаться двуязычные словари, имеющие в качестве одного из учитываемых языков японский, а в качестве второго русский, английский или другой европейский язык. Предусматриваются также средства, которые позволят по мере необходимости и возможности расширять состав создаваемого лингвистического обеспечения за счет одноязычных (японских толковых или энциклопедических) словарей. В дальнейшем предполагается также обеспечить возможность обращения при работе с модулем к энциклопедическим источникам, имеющимся в Интернете, – начиная с Википедии в ее различных национальных версиях (прежде всего, естественно, японской и китайской).

Выполнение этой долгосрочной программы начато с подготовки к включению в лингвистическое обеспечение словарно-справочного модуля комплекса РАМЕЯ/и двух японско-русских словарей: словаря 1984 года издания, редактором и одним из основных авторов которого явился Б.П. Лаврентьев (далее – словарь Б.П. Лаврентьева)³ и учебного словаря иероглифов 1977 года, составленного Н.И. Фельдман-Конрад (далее – словарь Н.И. Фельдман)⁴.

Словарь Б.П. Лаврентьева, выбран в качестве базового источника информации для японско-русской версии комплекса РАМЕЯ/и как один из наиболее надежных и популярных среди японистов японско-русских словарей последнего времени. Таких словарей всего четыре, причем три из них изданы в Японии⁵ и малодоступны для отечественного пользователя. Следует отметить, что хотя за 25 лет, истекшие после первой публикации словаря Б.П. Лаврентьева, он несколько раз переиздавался⁶, однако сколько-нибудь существенных содержательных изменений (если не считать заглавия, перестановки отдельных фраз во введении и тому подобных деталей) его по-

следующие издания не включали. Поэтому в своей работе мы опираемся именно на его первое издание 1984 г.

Данное издание словаря Б.П. Лаврентьева в ходе работы над комплексом было полностью оцифровано: путем сканирования было получено графическое представление его исходного текста, оно было подвергнуто автоматическому распознаванию с помощью программы FineReader 8 для смешанного русско-английского текста, и в полученное текстовое электронное представление были вручную введены японские единицы. Затем была выполнена коррекция русской части текста, а также общая вычитка и верификация его окончательного текстового электронного представления. В процессе этой верификации были среди прочего исправлены обнаруженные некорректности в исходном тексте словаря – нарушения в формате записи словарных статей (например, использование круглых скобок вместо квадратных или двоеточия вместо запятой), ссылки на отсутствующие статьи, опечатки и пропуски в написании иероглифов и транскрипции и т.д.

В настоящее время под руководством и при личном участии Б.П. Лаврентьева выполняется содержательная переработка этого словаря, которая состоит в расширении и корректировке его электронной версии с тем, чтобы создать на ее базе самостоятельный электронный японско-русский словарь (далее – ЭЛЕЯРС). Осуществляется как пополнение его словника (включая восполнение лагун, допущенных в его исходном варианте по вине издательства, – как, например, отсутствие всех единиц, начинающихся на *peji* ぺじ), так и уточнение и дополнение наборов значений и переводов отдельных единиц. Существенно расширяется иллюстративный материал, тем более что в электронном словаре исчезает необходимость экономить на его объеме. В перспективе в словаре ЭЛЕЯРС предполагается обеспечить также возможность дифференциации разных уровней детальности и «продвинутой» лексикографической информации для учебных целей. Могут быть разграничены, например, базовый словарь, которым все учащиеся должны овладеть в начальный период обучения, и те или иные варианты расширения этого словаря, рассчитанные на специалистов определенного профиля. Теми же средствами в словаре могут быть отражены сведения о требованиях к знанию японской лексики на разных уровнях квалификационных экзаменов по японскому языку (Нихонго ноорёку сикэн) – с тем, чтобы пользователь мог при желании сосредоточиться на лексике именно того уровня, который его интересует в данный период.

В помощь лингвистам, занятым работой по расширению и совершенствованию словаря ЭЛЕЯРС, разрабатывается ряд специальных вспомогательных программных средств, позволяющих упростить выполняемую корректировку лексикографических данных и повысить ее надежность. Основными из этих средств являются созданные К.И. Демичем и А.В. Костыркиным программа Corrector и рабочая лексикографическая станция DStudio, функции которых кратко рассматриваются ниже в п. 3.1.2.2.

Для второго японско-русского словаря, информация из которого подключается к словарно-справочному комплексу РАМЕЯ, – словаря Н.И. Фельдман – первоначальная оцифровка была выполнена еще в рамках разработки редактора и справочника по японской иероглифике и лексике ИРИС⁸. Однако она проводилась тогда исключительно вручную, без использования каких-либо автоматизированных средств проверки ее результатов, если не считать программные требования к формату записи. Поэтому полученные результаты содержали немало опечаток и других некорректностей, которые в настоящее время верифицируются.

Таким образом, оба японско-русских словаря включены в лингвистическое обеспечение комплекса РАМЕЯ/и в текстовом формате, что позволяет в полной мере использовать при работе с ними преимущества электронного представления информации. В частности, на основе этого формата для них разрабатываются индексы, с помощью которых для интересующих пользователя единиц могут выделяться не только словарные статьи, сопоставленные им самим, но и сведения, имеющиеся о них в словарных статьях других единиц – в составе комментариев или иллюстративного языкового материала к этим другим единицам (подробнее см. п. 3.2.1.2).

3.2. Основные функции словарно-справочного модуля

Словарно-справочный модуль комплекса РАМЕЯ/и должен обеспечивать две основные функции:

1) функцию поиска запрашиваемой пользователем единицы по всему массиву информации, включенной в лингвистическое обеспечение модуля;

2) функцию дальнейшего расширения и модификации имеющегося лингвистического обеспечения модуля и/или отдельных его компонентов.

3.2.1. Функция поиска словарно-справочной информации

Функция поиска для запрашиваемой единицы словарно-справочной информации, или поисковая функция, организуется таким образом, чтобы выполнялись три основных требования:

(1) словарно-справочный поиск не должен ограничиваться только той конкретной цепочкой графических знаков, которая задана пользователем в качестве поисковой единицы, но должен учитывать также различные возможности несовпадения этой цепочки со словарными единицами, представленными в лингвистическом обеспечении поискового модуля;

(2) функция поиска должна максимально использовать возможности и преимущества представления информации в электронном виде;

(3) система поиска должна предусматривать возможность обращения, помимо собственно лингвистической информации, также к справочным, прежде всего общезнциклопедическим данным.

Рассмотрим, как реализуется или предполагается реализовать каждое из названных требований в создаваемом комплексе.

3.2.1.1. Словарно-справочный поиск при несовпадении поисковой единицы со словарными

Несовпадение заданной пользователем поисковой единицы с единицами, представленными в подключенных к комплексу словарях и базах данных, может иметь место в следующих случаях: (а) поисковая единица или отдельные знаки в ее графическом представлении имеют несколько вариантов написания; (б) графический состав поисковой цепочки известен неполностью; (в) поисковая единица не совпадает со словарной на морфологическом уровне. Рассмотрим каждый из этих случаев.

(а) Поисковая единица допускает вариантность написания

Когда пользователь задает для словарного поиска некоторую единицу, он записывает ее ровно одним способом, и если эта единица или отдельные знаки в ее составе допускают графические варианты, написание, предложенное пользователем, может не совпасть с теми, которые даются для данной единицы в тех или иных из используемых при поиске словарей. Поэтому исходное написание должно в таких случаях дополняться его вариантами, чтобы при поиске учитывались все из них.

Для японского языка здесь возможны следующие случаи.

1. Практически любое японское слово, имеющее иероглифическую запись, может по желанию автора текста полностью или частично записываться знаками одной из слоговых азбук: хираганы или катаканы. Хирагана систематически используется для записи грамматических слов и элементов слова. Например, местоимение 誰 *дарэ* «кто» часто употребляется в написании *だれ*. Нередко знаками хираганы заменяют также сложные или малоупотребительные иероглифы. Так, слово 翻訳 *хонъяку* «(письменный) перевод» может встретиться в написании *ほん訳* (где первый иероглиф заменен двумя знаками хираганы) или *ほんやく* (где хираганой записаны оба иероглифа). Катакана может использоваться, в частности, в тех функциях, которые в европейской графике выполняются шрифтовым выделением или кавычками, – например, чтобы подчеркнуть нестандартность употребления рассматриваемого слова или части слова или уточнить его чтение в данном тексте. Иногда обе азбуки могут встречаться в написании одного и того же слова. Так, слово *торикому* «убирать», «присваивать», обычно записывается *取り込む*, в текстах по химии, где оно имеет терминологическое значение («присоединять», «связывать») встретилось нам однажды в форме *トリ込む*, где подряд идут два знака катаканы, иероглиф и знак хираганы.

2. Многие японские слова, содержащие глагольные морфы, имеют варианты написания, различающиеся наличием/отсутствием окуриганы – знаков хираганы, уточняющих для иероглифически записанной лексической морфы ее словоизменительную форму. Так, единица *эмитори* «считывание» может быть записана без окуриганы (двумя иероглифами): *読取*; с окуриганой после второго иероглифа: *読取り*; с окуриганой после каждого иероглифа: *読み取り*; а также с заменой одного или обоих иероглифов хираганой: *読みとり*, *よみとり* – или катаканой: *ヨミトリ*.

3. Если внутри японского слова подряд идут одинаковые знаки, второй знак может заменяться специальным знаком повтора. При повторе иероглифа используется знак 々, например, вместо *様様 самадзама* «различный» пишется *様々*. Для хираганы знаком повтора служит ь, для катаканы っ. Так, слово *すすめ сусумэ* «совет», «рекомендации» может быть записано как *すゝめ*. Если второй знак при повторе озвончается, он заменяется соответственно знаком っ и っ, скажем, вместо *いすず* *исудзу* пишется *いすず*. Особые знаки обозначают повтор целых цепочек слоговых знаков. Но все эти замены факультативны: впол-

не допустимо и сохранение двух одинаковых знаков (цепочек знаков), что приводит к системной вариантности записи содержащих их единиц.

4. Для иероглифов могут использоваться разные варианты их написания: новые и устаревшие. Так, иероглиф 万 имеет устаревшее написание 萬, иероглиф 一 может в некоторых словах соответствовать иероглифу 壹 и т.д. Выбор варианта зависит от автора, от стиля текста и т.п.

5. Наконец, некоторые японские слова имеют исторически сложившиеся орфографические варианты иероглифического написания. Например, уже упоминавшееся слово *сусумэ* в иероглифической записи может иметь вид либо 薦め, либо 勧め, слово *ашта* «открытый», «пустой» может быть записано как 開いた, 空いた или 明いた и т.д.

Учет все этих видов японской графической вариантности обеспечивается в описываемом модуле за счет того, что в японских словарях в поле заглавия каждой статьи указываются все основные варианты записи этого заглавия. Все они выносятся и в составляемые для этих словарей поисковые индексы. Для построения таких индексов используется специальная таблица, задающая соответствие между номером словарной статьи, ее чтением, записанным японской азбукой хирагана, и множественством орфографических форм данной словарной единицы. При индексации учитываются также все допустимые для словарных единиц варианты сочетания иероглифической записи с азбучной, возможности использования устаревших форм иероглифов и т.д. с тем, чтобы словарная единица могла быть найдена по любому варианту ее записи. Для верификации всех таких вариантов используется, в частности, толковый японский словарь Кодзиэн⁹.

(б) Поисковая единица задана неполностью

Иногда пользователь не может задать интересующую его единицу в полном виде – например, если задает ее по памяти и не может точно вспомнить какие-то из составляющих ее графических знаков или вводит эту единицу по тексту, где часть знаков утрачена при копировании. При работе с бумажным оригиналом возможны полиграфические дефекты, опечатки, неразборчиво написанные части текста и т.п.

Чтобы требуемые единицы могли находиться и в таких случаях, в комплексе РАМЕЯ/и предусматриваются средства поиска по недоопределенному, или так наз. «нечеткому», за-

просу, когда часть знаков в графическом представлении запрашиваемой единицы не идентифицирована, но представлена так наз. «подстановочными знаками», которые выступают как переменные, отображающие только сам факт наличия в той или иной позиции в составе задаваемой единицы каких-то знаков и, возможно, количество этих знаков.

Так, неопознанный единичный знак китайского или японского письма (отдельный иероглиф или знак катаканы или хираганы) представляется в «нечетком» запросе вопросительным знаком «?». Последовательность неопознанных знаков, для которой известно число этих знаков, задается соответствующим числом вопросительных знаков, последовательность с неизвестным числом знаков – звездочкой «*» (в этом случае при поиске будут учитываться и те единицы, где такая последовательность пуста).

Например, для японского языка по запросу *つける должны находиться (со всеми их графическими вариантами) единицы つける, 傷つける, 当てつける, いいつける и т.д.; по запросу *付 – единицы 受付, 再交付 и т.п.; по запросу ??*付 – единицы おおめ付, 気を付 и др.; по запросу 付け*る – сама единица 付ける, а также единицы 付けあがる, 付け合わせる и т.п. Запрос 付* позволит найти единицы вида 付き, 付記, 付け加え и др.; запрос つけ* – единицы つけ, つけたし, つけおとす и т.д. Запросу 付?? соответствуют единицы 付き人, 付き物, 付する и пр.; запросу *両* – единицы 一両日, 車両, 両院 и т.п.

Для реализации поиска по «нечетким» запросам в комплексе РАМЕЯ/и используется механизм поиска при помощи регулярных выражений¹⁰. Для удобства пользователя предполагается предусмотреть, чтобы подстановочные знаки могли вводиться как в европейской, так и в японской или китайской раскладках клавиатуры, т.е. и в «узком» варианте (? и *), и в «широком» (? и *).

(в) Поискковая единица морфологически не совпадает со словарной

Данная ситуация может иметь место, когда поискковая единица задана одной из своих словоизменительных форм, отличающихся от ее словарной формы, или же неполностью вычленена из своего контекста (например, при ее копировании пользователем из рассматриваемого им текста), т.е. представляет собой сочетание некоторой словарной единицы с грамматическими показателями либо с другими словарными единицами или их фрагментами.

Для успешного осуществления словарного поиска по такому запросу требуется его предварительная нормализация – приведение поисковой единицы к словарной форме, если заданная ее форма таковой не является, или сегментация этой единицы на более мелкие компоненты – если она превышает имеющиеся словарные единицы по размеру. В настоящее время для единиц последнего типа обеспечивается отделение и поиск только их начальной подцепочки, в дальнейшем предполагается предусмотреть их полную сегментацию с поиском каждого из полученных сегментов.

Для японского языка в целях такой обработки можно было бы использовать соответствующий модуль системы автоматического перевода ЯРАП. Однако это означало бы, что данная система должна включаться в комплекс в качестве его обязательного компонента, что вызывает два возражения. С одной стороны, поскольку система ЯРАП носит пока экспериментальный характер, нецелесообразно ставить в зависимость от нее работу и тех модулей комплекса, которые не требуют подключения автоматического перевода. С другой стороны, задача нормализации заданной пользователем единицы для нужд словарного поиска отличается от задач анализа текста при автоматическом переводе. Во-первых, поисковые единицы в общем случае имеют более ограниченную длину, чем текст, анализируемый при автоматическом переводе, так что их обработку можно осуществлять более простыми методами. Во-вторых, помимо анализа, нормализация поисковой единицы связана также с синтезом – формированием для обрабатываемой единицы ее словарной формы.

Исходя из этих соображений, для нормализации несловарных единиц в целях словарно-справочного поиска используется та же система японского морфологического анализа Mecab, которая уже упоминалась выше в п. 2.3 в связи с описанием способа реализации функции выделения повторов в переводческом модуле комплекса.

3.2.1.2. Дополнительные возможности поиска, обеспечиваемые электронным представлением словаря в текстовом формате

В отличие от обычных «бумажных» словарей, для их электронных версий, представленных в текстовом формате, может быть предусмотрен более полный охват содержащейся в них информации при ее поиске.

В частности, могут быть построены средства, с помощью которых для интересующих пользователя языковых единиц будут искаяться не только их собственные словарные статьи, но и относящиеся к ним сведения, попавшие в статьи других единиц в составе иллюстративного материала, комментариев, примеров фразеологии и т.п.

Например, в статье слова 勝利 *shoori* «победа» в словаре Б.П. Лаврентьева помимо перевода указаны только образованная от этого слова атрибутивная единица 勝利的 *shooriteki* «победоносный» и два его сочетания с глаголами: 勝利を得る *shoori o eru* «побеждать, одолевать» и 勝利をうたう *shoori o utau* «торжествовать победу». Между тем в ряде других статей того же словаря для данного слова указаны и другие нетривиальные сочетаемостные возможности. Так, статья 当然 *toozen* «естественно, само собой разумеется» включает пример 当然の勝利 *toozen no shoori* «заслуженная победа». В статьях 収める *osameru* «получать, приобретать» и 帰する *kisuru* «сводиться к чему-либо, кончаться чем-либо» приведены содержащие данное слово полужаеологические глагольные контексты 勝利を収める *shoori wo osameru* «одержать победу» и 勝利は彼の手へ帰した *shoori wa kare no te ni kishita* «победа досталась ему». В статьях 物 *mono* «вещь, предмет; нечто» и こちら *kochira* «здесь; я» даны примеры 勝利はもうこっちの物だ и 勝利はこちらのものだ «победа за нами». Учет этих примеров существенно дополняет сведения о рассматриваемом слове, имеющиеся в его собственной статье.

Поэтому в рамках комплекса РАМЕЯ/и предусматривается наряду с обычным полнотекстовый словарный поиск, позволяющий обнаруживать для поисковых единиц, помимо их собственных статей, также их вхождения в статьи других единиц. В результате, в частности, словарь Н.И. Фельдман становится для пользователя не только иероглифическим, но и лексическим словарем. Встающие при этом проблемы сегментации и морфологического анализа японских примеров решаются с помощью тех же формальных средств, которые служат при поиске повторов для отождествления в этом качестве разных словоформ одной лексемы, а также при полнотекстовом словарном поиске для обнаружения вхождений единиц, не совпадающих со словарными, в состав примеров и пояснений, приводимых в статьях других слов (см. выше п. 2.3 и п. 3.2.1.1(в) соответственно).

В дальнейшем планируется разработать также средства, адаптирующие имеющиеся электронные словари для работы «в обратном режиме», т.е., например, для словарного поиска в япон-

ско-русских словарях по содержащимся в них русским переводам японских единиц. Тем самым эти словари станут источником не только японско-русской, но русско-японской информации.

В результате при том же объеме и содержании самих словарей из их электронных версий оказывается возможным извлекать больше информации, чем при пользовании традиционными «бумажными» лексикографическими средствами.

3.2.1.3. Возможность обращения к энциклопедической информации

Как уже видно из названия рассматриваемого модуля комплекса РАМЕЯ/и, понятие словарного поиска понимается при его разработке расширительно – как словарно-справочный поиск. Имеется в виду, что в создаваемом поисковом модуле должны быть предусмотрены поисковые функции, с помощью которых пользователь мог бы по мере необходимости обращаться к энциклопедическим сведениям. Такое расширение данного понятия обусловлено тем, что для задач перевода бывает нужна не только чисто лингвистическая (лексикографическая), но и энциклопедическая информация: об исторических лицах и способах их именовании на входном и выходном языках, о культурных, исторических и географических реалиях, о понятиях, более общих и более частных, чем переводимое, о возможных ассоциативных связях и т.п.

Чтобы пользователь комплекса мог запрашивать и получать такие сведения, должна быть обеспечена возможность гипертекстового перехода от одних источников информации к другим, включая источники энциклопедической информации, представленные в сети Интернет, прежде всего национальные варианты Википедии. Разрабатываемая функция такого перехода действует на словарных статьях, найденных для заданной пользователем поисковой единицы, и может вызываться в двух разных режимах: с использованием эксплицитных гипертекстовых ссылок и с помощью специальной команды.

Первый режим возможен только в случае, если статья, на которой вызвана данная функция, содержит гипертекстовую отсылку стандартного типа (записанную синим шрифтом и выделенную подчеркиванием). Если по ней щелкнуть мышью, обеспечивается переход к статье того же словаря, определяемой данной ссылкой. Примером может служить статья единицы *terebijon* в словаре ЭЛЕЯРС, которая имеет вид:

terebijon3 テレビジョン
α см. terebi テレビ

Щелкнув по ссылке, следующей за сокращением см., пользователь получает на экране новое окно, в котором представлена статья указанной в этой ссылке единицы *terebi*:

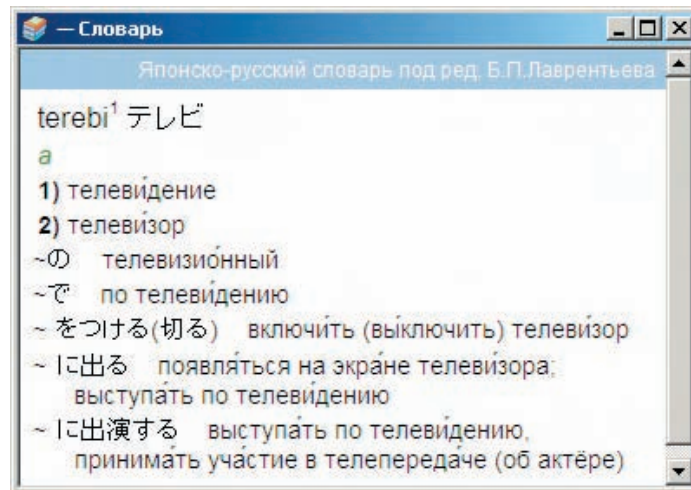

Рис. 5. Пример окна для словарной статьи, вызываемой по гипертекстовой ссылке.

Во втором режиме функция гипертекстового перехода работает на любом фрагменте текста, который пользователь выделил в рассматриваемой словарной статье. При этом для выделенной единицы происходит поиск ее словарных статей во всех словарях, подключенных к комплексу.

Следует отметить, что при энциклопедическом поиске приходится решать некоторые проблемы, не возникающие при чисто словарном поиске. Одна из них состоит в том, что в разных энциклопедических источниках могут использоваться разные системы записи числительных и дат. Так, при записи японских числительных используются разряды, отсутствующие в европейской системе записи (например, специальные единицы используются для обозначения чисел, соответствующих европейским сложным обозначениям «десять тысяч» и «сто миллионов»). В японской датировке важной особенностью является использование понятия «эпохи» – периода правления одного и того же императора. При этом годы в пределах каждой «эпохи» нумеруются отдельно, так что, например, 27-й год эпохи Сёва – это 1952 год по европейскому исчислению, а 27-й год эпохи Мэйдзи – 1893.

Поэтому для эффективной работы с японскими энциклопедическими источниками требуются средства унификации разных систем записи числовой информации, которые обеспечили бы при необходимости перевод информации, записанной в одной из них, в запись той же информации средствами другой системы. В настоящее время ведется разработка программы такой унификации и на ее базе – алгоритма поиска числовой информации, независимого от системы ее записи.

3.2.2. Функция расширения и модификации лингвистического обеспечения словарно-справочного модуля комплекса РАМЕЯ/и

Функция расширения и модификации лексикографической информации реализуется в настоящее время только для базового словаря комплекса – словаря ЭЛЕЯРС. Как уже отмечалось, в этих рамках созданы специальная вспомогательная программа Corrector и комплекс программ в помощь лексикографу DStudio. Комплекс DStudio, служащий для коллективного редактирования словарных статей, в частности, их проверки, корректировки и пополнения, описан в других работах¹¹. Здесь мы остановимся только на программе Corrector, основной функцией которой является приведение заглавий словарных статей указанного словаря к канону, принятому в японской лексикографии.

Необходимость в этом связана прежде всего с тем, что в исходном для ЭЛЕЯРС словаре Б.П. Лаврентьева¹² все заглавия даны в латинской транскрипции, после которой указывается нормативная для них орфографическая запись (или несколько вариантов такой записи). При этом для единиц, которые записываются с использованием иероглифики, не приводится написание заглавий хираганой. Между тем в японской лексикографической традиции наличие такого написания обязательно, и основным типом словарного поиска иероглифических единиц в электронных словарях является именно поиск по хирагане, выполняющей для них роль транскрипции. Дополнение статей словаря ЭЛЕЯРС представлением заглавных единиц хираганой позволит предусмотреть для него не только этот, стандартный для японского языка тип словарного поиска, но и возможность автоматического перехода от словарных статей данного словаря к статьям других японских электронных словарей и автоматического сопоставления тех и других.

Кроме того, в составе заглавий исходной версии словаря ЭЛЕЯРС оказались не учтены многие существующие в япон-

ском языке орфографические варианты слов, особенно вариативность окуриганы и варианты написания с использованием различных иероглифов. Так, дан всего один вариант лексемы 聞き取る *кикитору* «расслышать», в то время как этот глагол может записываться еще тремя способами: 聞取る, 聴き取る, 聴取る. Точно так же, только одна форма записи – 信天翁 – дана для существительного *ahodori* «белоспинный альбатрос», хотя существует и другое его написание: 阿房鳥. Для слов, записываемых катаканой, в словаре встречаются устаревшие либо ошибочные варианты их написания при отсутствии современных форм. Например, указано неупотребительное ワイブレーター *waibure:ta*: «вибратор» вместо バイブレーター *baibure:ta*.

Еще один недостаток имеющейся версии словаря ЭЛЕЯРС, требующий срочной коррекции, – это отсутствие в латинской транскрипции японских слов сведений о долготе гласных звуков (эти сведения не были учтены при первоначальной оцифровке словаря Б.П. Лаврентьева).

Для исправления перечисленных недостатков в программе Согрестор реализована функция автоматической проверки заглавий словарных статей с учетом информации из используемого толкового словаря японского языка. Помимо этого в данной программе предусмотрены также функции локального редактирования статей, добавления комментариев, отмены последних внесенных в текст изменений и т.п.

3.3. Интерфейс словарно-справочного модуля

Словарно-справочный интерфейс, разработанный для комплекса РАМЕЯ/и, в целом аналогичен интерфейсам других электронных словарей (например, АBBYY Lingvo), предусматривая окна трех типов: окно поисковой единицы – поисковое окно, окно единого поискового индекса для подключаемых к комплексу словарей – окно их словника, и окна просмотра найденных для поисковой единицы словарных статей – словарные окна.

В поисковое окно вводится единица, для которой требуется провести словарный поиск. Она может либо копироваться в это окно из других файлов, либо записываться в нем непосредственно с использованием средств японского или китайского ввода системы Windows.

Окно словника обеспечивает доступ к перечню всех единиц рассматриваемого языка, представленных хотя бы в одном

из подключенных к комплексу словарей. На экран выводится фрагмент этого перечня, в который входит сама поисковая единица (если она содержится в имеющихся словарях) и единицы, стоящие в словнике до и после нее. Если поисковая единица в словарях комплекса отсутствует, в окне словника дается фрагмент, куда она должна была бы попасть, и в нем высвечивается единица, перед которой она должна была бы стоять, что дает пользователю информацию о ее потенциальном лексикографическом контексте.

Единицы словника вносятся в него во всех вариантах записи, учтенных для них в словарях и индексах комплекса. Каждый вариант попадает в свой фрагмент словника, упорядочиваемый по своим правилам: для латиницы (включая латинскую транскрипцию) – по латинскому алфавиту, для японских слоговых азбук – по алфавиту годзюон, для иероглифики – по стандарту Unicode¹³. При этом все варианты записи той или иной единицы перечисляются только при основном ее написании, а при остальных дается отсылка к этому основному написанию. Например, для яп. 自動車 *jidoosha* «автомобиль» в латинском фрагменте словника дана запись (на данный момент, повторим, без учета долгот):

jidosha 自動車 .

во фрагменте, отведенном под хирагану, – запись (уже с долготами):

じどうしゃ 自動車

и в иероглифическом (основном) фрагменте – полный перечень вариантов:

自動車 *jidosha*, じどうしゃ .

Словарные окна могут быть текстовыми (допускающими копирование в другие файлы) или словарными (не допускающими такого копирования) в зависимости от формата источников выводимой в них информации.

Все статьи одной и той же единицы, найденные в словарях текстового формата, выводятся в общее текстовое словарное окно, как на Рис. 6. Для каждого словаря в нем указывается его название с тем, чтобы при работе с разными источниками пользователь мог учитывать их соотношение.

Если для некоторой единицы в одном и том же словаре найдено несколько статей, содержащих ее вхождение, первой указывается статья, для которой данная единица является заглавной, а в остальных вхождение этой единицы выделяется заливкой, как на Рис. 7.

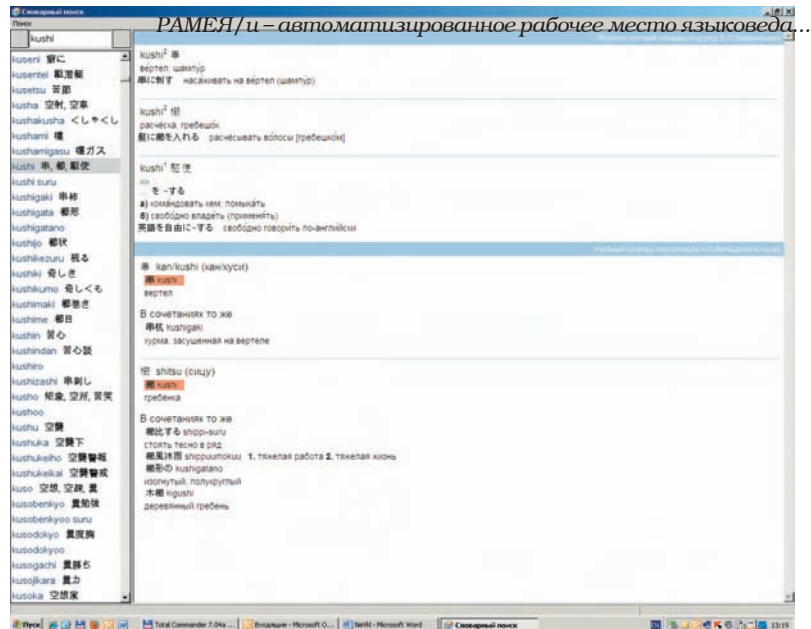

Рис. 6. Результат словарно-справочного поиска японской единицы, найденной по ее латинской транскрипции *kushi* в двух разных японско-русских словарях.

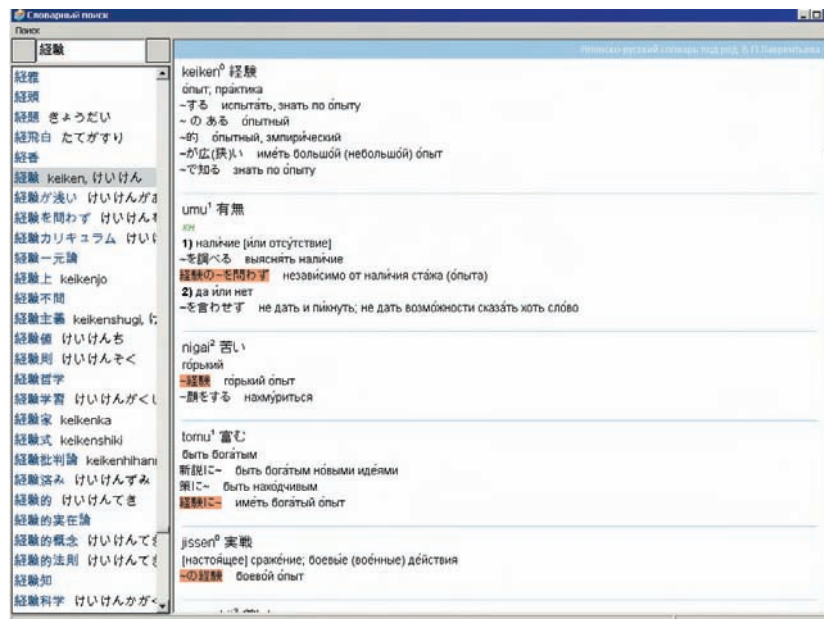

Рис. 7. Результат словарно-справочного поиска японской единицы 経験 в разных статьях одного и того же японско-русского словаря.

4. Модуль работы с корпусами текстов в комплексе РАМЕЯ

Работа с корпусами текстов требует прежде всего поисковых функций, во многом аналогичных тем, которые обеспечиваются переводческим и словарно-справочным модулями комплекса РАМЕЯ/и. Основными являются здесь функции поиска интересующих пользователя единиц во всем имеющемся корпусе текстов, совмещаемые с функциями динамического составления на его базе конкордансов этих единиц и выведения на экран содержащих данные единицы текстовых фрагментов (ср. выше п. 2.3). Аналогично словарно-справочному поиску, корпусной поиск должен осуществляться, в частности, в ситуациях вариантности и/или неполной идентификации поисковых единиц (ср. п. 3.2.1.1). Все функции, как и в двух других модулях, должны выполняться в реальном режиме времени, что предполагается обеспечивать также аналогичными средствами – с помощью специализированной системы индексов, которые должны автоматически составляться для каждого текста разрабатываемого корпуса при его включении в этот корпус. Но для корпусов текстов, в отличие от массивов лексикографической информации, и функции поиска, и функции работы с конкордансами имеют свою специфику. Рассмотрим ее.

4.1. Поиск в корпусе текстов требуемых пользователю единиц

При работе с корпусами текстов, в отличие от поиска повторов в переводческом интерфейсе, поисковые единицы не ограничены только знаменательной лексикой. В качестве поискового запроса могут задаваться и целые слова, и их части, и любые сочетания знаменательных слов друг с другом и со служебными единицами. В то же время здесь оказывается целесообразным ввести некоторые другие ограничения, носящие факультативный характер и реализуемые по желанию пользователя.

Прежде всего для оптимизации работы с очень частотными единицами разрабатывается возможность задавать при их поиске в корпусе шаг выборки $n > 1$. В этом случае в нем будет выделяться и выводиться на экран не каждое вхождение искомой единицы, но только каждое n -ое ее вхождение. Кроме того планируется предусмотреть введение ограничений на позиционную близость выделяемых вхождений. Пользователь

сможет, например, потребовать отбирать только те вхождения запрошенной единицы, которые содержатся в разных предложениях (абзацах, текстах) или на расстоянии более n знаков (предложений, абзацев, страниц).

Лингвистический смысл таких ограничений состоит в том, что при повторе некоторой единицы в рамках ближайшего окружения высока вероятность, что такие повторяющиеся вхождения реализуют одно и то же ее значение. Поэтому если пользователя-лингвиста интересует весь спектр значений и способов употребления данной единицы, он должен иметь возможность рассматривать также относительно удаленные друг от друга ее вхождения, пропуская соседние.

С другой стороны, лингвиста могут, напротив, интересоваться случаи лексических и грамматических повторов, наблюдающиеся именно в близком соседстве, поскольку они могут выполнять в тексте структурные функции. В п. 2.3 уже отмечалась роль повторов при маркировке участников сочинительных конструкций в японском языке. В китайском повторы иероглифов на небольшом расстоянии друг от друга могут служить, например, для образования определенных форм, особенно в системе глагола, ср.: 推车 *tui che* «толкать машину» – 推车推 *tui che tui* «толкать машину в течение некоторого времени или многократно»¹⁴.

Выделение подобных конструкций в текстовых корпусах может быть обеспечено с использованием средств, аналогичных тем, которые описаны выше в п. 3.2.1.1(б) для лексикографического поиска неполностью идентифицированных поисковых единиц, – поисковых шаблонов, где единицы, представленные конкретными графическими цепочками, могут «разрываться» переменными, обозначающими «неизвестные» знаки или цепочки знаков.

В текущей версии комплекса РАМЕЯ/и корпусной поиск по шаблонам реализован только с учетом самого факта «разрывности» задаваемой шаблоном единицы: «разрывный» шаблон может включать только два конкретных компонента, разделенных пробелом как знаком «разрыва». В дальнейшем данную функцию предполагается расширить – в частности, за счет дифференциации вида «разрывов» с помощью тех же переменных ? и *, которые уже предусматриваются для словарно-справочного поиска.

Для задач корпусного поиска предполагается разработать также дополнительные функции, которые предоставляли бы пользователю возможность при необходимости определять

графическое «расстояние» между конкретными компонентами шаблона как интервал «от *i* до *j*».

Однако уже имеющиеся простейшие возможности позволяют искать и изучать по текстам корпуса не только отдельные лексические единицы, но и разрывные лексико-синтаксические конструкции.

Для поисковых единиц, заданных конкретными графическими цепочками (в том числе в составе разрывных шаблонов), корпусной поиск, как и словарно-справочный, может вестись с учетом всех возможностей варьирования их записи, включая отождествление разных словоформ одной и той же единицы.

Для японского различные возможности такого варьирования на графическом и морфологическом (словоизменительном) уровнях уже описаны выше в п. 3.2.1.1 (см. подпункты (а) и (в) соответственно). Что касается китайского, то для него ввиду специфики его морфологии вариантность записи поисковой единицы ограничена только графическим уровнем и связана в основном с тем, что в Китае несколько раз (в период с 1956 по 1986 г.) происходила реформа графики с целью упрощения записи иероглифов. Результатом стало сосуществование двух видов китайской письменности: упрощенной и традиционной. Так, иероглиф 書 в результате упрощения получил вид 书, иероглиф 馬 – вид 马, иероглиф 對 – вид 对, иероглиф 觀 – 观 и т.д. В компьютерных кодировках традиционные и упрощенные иероглифы представляются разными кодами, а при клавиатурном вводе для тех и других используются разные раскладки клавиатуры.

Чтобы учесть данный вид графической вариантности, в комплексе РАМЕЯ/и при поиске китайских единиц предусматривается табличная проверка заданного пользователем написания поисковой единицы, устанавливающая его принадлежность к классу традиционных или упрощенных вариантов. По результатам этой проверки на основе той же таблицы должна строиться дополнительная поисковая строка, содержащая иероглифы второго из двух классов. Для ее построения адаптируется информация, имеющаяся в иероглифической таблице для китайского, корейского и японского языков, которая свободно распространяется консорциумом Unicode в виде базы данных Unihan¹⁵. Поиск должен осуществляться по обоим полученным поисковым строкам, что и будет обеспечивать нахождение требуемой единицы в любом из двух вариантов ее написания.

Следует, однако, отметить, что принципы учета вариантности при корпусном и словарном поиске могут различать-

ся. При словарном поиске достаточно просто отождествлять разные варианты написания поисковой единицы, поскольку пользователь должен по любому из них получать весь набор релевантных для нее статей. Напротив, в текстах выбор того или иного из допустимых вариантов может быть значимым – например, указывать на стилистические, территориальные или временные особенности языка текста, на самоидентификацию его автора как члена той или иной социальной группы и т.д. Поэтому здесь пользователь должен иметь возможность выбирать требуемый ему режим поиска: с учетом или без учета вариантности написания поисковой единицы. В дальнейшем предполагается предусмотреть также возможность задавать набор интересующих пользователя вариантов той или иной единицы непосредственно в составе поискового запроса. Тем самым понятие вариантности поисковой единицы станет возможно распространить с графического и морфологического также на лексический уровень.

4.2. Составление конкордансов при работе с корпусами текстов

Конкордансы, построенные для больших корпусов текстов, являются, как известно, важным источником лингвистических знаний, как лексических, так и грамматических. Хотя конкорданс не дает прямых указаний на семантику и перевод слова, в ситуациях, когда некоторое слово не удалось обнаружить ни в одном из доступных пользователю словарей или у пользователя возникли сомнения в адекватности имеющихся в словарях толкований и/или переводных эквивалентов для данного конкретного употребления рассматриваемой единицы, сведения, предоставляемые конкордансом, могут быть использованы для интерпретации и перевода этой единицы по контексту. Из конкорданса для той или иной единицы можно получать сведения о ее общей частотности, о типичных грамматических конструкциях, в которых она употребляется, о характерном для нее порядке слов, лексическом окружении и других особенностях ее контекста. Поэтому в описываемом комплексе функциям составления конкордансов уделяется особое внимание.

Выше в п. 2.3. уже рассматривалась функция динамического построения конкорданса для отдельного текста, реализованная в рамках переводческого интерфейса. Для работы с большими корпусами текстов разрабатывается более гибкий вариант таких функций, когда пользователь имеет возмож-

ность варьировать свои требования к формируемому конкордансу и его представлению на экране.

Так, если в переводческом интерфейсе ограничения на размер фрагментов текста, выводимых в окно конкорданса вместе с рассматриваемой единицей в качестве ее левого и правого контекста, заданы априори, в корпусном модуле пользователь может сам определять требуемую ширину контекста.

Выделенные текстовые фрагменты представляются на экране каждый в своей строке и выравниваются, как и в переводческом интерфейсе, таким образом, чтобы сама единица, для которой они выделены, размещалась в центре окна конкорданса. Упорядочиваться они могут при этом в зависимости от желания пользователя как по левому, так и по правому ее контексту.

Порядок слов, как известно, достаточно выраженным образом соотносится в китайском и японском языках со структурой управления (направлением зависимостей). В японском подчиненные единицы располагаются почти без исключения слева от подчиняющей. В китайских актантных конструкциях, если исключить связь «подлежащее-сказуемое» и конструкции с вынесением тематического актанта в начало предложения, подчиненные единицы ставятся, как правило, справа от подчиняющей. Таким образом, меняя способ упорядочения конкорданса, пользователь может не просто изучить порядок слов в сочетаниях с данной единицей, но и, в зависимости от своих целей, сосредоточить внимание на элементах контекста, структурно ей подчиненных либо, напротив, ею управляющих.

Для разрывной поисковой единицы пользователь может требовать, чтобы содержащие ее фрагменты текстов выравнивались по любому из ее компонентов и сортировались по левому или по правому контексту того компонента, по которому выровнены.

Единица, для которой составлен конкорданс, выделяется в каждом выделенном для нее текстовом фрагменте цветовой заливкой. Если она разрывная, каждый из компонентов выделяется своим цветом.

Отдельное окно предусматривается в корпусном интерфейсе для текста, из которого извлечен тот или иной фрагмент конкорданса: при переходе курсора на любой из таких фрагментов в это окно выводится весь текст, содержащий данный фрагмент, с цветовым выделением в нем всех входящих рассматриваемой единицы. Для текста указывается его заглавие, время создания (или занесения в корпус, если

время создания неизвестно) и информационный источник, откуда данный текст получен, – например, в виде его адреса в сети Интернет.

На Рис. 8 приведен вид корпусного интерфейса после выполнения поиска для разрывной японской единицы *しか...ない* «только». Поисковая единица задана сверху в строке «Запрос». Сразу под ней дается статистический результат поиска данной единицы по корпусу – число найденных в нем ее вхождений, здесь 3317. Ниже расположено окно конкорданса, под ним – окно текста. В столбцах окна конкорданса указаны (слева направо) уникальный (внутри данного корпуса) номер текста, где найдена искомая единица, число вхождений этой единицы в текст, число графических знаков, разделяющих компоненты единицы в данном ее вхождении, время создания текста и содержащий это вхождение фрагмент соответствующего текста. В окне текста выведен текст, содержащий выделенное в окне конкорданса вхождение поисковой единицы, с его выходными данными.

Doc ID	Count	Signs	Time	Text Fragment
1243	3	5	2006-10-27	いては、「下馬評通Oauが強い。ただこれだけしか利用していないのかと思ふほどまだ数が少ない。当初は10月24日を満を持し
1243	3	20	2006-10-27	いては、「下馬評通Oauが強い。ただこれだけしか利用していないのかと思ふほどまだ数が少ない。当初は10月24日を満を持して
1243	3	4	2006-10-27	いては、「中村社長と語った。ただしまだ3日しか経っていないので、「最初の週末である明日の動きを見て、MNPの傾向をつか
1260	1	1	2006-10-27	アジアといえ、このところ中国と朝鮮半島だけしか見ない反応が圧倒的に多くなっていた。だがもちろんアジアはもととず
1264	1	0	2006-10-27	「ガチルなエテラツ運動型広告を張っていくしかない」と語る。フォートラベルの津田氏は、ユーザーが生成した大量
1309	1	17	2006-10-27	理由を説明している。sens男性教諭は「忙しかったので精んだ。軽率で弁解の余地はない」と話しているという。</doc><doc rec_id
1340	1	0	2006-10-27	入可能。だめなら、ブローカーに高額を支払うしかない。<セントリス・カージナルス</s>の本拠地、プッシュ
1352	1	20	2006-10-27	、俸給1か月の懲戒処分にした。教諭は「忙しかったので精んだ。軽率な行為で弁解の余地はない」と釈明し、同日付で辞表を提出し
1373	1	6	2006-10-27	建設会社側からの献金は各社十数万円分しか記載されていない。しかし実際は各社数十万~数百万円、総額は億単位に達してし
1399	1	2	2006-10-27	で金運を運ぶには、技術力を向上させるしかない。技術のリーチの遠征こそが、完全運の近道となる。(松元
1401	1	4	2006-10-26	米安保条約を改定した「60年安保」から2年しかたっていない。明には青春歌謡『いつでも夢を』が流れていた。▼スポーツ紙
1414	1	3	2006-10-27	でも良い結果につながればと思った。現場でしか見られない投資の取り組み、熱い思い、その時代時代を生きる投資の投資の姿

<doc rec_id="108532" doc_id="1373" date="2006-10-27">
 <url="http://www.mainichi-msn.jp/today/news/20061028k000m040151000c.html">
 <title>福島汚染:前知事降参、受注額に応じ「上納金」徴収/inda
 福島県発注工事を巡る汚職事件で、収賄容疑で逮捕された前知事、佐藤栄佐久容疑者(67)の降参が04年知事選の際、約300の地元業者で組織する福島県建設業協会(福島市)を介し「上納金」を集めていたことが分かった。協会の17支部が県発注工事の受注実績に比例する形で決めた金額を、各社から半強制的に徴収するシステムで、総額は億単位に達し、ほぼ全額が裏金として処理されたという。選挙と公共工事が結び合う両者の構図が一層鮮明になった。
 協会(19月6日、東京地検特捜部による家宅捜索を受けており、昨年5月までの4年間、佐藤工業会長、佐藤謙三被告(67)＝親族入札が容疑で逮捕・起訴が会長を務めていた。
 関係者によると、協会の支部長ら幹部は知事選の告示前の04年夏、支部ごとに会合を開き、前知事側の降参に渡す献金の目標額を算出した。そのうえで、この総額を県発注工事の受注実績の割合に比例する形で加盟各社に配分。最終8月、上納金額を決めて、各社に通知したという。いわき地方の建設会社社長は「04年選挙では、支部の幹部から100万円を求められた。拒否すると工事が取れなくなる恐れがあるので、事実上の強制だった」と拉言した。こうした慣行は、前知事が再選を果たした92年選挙から続いており、決起集会などで動員する社員数も、受注総額や会社規模を基に割り振られたという。
 前知事が04年選挙で福島県選挙管理委員会に提出した「選挙運動費用収支報告書」の寄付金総額は計2688万円。このうち1500万円は前知事の政治団体「社会政治工学研究会」からで、建設会社側からの献金は各社十数万円分しか記載されていない。しかし実際は各社数十万~数百万円、総額は億単位に達していたという。
 協会の三瓶英才会長は「協会として金を集めたことばない。支部のことは分らない」としている。
 毎日新聞 2006年10月28日 3時00分
 </doc>

Рис. 8. Результаты корпусного поиска для разрывной японской единицы *しか...ない*.

5. Заключение

Из приведенного выше описания видно, что в ходе создания комплекса РАМЕЯ/и мы во многом опирались на опыт уже существующих и показавших свою удачность разработок – прежде всего Национального корпуса русского языка¹⁶, лексикографической системы АВВУУ Lingvo¹⁷ и др.

В части аспектов разрабатываемый комплекс пока слабее своих аналогов. Так, поисковая система Национального корпуса русского языка допускает поиск «разрывных» единиц, включающих до трех отдельных компонентов, в то время как в комплексе РАМЕЯ/и такой поиск ограничен только двухкомпонентными единицами. Не предусмотрены в описываемом комплексе функции корпусного поиска классов слов, определяемых пользователем по их грамматическим и/или семантическим характеристикам, а также некоторые другие возможности.

В то же время комплекс имеет и свои преимущества.

Например, в нем последовательно реализован учет графической вариантности поисковых единиц, что особенно существенно, как отмечалось выше, для языков с иероглифической графикой. Разрабатываемая для поиска в корпусах текстов возможность варьировать шаг выборки может быть полезна для оптимизации работы с такими корпусами при составлении словарей и грамматик. Впервые в отечественной электронной лексикографии для японского языка разработана лексикоморфологическая версия функции полнотекстового лексикографического поиска, которая позволяет при поиске японских единиц в статьях других слов находить их вхождения в такие статьи в любых морфологических формах.

Важным достоинством комплекса РАМЕЯ/и является то, что он предусматривает выполнение всех поисковых функций в реальном режиме времени на всем массиве подключаемых к нему лингвистических данных. Это обеспечивается прежде всего самой организацией этих данных: в рамках комплекса для них разработана оригинальная система индексов, благодаря которым скорость поиска становится в значительной степени независимой от объема поисковых массивов.

Уже текущая версия комплекса, при всем ее предварительном характере, используется для исследований по японскому и китайскому языкам. В частности, как уже отмечалось выше, на базе лексикографических массивов, полученных в результате оцифровки японско-русских словарей¹⁸, ведется разра-

ботка оригинального электронного японско-русского словаря. Созданные в рамках комплекса корпуса текстов и средства иероглифического поиска успешно используются при написании курсовых и дипломных работ студентами РГГУ¹⁹ и т.д.

Можно надеяться, что дальнейшая работа над комплексом позволит усовершенствовать и отладить его до такой степени, когда он будет представлять интерес для широкого круга специалистов по учитываемым в нем языкам.

Примечания

- ¹ О современном состоянии этой системы см.: *Шалыпина З.М.* Система японско-русского автоматического перевода ЯРАП/1: первые экспериментальные результаты // Бюллетень (Newsletter) Общества востоковедов РАН. Вып. 10. М.: ИВ РАН, 2005. С. 164-226; *Костыркин А.В.* и др. Экспериментальный комплекс ЯРАП для исследований по японско-русскому автоматическому переводу: 2008 // Бюллетень (Newsletter) Общества востоковедов РАН. Вып. 17: Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2008»: Москва, 8-10 октября 2008 г. М.: ИВ РАН. 2010 [в печати]. С. 351-389.
- ² *Ивакура, Ёсио.* Поририн-сан о мотириу дзюсюку госэй ханно {Реакция поликонденсации с использованием полифосфорной кислоты} // Кобунси. 1968. Т. 17, № 91. С. 130.
- ³ *Лаврентьев Б.П., Немзер Л.А., Сыромятников Н.А., Тарасова Т.И., Фельдман-Конрад Н.И.* Японско-русский словарь / Ред. Б.П. Лаврентьев. М.: Русский язык. 1984. 695 с.
- ⁴ *Фельдман-Конрад Н.И.* Учебный словарь иероглифов. Около 5 000 иероглифов. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Русский язык. 1977. 680 с.
- ⁵ См.: 研究社和露辞典 (藤沼著) [Кэнкюся варо дзитэн (Фудзинума тэ) Японско-русский словарь издательства Кэнкюся (сост. Фудзинума Т.)]. – Токио: Кэнкюся, 2000; コンサイス 和露辞典 (井桁著) [Консайсу варо дзитэн (Икэта тэ) {Карманный японско-русский словарь (сост. С.Икэта)}. Сансэйдо, 2005; 講談社和露辞典 佐藤勇 増補新装版 [Коданся Вародзитэн. Сато Исаму. Дзохо синсо хан {Японско-русский словарь / Ред. Сато Исаму. Исправленное и дополненное издание}]. – Токио: Коданся, 2007. 1186 с.
- ⁶ См., например: *Лаврентьев Б.П., Немзер Л.А., Сыромятников Н.А., Тарасова Т.И., Фельдман-Конрад Н.И.* Современный японско-русский словарь. Около 160 000 слов и словосочетаний. Под ред. Б.П. Лаврентьева. 7-е издание, исправленное. – М.: Живой язык. 2004. 704 с.
- ⁷ Ср. словарь: *Masuda, Koh* (Ed. in chief). Kenkyusha's New Japanese-English Dictionary. Fourth Edition. Tokyo: Kenkyusha. 1974. P. 1206-1207, – где даны 32 таких единицы.
- ⁸ *Любченко В.И., Костыркин А.В., Модина Л.С., Сенина И.И., Сивцева В.М., Шалыпина З.М.* Система ИРИС – иероглифический редактор и справочник по японской графике и лексике // V-я международная конференция

К.И. Демич, А.В. Костыркин, Э.М. Шаляпина

по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (8-10 сентября 1999 г.). СПб.: Вост. фак-т СПбГУ, 1999. С.52-58.

- ⁹ 広辞苑. 第6版. 岩波書店 [Кодзиэн. Дай 6 хан (Большой толковый словарь японского языка. Изд. 6)]. Токио: Иванами, 2008.
- ¹⁰ Фридл Дж. Регулярные выражения. – СПб.: «Питер», 2001.
- ¹¹ Demich K.I., Kostyrkin A.V. Japanese-Russian Lexicographic Workstation DStudio // Proceedings of the 11th Conference of Pacific Association for Computational Linguistics (PACLING 2009). Eds. H. Kameda, M. Tokuhisa, S. Ohno, M. Suzuki, J. Sjoberg (CD-ROM edition), Hokkaido Univ., Japan. P. 125-128; Демич К.И., Костыркин А.В. Лексикографическая рабочая станция DStudio (для создания японско-русского электронного словаря) // VIII Международная конференция по языкам Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. М.: ИД «Ключ-С», 2009. С. 46-49.
- ¹² Лаврентьев Б.П. и др. Указ. соч.
- ¹³ Unicode Standard, Version 5.0, 5th Ed., Addison-Wesley Professional, 2006.
- ¹⁴ Сведения о китайском языке и примеры китайских единиц здесь и далее предоставлены нам К.А. Кожа (Маркиной).
- ¹⁵ Unihan 2009 – Unihan Database Lookup. Last updated: 10.12.2009. Copyright ©1991-2010 Unicode, Inc. // www.unicode.org/charts/unihan.html. 02.03.2010.
- ¹⁶ Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М.: Индрик, 2005. См. также сайт: ruscorpora.ru.
- ¹⁷ См. о ней, например: Словарь АБВУЯ Lingvo для работы и учебы // www.lingvo.ru/. 02.03.2010.
- ¹⁸ Лаврентьев Б.П. и др. Указ. соч.
- ¹⁹ См., например: Чудинова Н.И. Основосложные глаголы японского языка со вторым компонентом *ka-ge-ki*: Курсовая работа / Научн. рук. А.С.Панина. М.: РГГУ, 2008; Огоршко Н.Г. Синтаксические свойства глагола *shiraseru* 'сообщать' в японском языке: Курсовая работа / Научн. рук. Э.М. Шаляпина. М.: РГГУ, 2009.

О стратегии построения высокоэффективных сетевых словарей (на примере разработки словаря LexSite)

Современные технологии перевода требуют высокоэффективных словарных ресурсов, однако существующие сетевые словари не удовлетворяют этому требованию. Приводится сравнительный анализ имеющихся сетевых словарей, указывающий на необходимость создания более эффективных словарей и повышения релевантности реакции словаря на запросы пользователя. Предлагается пересмотреть подход к лексическому ресурсу как к пассивному инструменту. Описана постановка задачи и практическая работа по созданию улучшенного лексического ресурса LexSite. Предлагаются дальнейшие шаги по построению интерактивных сетевых лексических ресурсов.

Ключевые слова: Двухязычные сетевые словари, лексическая поддержка процесса перевода, эффективность процесса перевода, интерактивный подход к построению словарей, высокоэффективные лексические ресурсы.

Постановка задачи

В последние годы в сети Интернет появилось множество двухязычных сетевых словарей. Они обладают рядом преимуществ перед обычными, главные из которых – возможность постоянного обновления содержания словарей и немедленного корректирования ошибок в них, а также способность словарей находить переводы в любом из двух направлений (т.е. если раньше необходимо было издавать отдельно англо-русский и русско-английский словарь, то электронный словарь позволяет вести поиск в обе стороны).

Однако большинство сетевых словарей не удовлетворяют требованиям современного переводчика. Согласно проведенному нами исследованию, профессиональный переводчик при переводе с английского на русский язык тратит в среднем от 2,5 до 3,8 секунд на перевод одного слова оригинала (с учетом прочтения и осмысления фразы), следовательно, его максимальная производительность может составить от 950 до 1440

М.С. Курт

слов в час. Это при переводе, не требующем обращения к словарям. Реально же он способен перевести от 250 до 600 слов в час (в зависимости от сложности оригинала, его стиля, знакомства переводчика с предметом), т.е. от 26% до 42% от расчетной производительности. Такая потеря производительности (до 74%) слишком велика, чтобы ее можно было объяснить утомляемостью или невозможностью долго работать в напряженном темпе.

Время переводчика уходит на выбор наиболее подходящего варианта перевода, правку готовой фразы, поиск в словарях и справочниках. Например, перевод термина *F.I.T.E.* – «Fellow of Institute of Transportation Engineers» (распространенное в США звание инженеров транспорта) потребовал длительного поиска сначала в словарях (где его не оказалось), а затем на сайтах профессиональных организаций, прежде чем переводчик понял его смысл.

Кроме того, в оригинале могут встречаться термины, смысл и переводы которых очень трудно или невозможно найти за пределами одного предприятия. Например, в крупной консалтинговой компании McKinsey & Company широко применяется термин *syndication*. Сотрудники компании понимают этот термин в значении 'распространение информации среди тех, кого она касается', но за пределами организации такое его значение неизвестно. Более того, часто даже внутри одной организации разные отделы употребляют свои термины и аббревиатуры, известные только сотрудникам этих отделов. На выяснение смысла переводчик или читатель оригинала часто тратит много времени, а иногда вынужден делать догадки или оставлять комментарии о невозможности перевода какого-либо термина или выражения. Поэтому, кроме терминологических словарей "пригодных для всех", лексический ресурс должен предоставлять возможность оперативного внесения в них специальной терминологии, отражающей лексику, специфичную для данной компании, рабочей группы или проекта.

Таким образом, очевидна необходимость в быстродействующих словарях, содержащих большое количество лексических единиц и позволяющих легко и быстро пополнять и обновлять их. Но этим проблема эффективности словаря не ограничивается.

Полнота словаря – его достоинство, но также и источник проблем. В ответ на запрос «release» словарь Мультитран¹ выдал более 1100 значений, и еще более 2700 фраз, содержащих это слово. Выбор нужного значения в таком обилии результатов занимает много времени и сил.

Анализ существующих англо-русских сетевых словарей

В рамках предпринятого в компании Language Interface проекта создания нового лексического ресурса LexSite², описание которого приведено ниже, был проведен сравнительный анализ наиболее популярных англо-русских сетевых словарей, обладающих наилучшими показателями (Мультитран³, АВВУУ Lingvo⁴, МультиЛекс⁵). Другие словари, имеющиеся в сети Интернет и предоставляющие возможность поиска в англо-русской языковой паре, были отвергнуты на первом этапе анализа в силу крайне скудного содержания, исключающего возможность их использования для целей профессионального перевода. Например, словарь поисковой системы Rambler⁶ в выборке общеупотребительных слов (описанной ниже) нашел 39 значений, тогда как наилучший показатель по этой же выборке составил 294 значения, а в группе редких слов и профессиональных терминов в этом словаре не найдено ни одного значения.

Таблицы сравнительных характеристик англо-русских сетевых словарей

Таблица 1. Результаты поиска слов в диапазоне рангов от 30000 до 40000.

Запрашиваемая словарная единица	Быстродействие словаря (время от запроса до выдачи результата), сек			Количество найденных значений		
	Lingvo	Multitran	Multilex	Lingvo	Multitran	Multilex
allspice	2,09	1,92	0,38	3	9	3
amenable	3,76	2,18	2,58	13	16	7
barreled	2,15	2,07	0,56	0	5	0
behoove	2,24	2,04	1,4	0	3	0
bewildered	2,8	2,78	1,48	0	6	2
boosting	2,95	8,64	1,22	1	32	0
broach	2,25	2,27	0,9	10	67	15
bundled	2,86	8,79	1,69	2	4	0
curdled	2,72	2,75	3,46	0	0	0
curved	2,45	3,05	1,01	4	15	2
cymbals	2,91	2,06	0,36	0	1	1

М.С. Курт

Запрашиваемая словарная единица	Быстродействие словаря (время от запроса до выдачи результата), сек			Количество найденных значений		
	Lingvo	Multitran	Multilex	Lingvo	Multitran	Multilex
daiquiris	2,67	3,71	2,68	0	0	0
decimated	3,66	4,79	0,44	0	0	0
defamation	2,16	1,77	1,06	5	9	2
desertion	2,15	1,76	1,19	7	13	3
disagreeable	5,17	2,39	1,75	6	13	5
disinterested	2,94	2,51	1,15	9	6	5
docket	2,34	1,81	0,34	19	31	13
dragnet	2,09	2,38	0,5	6	4	3
dyslexic	2,34	2,06	0,22	2	2	0
empathetic	1,81	4,49	0,25	0	4	0
endorsed	1,96	4,9	1,79	18	54	0
Среднее время/ общее число найденных значений	2,66	3,23	1,20	105	294	61

Таблица 2. Результаты поиска редких слов в сетевых словарях

Запрашиваемая словарная единица	Количество найденных значений		
	Lingvo	Multitran	Multilex
anthropolatry	0	1	0
decubitis	0	0	0
deltiologist	0	1	0
galligantus	0	0	0
glossophobia	0	0	0
gyromancy	0	1	0
jactitation	0	5	0
jejunator	0	0	0
quadrel	0	2	0
remiped	0	1	0
zarf	0	1	0
zoonosis	0	2	0
Общее число найденных значений	0	14	0

Таблица 3. Результаты поиска профессиональных терминов в сетевых словарях.

Запрашиваемая словарная единица	Количество найденных значений		
	Lingvo	Multitran	Multilex
bilateral salpingo-oophorectomy	0	1	0
capacity of parties	0	0	0
carcinoembryonic antigen	0	3	0
Central Processing Facilities	0	8	0
commutative justice	0	0	0
costovertebral angle	0	1	0
Decision Support Package	0	4	0
Dry Low Nox Emissions	0	0	0
joinder of parties	0	5	0
jura personarum	0	0	0
membrane proliferative glomerulonephritis	0	1	0
minimum inhibitory concentration	0	1	0
mixed connective tissue disease	0	1	0
non assumpsit	0	2	0
peptic ulcer disease	0	2	0
unconditional contract	0	0	0
unstated interest	0	1	0
usurped power	0	2	0
Общее число найденных значений	0	32	0

Анализ выполнялся на выборках слов в трех группах. Первая группа слов выбрана из корпуса, содержащего более 29 млн. слов и составленного из материалов телевизионных передач и сценариев кинофильмов⁷ на английском языке. Выбранные слова занимают в частотном списке места с 30000 по 40000 – такая частотность соответствует концу словарного запаса среднего носителя английского языка. Исследователи значительно расходятся в оценках размеров словарного запаса, приводя значения от 13 тысяч⁸ до 38 тысяч⁹ слов. Поэтому представлялось разумным отобрать в группе общеупотребительных такие, которые употребляются, хоть и редко, но все же устойчиво, и их наличие в словаре могло бы свидетельствовать о его полноте.

Во второй группе находятся очень редко употребляемые слова с частотой появления в корпусе современного американского варианта английского языка¹⁰ менее 10 на 100 миллио-

М.С. Куп

нов слов. В третью группу вошли профессиональные термины – медицинские, научно-технические и юридические.

Быстродействие словаря определялась как время от введения запроса пользователя до появления результатов на экране. Поскольку большинство слов второй и третьей групп не было найдено в словарях, скорость реакции для них не определялась.

Из результатов отчетливо видно, что словарь Мультитран намного превосходит остальные ресурсы по наполнению, но уступает им в быстродействии. Кроме того, ни один из сетевых словарей не предлагает синонимов найденных значений, к тому же им всем свойственна назойливая реклама, резко снижающая способность переводчика сконцентрироваться на своей задаче¹¹.

Особую актуальность приобретает вопрос о выборе наиболее подходящих вариантов перевода в предложенных словарях результатах поиска. Переводчик ищет не все эквиваленты лексической единицы оригинала, но только уместные в том контексте, с которым он работает.

В естественной коммуникации между людьми неоднозначность, вызванная полисемией и подразумеваемыми значениями высказываний (импликатурами), устраняется в силу знания речевого контекста и ситуации общения участниками коммуникативного процесса¹². При взаимодействии человека со словарем только человек обладает знанием контекста. В этом случае коммуникация человек-машина невозможна, поскольку машине неизвестен контекст, и ее возможности найти результаты, наиболее подходящие пользователю, крайне ограничены.

Изложенные выше соображения приводят к мысли, что традиционный взгляд на словарь, как пассивный инструмент, исчерпал себя. Для выхода на новый уровень необходим новый подход. Ниже описано одно из возможных решений этой задачи.

Разработка интерактивного лексического ресурса LexSite

Можно предложить принципиально новый взгляд на лексический ресурс, как на участника коммуникативного процесса с пользователем. Но и при таком подходе пользователь не вправе ожидать осмысленной реакции машины на поток таких несвязанных высказываний, как *установка, парадигма, опыт, характер*, так же как он не мог бы этого ожидать от че-

ловека. Если же, как и при нормальном общении с человеком, словарю предоставить даже минимальные сведения о контексте, появится возможность качественно более эффективной реакции машины.

Такие соображения побудили коллектив компании Language Interface начать разработку принципиально нового лексического ресурса. Это было вызвано необходимостью в высокоэффективном лексическом инструменте. При тех требованиях к качеству и скорости перевода, которые приняты в компании, у переводчика или редактора нет возможности тратить время на ожидание отклика от словаря или на утомительный поиск нужного значения в выданных словарем результатах. Кроме того, за 16 лет работы компании в ней накопился большой объем специальной лексики и параллельных сегментов оригинал-перевод, которые было бы разумно предоставить пользователям.

В результате первого этапа работы группой разработчиков под руководством автора этой статьи создан и опубликован в Интернете общедоступный лексический ресурс LexSite¹³. В его базе данных кроме общей и специальной лексики имеются уникальные термины, накопленные в компании Language Interface за годы работы над проектами в области космических исследований и полетов, разведки и освоения месторождений, систем связи, медико-биологических, экономических исследований и в других областях знаний.

Кроме того в состав лексической базы вошли параллельные текстовые корпуса составленные из оригиналов и их переводов, сделанных в компании. Пары оригинал-перевод были перепроверены, скомпилированы и обработаны с целью исключения конфиденциальной информации, касающейся клиентов фирмы. В число таких материалов вошли переводы на английский язык около 200 российских нормативных документов (стандарты, строительные нормы, правила пожарной безопасности и т.д.), а также параллельные корпуса, составленные из юридических документов, таких как Гражданский кодекс РФ. Такое наполнение позволяет пользователю не только искать незнакомое слово, но и находить примеры его употребления, и даже готовые фразы, которые могут близко или точно соответствовать фразам из текста пользователя.

При выводе перевода слова пользователю также предлагается список синонимов, если таковые найдены в базе данных. Для повышения производительности труда переводчика экран не загромождается синонимами, но они выводятся при нажатии переключателя, расположенного рядом с переводом слова.

М.С. Куп

Это мощный инструмент, крайне необходимый переводчикам и редакторам при окончательной работе над текстами.

Уникальная особенность словаря – возможность поиска по смешанным запросам, содержащим и русские, и английские слова. Такие поиски полезны в случаях, когда переводчику понятен смысл слова, но неизвестен перевод словосочетания, и он ищет его, указав концептуальный состав (на запрос «civil строительное» будут предложены релевантные варианты: civil – архитектурно-строительный, civil engineering – строительное искусство и т.п.).

Поскольку запрошенные словоформы могут отличаться от базовых, имеющихся в словаре, при обработке запроса система ищет как точное совпадение, так и базовую словоформу. Например, на запрос перевода сочетания *на небе* словарь выдаст сначала перевод именно этого запроса (*overhead*), а уже затем базовой формы слова *небо*.

Пользователи ресурса могут вносить свои слова и их переводы, но эти дополнения публикуются только после проверки и утверждения специалистами, ведущими сопровождение словаря.

При разработке и отладке особое внимание уделялось быстрой работе словаря. В результате настройки сервера и программы удалось добиться следующих результатов:

При испытаниях интенсивностью 10 запросов в секунду, 90% пользователей получили результат менее чем за 415 миллисекунд, 98% пользователей – менее, чем за 603 миллисекунды. Другими словами, при нагрузке в 36 тысяч запросов в час только двум пользователям из ста придется ждать результата дольше, чем 0,6 секунды. Система легко масштабируется, и при необходимости ее производительность можно быстро наращивать.

Дальнейшее усовершенствование ресурса предполагает повышение релевантности выданных результатов содержанию запросов пользователя. Остановимся на этом аспекте сетевых лексических ресурсов.

Повышение релевантности поиска по словарю

Поиск по запросам пользователя словаря, согласно указанной выше концепции, должен выдавать значения наиболее релевантные контексту, с которым работает пользователь. При запросах редких лексических единиц эта задача не является существенной, например, в ответ на запрос слова *oligohidro-*

sis словарь выдаст только одно значение, и определять приоритетность выдаваемых переводов в этом случае не нужно. Если же содержанию запроса пользователя соответствует множество значений словаря, выбор нужного из этих значений можно сделать только на основании контекста, из которого выбран этот запрос. Поскольку словарь не имеет сведений об этом контексте, релевантность можно обеспечить следующими методами:

1. Определение релевантности на основании содержания запроса пользователя.

Если запрос состоит более чем из одного слова, то можно использовать сочетание слов в запросе в качестве микроконтекста. Например, слово “гражданский” может относиться ко многим областям знаний, но “гражданское строительство” сужает тематику и позволяет выбрать более релевантные контексту значения. Использование смешанных запросов, содержащих и русские, и английские слова, также дает системе некоторые указания на смысл запроса.

2. Повышение релевантности за счет применения тематических фильтров.

Все словарные единицы в словаре LexSite снабжены пометами, указывающими на тематики, к которым эти единицы принадлежат. Пользователь ресурса LexSite может выбрать тематику, в которой должно находиться искомое значение слова. Такая фильтрация существенно ограничивает количество выводимых значений и предоставляет пользователю наиболее подходящие переводы из всех, имеющихся в ресурсе.

3. Определение тематики текста по статистике запросов пользователя.

Ведя учет запросов конкретного пользователя можно попытаться сделать выводы о теме, над которой он работает. Например, если в одной группе запросов, сделанных за сравнительно небольшой период времени (от минут до часов) пользователь запрашивает такие слова, как “Генеральный секретарь”, “Департамент общественной информации” и “Изменения климата”, то можно предположить, что текст относится к деятельности ООН в по борьбе с изменениями климата (корпус таких текстов имеется в ресурсе LexSite). Это открывает возможность нахождения наиболее релевантных значений.

4. Выделение приоритета значениям с более высокой частотой появления в корпусе.

Согласно этой стратегии более высокий приоритет отдается тем переводам лексической единицы, частота появления

М.С. Куп

которых в корпусе выше. Такой метод широко применяется в поисковых системах в Интернете. Другими словами, слово *зеркало* будет в первую очередь представлено в значении применяемого в быту объекта, отражающего изображения, а уже затем – в значении 'зеркало водоема'.

Несмотря на очевидность и распространенность последнего метода, применять его надо осторожно, учитывая, что частотное распределение слов в корпусе зависит от источников, использованных при его построении. Так, слово *debridement* (санация раневой полости) находится в конце частотного списка, построенного для корпусов общей лексики; вероятность его появления в разговорной речи (4 на 100 миллионов), художественной литературе (1 на 100 миллионов) или журналах (6 на 100 миллионов) ничтожно, но в научной литературе частота его употребления в 154 раза выше, чем в художественной¹⁴, а в специальных изданиях по хирургии оно может оказаться еще более распространенным. Современные поисковые системы ведут статистический учет частоты появления слов и словосочетаний во всем просмотренном ими информационном пространстве. При использовании этого принципа редкие значения слов будут предложены в последнюю очередь. Таким образом, большинство пользователей будут удовлетворены, т.к. нужные им значения находятся на вершине кривой статистического распределения, но профессионалу, работающему со сложным текстом, придется искать необходимые значения в конце предложенного списка.

Направления дальнейшей работы над словарем

Развитие предлагаемого здесь интерактивного подхода, при котором словарь понимается не как пассивный справочник, но активный участник коммуникативного процесса, требует дополнительных исследований и экспериментов. Дальнейшая работа ведется в направлении автоматического выбора наиболее подходящего варианта среди возможных интерпретаций запросов пользователя, опираясь на прогнозируемый контекст оригинала, который он переводит. Источником информации для решения этой задачи являются запросы самих пользователей.

На отладочной стадии создания ресурса LexSite собрана база данных, содержащая около 320 тысяч запросов пользователей (при соблюдении анонимности пользователей). Как и

предполагалось, частотное распределение в этом множестве существенно отличается от найденного для корпусов разговорного и литературного американского варианта английского языка¹⁵. Разработчики ресурса предполагают, что статистика запросов отражает ряд факторов, таких как распределение уровня владения языком среди пользователей и круг интересов аудитории. Для анализа, прогнозирования контекста и, в конечном счете, нахождения релевантных значений, можно использовать целый ряд статистических параметров, таких как интенсивность запросов конкретного пользователя, распределение интенсивности во времени, соотношение направлений перевода, статистическое распределение тематик и многое другое. Для качественного анализа и построения уверенных выводов необходимо собрать более обширные статистические данные, и работа в этом направлении продолжается.

Заключение

Приведенные данные и выводы показывают, что для эффективной работы переводчика необходимы качественно новые лексические ресурсы. Они должны обладать высоким быстродействием, большим объемом лексической базы, обеспечивать легкость добавления в нее новых лексических единиц, вывод примеров употребления слов и синонимов. Новый ресурс LexSite построен с целью создания системы, которая обладала бы всеми этими качествами. Кроме того, целенаправленный поиск лексических единиц, релевантных контексту, с которым работает переводчик, открывает новые возможности повышения эффективности процесса перевода.

Примечания

- ¹ Мультитран [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://multitrans.ru>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 04.04.2010.
- ² Wikipedia: LexSite [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://en.wikipedia.org/wiki/LexSite>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 04.04.2010.
- ³ Мультитран. Указ. электронный ресурс.
- ⁴ АBBYU Lingvo Online [Electronic resource] – Режим доступа: <http://lingvo.abbyyonline.com/ru>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 04.04.2010.
- ⁵ Мультилекс: Основа безупречного перевода [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://online.multilex.ru>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 04.04.2010.

M.C. Kum

- ⁶ Rambler: Словари [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.rambler.ru/dict/ruen/>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 04.04.10
- ⁷ Wictionary: Frequency Lists [Electronic resource]. – Режим доступа: http://en.wiktionary.org/wiki/Wiktionary:Frequency_lists, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 04.04.2010.
- ⁸ *Goulden, R., Nation P., & Read J.* How large can a receptive vocabulary be? // *Applied Linguistics*, 11(4), 1990, p. 341-363.
- ⁹ World Wide Words: How Many Words? [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.worldwidewords.org/articles/howmany.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 04.04.2010.
- ¹⁰ Corpus of Contemporary American English: Mark Davies / Brigham Young University [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.americancorpus.org/>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 04.04.2010.
- ¹¹ *Hodgets H.M., Jones D.M.* Reminders, alerts and pop-ups: The cost of computer-initiated interruptions // *Human-Computer Interaction Part 1 LNCS 4550*. / Ed. J. Jacko, Berlin: Springer-Verlag, pp. 818-826.
- ¹² *Ying Guo.* Xi'an University of Finance and Economics. A Comparative Study on P. Grice's and Sperber / Wilson's Approach to Euphemism. // *US-China Education Review*, Mar. 2006, Volume 3, No.3, P.3.
- ¹³ Language Interface: LexSite [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.langint.com/lexsite>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 04.04.2010.
- ¹⁴ *Davies M.* Corpus of Contemporary American English. Op.cit.
- ¹⁵ Corpus of Contemporary American English. Op.cit.

О структуре и лингвистической терминологии грамматики Панини и ее влиянии на европейскую лингвистику

Статья посвящена определению влияния индийской грамматической традиции на становление и развитие европейской лингвистики XIX в. Анализ древнеиндийской грамматики Панини выявляет основные лингвистические понятия и принцип построения грамматики в древней Индии.

Ключевые слова: индийская лингвистическая традиция, европейское языкознание, грамматика Панини.

Знакомство европейцев с языком древней Индии (санскритом) явилось важной предпосылкой для становления нового направления в языкознании - компаративистики. Но почему именно открытие санскрита явилось толчком для формирования нового метода и появления разнообразных сопоставительных исследований, как в области сравнительно-исторического языкознания, так и в области типологии?

Во-первых, санскрит – один из древнейших языков индоевропейской семьи, представленный обширным корпусом текстов. Этот богатый и интересный лингвистический материал стал активно использоваться в сравнительно-исторических и типологических исследованиях. Долгое время санскрит служил эталоном при реконструкции индоевропейского праязыка.

Во-вторых, европейские лингвисты получили возможность познакомиться с древнеиндийской лингвистической традицией, ее достижениями и своеобразным методом. Знакомство с индийской лингвистической теорией позволило не только заложить основы сравнительно-исторического языкознания, но и развить общую теорию языка. Например, грамматика Панини *Aṣṭādhyāyī*¹ имеет огромное значение не только для практического изучения санскрита, но и для развития теоретической лингвистики, ведь именно эта грамматика впервые познакомила европейцев с уникальным методом морфологии

© Волошина О. А., 2010

ческого анализа, являясь примером математически точного и полного описания языка. Древнеиндийская грамматическая традиция была представлена как грамматикой Панини, так и многочисленными комментариями к Панини, поясняющими и дополняющими текст грамматики.²

Оперируя системой понятий европейской лингвистики, довольно трудно описать своеобразие индийской традиции. Многим терминам, особенно важным для индийской грамматики, чрезвычайно трудно найти эквивалент в системе понятий европейской лингвистики.

Традиционно при составлении европейских грамматик, а также при описании неевропейских языков использовались следующие основные лингвистические понятия: звук, слово и предложение (*vaṇa* – «звук», *pada* – «слово» и *vākya* «предложение»). Однако древнеиндийская лингвистическая традиция предлагает совершенно иной подход к описанию языка. Грамматика Панини, например, отражает своеобразное лингвистическое учение, в основе которого лежит морфонология как механизм описания словообразования и словоизменения санскрита. Поэтому знакомство с индийской грамматикой явилось важным событием для развития европейской теоретической лингвистики.

Уже во времена создания первых индийских грамматик язык древнейших ведических гимнов был мало понятен и требовал пояснений, поэтому индийскими языковедами были составлены обширные руководства для жрецов, комментирующие Веда. В частности, были созданы многочисленные трактаты о фонетических изменениях слов в Ведах, называемые *pratiçākḥā* (букв. «к каждой ветви»). Санскрит долгое время не имел письменности, поэтому все произведения индийской словесности существовали в устной форме. Не удивительно, что сильной стороной древнеиндийской лингвистической традиции было пристальное изучение звучащей речи, разработка подробных артикуляционно-акустических классификаций звуков, описание различных типов фонетических изменений на стыке слов и морфем («внешние» и «внутренние» сандхи). Даже алфавит санскрита представляет собой строгую последовательность звуков: гласные (краткие и долгие), гласные дифтонгического происхождения и собственно дифтонги, сонанты, звонкие и шумные согласные, которые, в свою очередь, сгруппированы в ряды по месту и способу образования. Бодуэн де Куртенэ писал: «Одному только древнеиндийскому (санскритскому) алфавиту... свойственен порядок, основанный на

физиологическом и акустическом родстве и на естественной последовательности ассоциируемых с графемами произносительно-слуховых элементов. Поэтому изучение санскритского алфавита может служить прекрасным введением в общую фонетику». ³ Можно сказать, что знакомство с древнеиндийской классификацией звуков речи способствовало развитию общей фонетики в работах европейских лингвистов.

Древнеиндийская грамматика (*vyākaraṇa* – букв. «расчленение», «анализ») представляла собой описание способов построения словоформ из исходных единиц – морфем.

Основными морфемами, которые используются при синтезе словоформ в *Aṣṭādhyāyī*, являются глагольный корень, именная основа и многочисленные аффиксы. Понятие корня – *dhātu* («руда, металл, основной элемент») было краеугольным камнем не только грамматики Панини, но и большинства древнеиндийских грамматик. Корень являлся основной исходной единицей при построении различных словоформ. Он использовался и при именном, и при глагольном словообразовании.

Наряду с глагольным корнем, важным для грамматической системы санскрита является понятие именной основы – *prātipadika*. Например, *ḥrt-taddhita-samāsaḥ ca (prātipadika)* – «основы, оканчивающиеся на *ḥrt* или *taddhita* аффиксы, а также основа сложного слова есть именная основа (*prātipadika*)».

Кроме глагольного корня и именной основы важнейшим понятием в системе грамматики Панини является понятие аффикса (*pratyaya*). Ведь именно разные типы аффиксов играют важную роль при синтезе различных словоформ. Глагольные и именные основы образуются при помощи так называемых первичных глагольных и именных суффиксов. При дальнейшем производстве словоформы к основам присоединяются флексии (вторичные глагольные и именные именные суффиксы).

В грамматике Панини используются специальные термины для обозначения различных типов аффиксальных морфем. Например, термин *ḥrt* обозначает первичные именные суффиксы (присоединяемые к корню), а *taddhita* – вторичные именные суффиксы.

Не удивительно, что слово (точнее словоформа) определяется у Панини как последовательность определенных морфем. Панини дает следующее определение слова (*pada*): словом является то, что оканчивается на глагольные флексии (*tiṅ*) или именные флексии (*suP*). Используя термин *pada* при обозначении результата синтеза словоформ, Панини, таким образом, понимает слово как грамматически оформленную единицу,

противопоставляя его грамматически неоформленной основе (*aīga*).

Таким образом, в основе грамматики Панини лежит принцип образования словоформ при помощи правил-сутр: по определенным правилам мы можем присоединять к корню именные или глагольные аффиксы и получать, соответственно, именные или глагольные словоформы.

Приведем пример синтеза глагольной словоформы от корня *lih* – «пробовать на вкус, лизать».

Для того чтобы образовать форму повелительного наклонения второго лица единственного числа, присоединяем к глагольному корню окончание императива второго лица единственного числа: **lih-dhi*.

Однако, согласно правилу (кн. 8, гл. 2, сут. 31), *h > dh* в том случае, если *h* является *saṃyogādi*, то есть первым компонентом группы согласных (кн. 8, гл. 2, сут. 29), и если присоединяемый аффикс начинается с *jhaL* согласных, то есть всех согласных, за исключением носовых и полугласных (кн. 8, гл. 2, сут. 26).

Далее происходит ассимиляция согласных звуков **liḍh-dhi > liḍh-dhi* (кн. 8, гл. 4, сут. 41). Согласно правилу (кн. 8, гл. 3, сут. 13), согласный *ḍh* выпадает перед *dh*, а гласный *i* становится долгим (кн. 6, гл. 3, сут. 111). В результате этих изменений получается словоформа *liḍhi*.

Исходя из того, что морфология обеспечивает построение словоформы языка, а основой морфологии является способность словоформы члениться на меньшие значимые единицы языка – морфемы, можно утверждать, что грамматика Панини посвящена именно описанию **морфологии** санскрита, а основным лингвистическим понятием является **морфема**.

Известно, что самые первые исследователи санскрита отмечали явное сходство большого количества слов древнеиндийского языка со словами латинского, греческого, германских, романских и славянских языков. Однако, поскольку лексические параллели признавались менее надежными, языковеды стали сопоставлять части слова – морфемы. Вероятно, именно знакомство с древнеиндийской лингвистической традицией помогло европейцам осознать теоретическую важность понятия морфемы для описания языка.

В 1816 г. появляется научная работа, заложившая основы сравнительно-исторического метода. Это книга Франца Боппа (1791–1867) «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков». В этой работе Бопп впервые сформули-

ровал понятие корня. Автор сопоставлял корни и глагольные флексии некоторых индоевропейских языков, пытаясь выяснить происхождение словоформ. Бопп считал, что индоевропейское слово представляет собой соединение корня и личного местоимения, которое постепенно превращается в глагольную флексию. Для доказательства этой теории (теории агглютинации) Бопп привлекал материал разных индоевропейских языков, в которых надеялся обнаружить глагольные флексии, легко возводимые к личным местоимениям.

Бопп писал: «Мы должны прежде всего познакомиться с системой спряжения древнеиндийского языка и обозреть сравнительно с ней греческое, латинское, германское и персидское спряжение, тем самым мы обнаружим их тождество, вместе с тем увидим последовательное и постепенное разрушение простого языкового организма и усмотрим тенденцию к замене его механистическими сочетаниями, из чего возникло подобие нового организма, когда элементы этих сочетаний сделались неузнаваемы».⁴

Единственное число

	<i>Санскрит</i>	<i>Латинский</i>	<i>Греческий</i>	<i>Славянский</i>
1.	bharāmi	fero	φέρω	БЕРЖ
2.	bharasi	fers	φέρεις	БЕРЕШИ
3.	bharati	fert	φέρει	БЕРЕТЬ

Множественное число

1.	bharāmas	ferimus	φέρομεν	БЕРЕМЪ
2.	bharatha	fertis	φέρετε	БЕРЕТЕ
3.	bharanti	ferunt	φέρουσι	БЕРЖТЪ

Доказать свою теорию агглютинации Боппу так и не удалось. До сих пор лингвисты не могут ни защитить эту теорию, ни опровергнуть. Однако, изучив спряжение глагола в выше-названных языках, Бопп установил их родство и объединил эти языки в особую языковую семью, которую назвал индогерманской (т.е. индоевропейской) семьей языков. Согласно Боппу, сходство глагольных окончаний, наряду со сходством корней, может служить надежной гарантией для установления родства языков, поскольку корни могут заимствоваться, а система грамматических окончаний, как правило, заимствована быть не может.

Не случайно, в центре исследования Боппа находится санскрит – основа для сравнения индоевропейских языков. Именно язык индийцев был, по мнению автора, древнейшим из дошедших до нашего времени индоевропейских языков и, таким образом, оказался наиболее приближен к праязыку.

Кроме того, Бопп считал, что санскрит обладает наибольшими способностями к передаче самых различных грамматических значений совершенно органическим образом – посредством внутренней флексии и изменения основ.

Немецкие лингвисты начала 19 века считали высшим достижением языкового развития возможность языка выражать грамматическое значение посредством чередования звуков корня («внутренняя флексия»). Максимальное использование внутренней флексии как средства выражения грамматического значения немецкие языковеды обнаружили в санскрите.

Как известно, при словоизменении и словообразовании санскрита большую роль играло чередование гласных в корне слова. Традиционно различаются три ступени чередования гласных: нулевая ступень, ступень *guṇa* и ступень *vṛddhi*. Например,

слабая ступень	ступень <i>guṇa</i>	ступень <i>vṛddhi</i>
Нуль	<i>a</i>	<i>ā</i>
<i>i</i>	<i>e</i>	<i>ai</i>
<i>u</i>	<i>o</i>	<i>au</i> и т.д.

Так корень *as* «быть» образует формы с разными ступенями чередования гласных: *s- \ as \ ās-*; корень *ni-* «нести»: *ni- \ ne- \ nai-*, а корень *ṣri* «слушать»: *ṣri- \ ṣro- \ ṣraui-* и т.п.

Таким образом, в санскрите при образовании различных грамматических форм огласовка корня может быть разная, то есть чередование гласных в корне является средством выражения грамматического значения. Эта яркая особенность древнеиндийского языка поразила европейских лингвистов, тем более что это явление немецкие языковеды могли наблюдать и в других индоевропейских языках (например, в древнегреческом, а также в родном немецком и в других германских языках). По признаку наличия или отсутствия «внутренней флексии» немецкие ученые, например, Фридрих и Август Шлегель предложили первые типологические классификации языков.

Становление теории аблаута германских языков Я. Гримма («История немецкого языка» 1848 г.) происходило под влиянием изучения автором древнеиндийского языка и основных понятий индийской лингвистической традиции.

Ученик Бодуэна де Куртенэ Николай Крушевский попытался показать важность чередований гласных корня для выражения грамматических значений на материале старославянского языка («К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма» 1881). В названии работы Крушевский использует термин древнеиндийских грамматистов, обозначаю-

ций одну из ступеней чередования гласных санскрита. Автор пытается найти следы грамматических чередований в старославянском языке – огласовка корня на -о характерна для именных форм, а огласовка на -е/-и – для глагольных. Например:

воз // везти,
нос // нести,
ток // течь
мор // умереть
сбор // собирать, собрать
гроб // погребать.⁵

Анализируя подобные примеры, автор стремится воссоздать такую же стройную систему «внутренней флексии», какую мы находим в древнеиндийском языке.

Помимо изменения огласовки корня, в санскрите происходят многочисленные изменения аффиксальных морфем при синтезе словоформ. Внешний облик каждой морфемы зависит от соседних морфем, то есть от контекста, в котором выступает морфема. Это свойство (контекстная вариативность морфем) присуще всем индоевропейским языкам, но важность теоретического осмысления этой особенности индоевропейской морфологии стала очевидна после знакомства с санскритом, поскольку именно в санскрите вариативность морфем в словоформе представлена наиболее широко.

Например, существительное *bodha* «пробуждение» образовано от глагола *bodh-* «будить». От этого же глагола с помощью суффикса *-ta* может быть образовано причастие со значением «пробужденный», но оно будет выглядеть так – *Buddha*: присоединение суффикса *-ta* меняет гласный корня *o* на *u*, глухой согласный *t* влияет на *dh*, которое теряет придыхание, а *dh* озвончает глухое *t* и делает его придыхательным – *dh*, то есть ($dh + t = ddh$). Слово *yoga* «соединение» образовано от корня *yuj-* «соединять», а причастие будет *yukta* (*yuj+ta*) звук превращается в *g*, а затем оглушается.

В своей грамматике Панини не использует материал по фонетике санскрита, широко представленный в трактатах *pratiśākhā*, так как при описании механизма образования словоформ необходимо было лишь подчеркнуть роль звуковых изменений при словоизменении. Как уже было сказано, индийский алфавит представляет собой строгую и исчерпывающую фонетическую классификацию звуков, чрезвычайно удобную для описания фонетики санскрита. Однако задачей труда Панини является описание не фонетики, а грамматики санскрита. Поэтому Панини не использует в своей работе ал-

фавитное расположение звуков, но создает новую классификацию, представляющую собой морфонологические классы звуков.

Ярким свидетельством неповторимости и неожиданности того подхода к языку, принципа устройства грамматики, который был предложен Панини в *Aṣṭādhyāyī*, является легенда о том, что сам бог Шива подарил автору знаменитые списки звуков санскрита, названные в честь дарителя Шива-сутрами. Этот список предшествует основному тексту грамматики и представляет собой 14 рядов звуков, расположенных в определенной последовательности.

1.	a	i	u													Ṇ	
2.	r	ḷ															Ḳ
3.	e	o															Ṇ̄
4.	a	i	a	u													Ḷ
5.	h	y	v	r													Ṭ
6.	l																Ṇ̄
7.	ñ	m	ñ	ṇ	n												Ṃ
8.	j	h	bh														Ṇ̄
9.	gh	ḍh	ḍh														Ṣ
10.	j	b	g	ḍ	d												Ṩ
11.	kh	ph	ch	ṭh	th	c	ṭ	t									Ṃ
12.	k	p															Ṃ
13.	ç	ṣ	s														Ṃ
14.	h																Ṃ

Шива-сутры представляют собой 14 сутр (в таблице последовательность сутр обозначена цифрами), каждая сутра содержит группу звуков и показатель конца фонетического класса – так называемую «пустую» метку (в таблице обозначен заглавной буквой). Традиционно индийские грамматисты называли такую пустую метку *anubandha* («индикатор», «показатель»).

Даже поверхностное изучение Шива-сутр позволяет убедиться в том, что звуки объединены в группы на основе их фонетической характеристики. Собственно, сами пратьяхары (сокращенные обозначения рядов звуков), составленные на основе Шива-сутр, являются техническими обозначениями фонетических групп звуков. Например, первая и вторая сутры объединились в пратьяхару *aḶ*, которая содержит простые гласные (монофтонги). Пратьяхара *eḶ* обозначает гласные дифтонгического происхождения – *e*, *o* и собственно дифтонги – *ai*, *au*. Далее следуют полугласные звуки, носовые сонан-

ты и т.д. Пратьяхара ṣaR является техническим обозначением свистящих согласных – сибилантов.

Шива-сутры, помимо фонетических характеристик звуков, содержат еще информацию о поведении звуков в составе морфем при образовании словоформ, то есть представляют собой инструмент для описания **морфонологии** санскрита.

Например, пратьяхара $e\bar{N}$ (третья сутра) и пратьяхара $ai\bar{C}$ (четвертая сутра) позволяют кратко сформулировать важные для санскритской грамматики законы о чередовании звуков в ступени $gu\bar{a}$ и $v\bar{r}ddhi$. Пратьяхара $ya\bar{N}$ (часть пятой сутры и шестая сутра) и пратьяхара $i\bar{K}$ (часть первой сутры и вторая сутра) составляют правило замены указанных гласных на соответствующие им полугласные при определенных условиях.

Шива-сутры составлены таким образом, что служат двойной цели: во-первых они представляют собой фонетическую классификацию звуков санскрита, во-вторых, они используются автором для описания морфологии санскрита, являются как бы ключом для расшифровки правил, изложенных в грамматике. Состав Шива-сутр не был случайным, но отражал принцип построения всей грамматики, так как звуки были сгруппированы по их функциям и поведению в процессе строительства морфем и слов. Звуки одного класса обладали одинаковыми свойствами при построении морфем или участвовали в специфических чередованиях, то есть использовались при описании морфологии санскрита.

Таким образом, Панини интересуется не описанием звуков речи, а та роль, которую играют классы однородных звуков при описании грамматики санскрита. Изучение фонетических терминов, встречающихся в тексте грамматики Панини, дает основание утверждать, что важной составной частью лингвистической концепции автора была морфонология, которая использовалась при описании санскрита.

Анализ звуков в Шива-сутрах позволяет установить принцип морфемного анализа языка как краеугольный камень построения всего корпуса грамматики Панини.

Очевидно, что именно знакомство европейцев с индийскими грамматиками помогло создать новую лингвистическую область – **морфологию**, а также обратить внимание на вариативность морфем в составе словоформ (**морфонология**).

Кроме того, не следует забывать о мнемотехнической функции Шива-сутр, ведь они играли огромную роль в создании лаконичных, легко запоминающихся правил, обозначая кратким символом пространственные звуковые ряды. Таким образом, пра-

тяхары, являясь средством экономного описания грамматических правил, стала важнейшим элементом мнемотехники, обеспечившим долгое существование индийской грамматики в устной традиции.

Устный характер передачи знаний в древней Индии способствовал разработке экономных мнемотехнических приемов. Критерий экономности оказал решающее методологическое влияние на самый способ подачи грамматического материала в грамматике и обусловил внутреннюю логику процесса формализации.

Стремление к строгой экономии при составлении сутр было важнейшим принципом составления грамматик, следствием которого были разнообразные приемы описания: пратьяхары, анубандхи, технические обозначения и метаправила – правила, указывающие способ употребления правил. Важной предпосылкой формирования технических обозначений и символов явилось понимание индийскими грамматистами класса лингвистических единиц. Системное описание языка основано на способности объединять лингвистические единицы в классы, распределять по группам, абстрагируясь от конкретных реализаций лингвистических единиц.

Пратьяхары – сокращенные ряды каких-либо элементов, расположенных в определенном порядке (это может быть список звуков, морфем или даже слов, если порядок единиц в списке фиксирован).

Кроме рядов звуков в Шива-сутрах пратьяхары могут обозначать различные группы аффиксов. Например, пратьяхары $ti\bar{N}$ и suP обозначают личные окончания глаголов и падежные окончания имен существительных.

Так, $ti\bar{N}$ – символическое обозначение личных окончаний глагола в системе $para\text{smā}ipada$ и $\bar{a}tmanepada$. При спряжении глаголов в настоящем времени используются 18 окончаний (9 в системе $para\text{smā}ipada$ и 9 в системе $\bar{a}tmanepada$). Все эти окончания обозначаются пратьяхарой $ti\bar{N}$ (первый член парадгмы спряжения - окончание третьего лица единственного числа $para\text{smā}ipada - ti$) и анубандха \bar{N} (анубандха последнего члена парадгмы $\bar{a}tmanepada - 1$ лица единственного числа).

para smā ipada

	Единственное число	Двойственное число	Множественное число
3 лицо	tiP	taS	nti
2 лицо	siP	thas	tha
1 лицо	miP	vas	mas

ātmanepada

	Единственное число	Двойственное число	Множественное число
3 лицо	ta	atas	nta
2 лицо	as	athas	dhvam
1 лицо	iT	vahi	mahiN

Таким образом, первое окончание в списке (по индийской традиции это окончание 3-го лица) и анубандха последнего окончания может служить названием всей совокупности личных форм.

Кроме того, в грамматике встречаются термины, которые являются символическим обозначением списка слов. Такой термин, употребленный в правиле, свидетельствует о том, что данное правило относится ко всему списку слов. Подобные объединения слов нередки в санскритских грамматиках, поскольку позволяют наиболее кратко, экономно формулировать языковые закономерности.

Примером таких терминов-символов могут служить названия десяти классов санскритских глаголов. Каждый класс, представленный списком глагольных корней, обозначается термином, который состоит из первого глагольного корня в списке и слова *ādi* – «начиная с...». Например, *bhū-ādi* (*bhvādi*) – техническое обозначение списка корней, который начинается с корня *bhū* – «быть».

Наличие системы технических обозначений, различных пратьяхар и анубандх является отличительной чертой научного стиля Панини. В большинстве случаев именно закодированность языка, необходимость расшифровывать символы, используемые в сутрах, затрудняет чтение и понимание текста *Aṣṭādhyāyī*.

Примененный Панини подход можно с полным основанием назвать системным, что отчетливо прослеживается уже на примере композиции его труда. Композиция грамматики такова, что при анализе конкретных языковых форм необходимо привлекать знание всей системы описания. Синтез некоторых словоформ может основываться на большом количестве правил, которые содержатся в разных частях грамматики. Поэтому пользование грамматикой подразумевает обязательное знание всего текста грамматики.

Важной особенностью грамматики Панини является полнота описания языка, то есть модель синтеза словоформ полностью охватывает все случаи образования слов. Важным след-

О. А. Волошина

ствием последовательного синтеза словоформ из исходных морфем является понятие нулевой морфемы – *lora* («исчезновение»). Понятие нулевой морфемы и сам принцип системного подхода к языку появились в европейской лингвистике не без влияния индийской лингвистической традиции.

Механизм словоизменения и словообразования в языке Панини должен рассматриваться как модель закрытого типа, не допускающая существования словоформ, правила построения которых не были включены в грамматику. Следует заметить, что грамматика Панини основывалась на строго синхронном подходе к языковым явлениям. Такая модель была воспринята как образец для описания языка дескриптивной лингвистикой.

Таким образом, основные лингвистические понятия индийской грамматики, а также сам метод описания языка древнеиндийских языковедов оказали несомненное влияние на становление компаративистики и развитие теории общего языкознания в Европе.

Примечания

- ¹ *Vasu.Srusa Chandra* The Astadhyayi of Panini. Delhi-Varanasa-Patna, 1891.
- ² Об индийской грамматической традиции и грамматике Панини см. *Катенина Т.Е., Рудой В.И.* Лингвистические знания в древней Индии // *История лингвистических учений. Древний мир.* Л., 1980. с. 66-92.
- ³ *Бодуэн де Куртэнэ И.А.* Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912. С.91.
- ⁴ *Bopp Fr.* Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprachen. Frankfurt am Main., 1816, 8.
- ⁵ *Крушевский Н.В.* К вопросу о гунне. Исследование в области старославянского вокализма // *Крушевский Н.В.* Избранные работы по языкознанию. М.: Наследие, 1998. С. 92.

Е.А. Иванова

Годы учения А. А. Реформатского: Московский университет

Статья посвящена годам учения А.А. Реформатского в Московском университете в 1918–1923 годах. Описываются возникавшие тогда предпочтения и научные контакты, ставшие фундаментом его научной деятельности.

Ключевые слова: А.А. Реформатский, П.Н. Сакулин, М.А. Петровский, Д.Н. Ушакова и В.К. Поржезинского, взаимодействие лингвистических и литературоведческих интересов, противоречие факта и обобщения, зарождение исследований текста.

Становление А.А. Реформатского как ученого происходило в период бурного и очень плодотворного развития российского гуманитарного знания. И в лингвистике, и в литературоведении, и в других гуманитарных науках в 1920-е годы активно работали многие выдающиеся ученые. Чтение их трудов, личные контакты с ними не могли не сказаться на формировании научных взглядов и творческой личности А.А. Реформатского.

Уже к 30-м годам Реформатский сложился как ученый и практик, в деятельности которого объединилась в той или иной степени вся основная проблематика языкового строительства: разработка алфавитов, нормализация орфографии, создание терминологии, унификация транскрипции, создание научных издательского дела, стандартизация школьных учебников и некоторое другое. Из анализа работ Реформатского этого периода, видно, что он воспринимает все эти проблемы как проблемы сугубо лингвистические, относит их к области практической лингвистики.¹

Историко-научный анализ становления лингво-семиотических взглядов А.А. Реформатского позволяет выявить теоретические предпосылки и методологическую специфику его подхода к прикладным задачам, сделавшие возможным формирование оригинальной лингво-семиотической теории печатного текста.

Исходной точкой в этом становлении была учеба Реформатского в 1918–1923 гг. в Московском университете. Возникавшие тогда предпочтения и научные контакты со временем стали

© Иванова Е.А., 2010

фундаментом его оригинальной и энциклопедически многогранной научной деятельности.

Начало обучения Реформатского совпало с характерными для эпохи серьезными структурными изменениями внутри университета. В Московском университете в мае 1919 года был создан факультет общественных наук (ФОН), на который с историко-филологического факультета было перенесено историческое отделение. Филологический факультет остался самостоятельным подразделением, но в 1921 г. и он подвергся реорганизации, превратившись сразу в два отделения все того же ФОН: литературно-художественное и этнолого-лингвистическое.²

Эти преобразования неизбежно создавали определенную эклектику учебного процесса.

Поступив в 1918 году на историко-филологический факультет Московского университета, Реформатский закончил этнолого-лингвистическое отделение ФОН.³ Между «литературным» и «лингвистическим» выбор был сделан в пользу второго. Но характерной чертой университетского периода обучения Реформатского является возникновение и становление взаимодействия интересов сразу в двух областях: литературоведении и лингвистике.

Первоначально Реформатского привлекло литературоведение. Одно из первых влияний, которым он подвергся в университете, было связано с его учебой у П.Н. Сакулина⁴, занятия с которым в той или иной мере продолжались с начала обучения и до 1922 года, когда наступил перелом. В «Сакулинском кружке» Реформатский в ноябре 1921 года прочел свой первый научный доклад о композиции романа Достоевского «Игрок»⁵; отметим здесь также свидетельство В.А. Виноградова о том, что занятия в семинаре были для Реформатского «полезной школой лекторского мастерства и научной дискуссии».⁶

П.Н. Сакулин, вернувшийся в Московский университет после февральской революции 1917 года (в 1911 году он был среди тех, кто вышел из состава преподавателей Московского университета, протестуя против реформ тогдашнего министра просвещения Л.А. Кассо), читал лекции по истории и теории русской литературы. П.Н. Сакулин наследовал традиции историко-культурной школы. Его учителями были Н.С. Тихонравов и А.Н. Пыпин. Характерными особенностями научного творчества П.Н. Сакулина были широчайший энциклопедизм, знание огромного фактического материала по истории русской литературной жизни, и стремление к построению обобщающей интерпретации историко-культурного материала.

В 1920-е гг. он «раскрылся как теоретик и методолог литературоведения»⁷. О направлении и размахе его поисков достаточно красноречиво говорят заглавия трех его последних книг: «Синтетическое построение истории литературы»⁸, «Социологический метод в литературоведении»⁹, «Теория литературных стилей»¹⁰.

В конце жизни, беседуя с Дувакиным, Реформатский вспоминал о П.Н. Сакулине достаточно скептически: «Надо сказать, что мне приходилось много сталкиваться с Пал Никитичем Сакулиным до начала двадцать второго года. Вот и по кружку¹¹ и по университету. Он читал какие-то странные курсы»¹². Странность этих курсов Реформатский видел в «безразличном синтетизме», эклектике, хаотичности. Но можно думать, что этот скептицизм не был у Реформатского поздним приобретением, а возник уже в 20-е гг. Аргументом в пользу такого предположения могут служить высказывания о работах Сакулина, сделанные в 1925 г. другим представителем молодого поколения филологов, – Г.О. Винокуром¹³, уже с 1922 г. ставшим одним из ближайших друзей и научных единомышленников Реформатского.¹⁴

О литературоведческих склонностях студента Реформатского говорит и его учеба у М.А. Петровского. Петровский читал в университете лекции по романской филологии и истории средневековой литературы. Но Реформатского привлек семинарий М.А. Петровского «Композиция новеллы у Мопассана» (ср. одноименную статью М.А. Петровского¹⁵), который он начал посещать в 1921–1922 годах.¹⁶ Эти занятия, проводившиеся, по оценке Ханзен-Лёве, в русле немецкой «телеологической традиции»¹⁷, ориентированы были уже не на реконструкцию широкого круга историко-литературных феноменов, как то было у П.Н. Сакулина, а на аналитическое описание отдельного текста.

Именно в ходе участия в семинарии Петровского, а также под влиянием докладов последнего о «Выстреле» Пушкина и «Вечном муже» Достоевского (оба позднее опубликованы¹⁸) было выполнено первое напечатанное Реформатским научное исследование¹⁹, открывавшееся благодарностью учителю «за все советы и указания, положенные в основание этой работы»²⁰.

«Опыт анализа...» был составлен из двух докладов Реформатского о композиции новеллы «Un coq chanta» («Петух пропел») Мопассана. Первый – теоретический был сделан на Сакулинском семинаре, а второй, «содержащий конкретный анализ», в семинаре Петровского и в ОПОЯЗе.²¹

О некоторых собственно лингвистических темах, затронутых в «Опыте анализа...», подробнее говорится в связи с другим влиянием, испытанным молодым ученым.²² Здесь же отметим, что брошюра 1922 года (вместе с исследованиями Петровского) до сих пор находится в поле зрения историков теории сюжета и композиции, и некоторые исследователи даже считают ее идеи более плодотворными, нежели классические построения Б.В. Томашевского.²³

С «Технической редакцией книги»²⁴ – центральной работой издательско-полиграфического цикла – «Опыт анализа...» связывает общность научного подхода к изучаемому объекту. И в том, и в другом случае это описание структуры текста (в первой работе – композиции новеллы, во второй – печатного оформления, отражающего структуру и содержание текста) и особенностей ее функционирования.

Но к моменту выхода «Опыта анализа...» Реформатский уже предпочел продолжать учебу не на литературном, а на этнолого-лингвистическом отделении ФОНа, т.е. специализировался по лингвистике.

Первые пропедевтические лингвистические курсы он слушал у двух непосредственных учеников Ф.Ф. Фортунатова – Д.Н. Ушакова и В.К. Поржезинского. Характерно, что в педагогической сфере между этими выдающимися учеными сложилось своеобразное разделение: В.К. Поржезинский первым выделил «Введение в языкознание» как особый учебный предмет и строил его как чисто лекционный курс. Ушаков же, прежде чем сам стал читать лекции по этому курсу, разработал к нему систему практических занятий, давших затем начало знаменитому просеминарию по языковедению (в котором занимались и Реформатский, и другие видные представители второго поколения МЛШ – «ушаковские мальчишки»). Отличались и идейные основы: Поржезинский основную задачу лингвистики видел в истории языка, Ушаков же признавал равноправие описательного, исторического, сравнительного и социологического подхода к языку.²⁵

Очень быстро интересы Реформатского начинают склоняться в сторону конкретного языкового материала в противовес лингвистическим абстракциям, в сторону живого современного русского языка, в противовес компаративистическим штудиям. И именно Д.Н.Ушаков оказывает на него в этом отношении большое влияние. Впервые Реформатский увидел Д.Н. Ушакова «на знаменитом и традиционном его “просеминарии” по русскому языку, где молодые лингвисты получа-

ли гораздо большее крещение, чем на лекциях по «Введению в языковедение», которое читал очень учено, но не слишком увлекающе высокообразованный В.К. Поржезинский». ²⁶ Из обсуждавшихся на занятиях у Ушакова тем Реформатский вспоминал позднее: «и звуки и буквы, и “вещественное и формальное значение”» ²⁷.

В 1922 году Реформатский, как и другие студенты, был привлечен Ушаковым «к выборке лексического и грамматического материала из сочинений писателей двадцатого века для нового словаря. Это был первый этап работы над будущим Ушаковским словарем <...> Вот тогда началась эта работа, но потом она на долгие годы прекратилась. Мне достался материал – тексты Пришвина. Я впервые и в обязательно медленном чтении, поскольку так это надо было по работе, познакомился с этим замечательным писателем». ²⁸

В июне 1923 года Реформатский окончил университет. Его выпускной работой, написанной под руководством Д.Н. Ушакова, были «Материалы к описанию языка Курбского». ²⁹

Характерно, что оба направления научных интересов начинающего ученого – и в литературоведении, и в лингвистике – развиваются практически по одному и тому же вектору. Ненаблюдаемым, постулируемым объектам (историко-литературный процесс, литературный стиль, праязык) Реформатский предпочитает объекты конкретные, наблюдаемые (новелла, звук, слово), а умозрительным обобщениям – скрупулезный и точный («формальный») анализ фактов. Не случайно определение «формальный» в 1910–1920-х годах прилагалось не только к известному направлению в литературоведении, но и к фортунатовской (Московской) лингвистической школе. ³⁰

Это наблюдение подтверждается и тем, как сам Реформатский объяснял свой «отказ от литературоведения и переход всецело на лингвистические рельсы»: «надо изучать данность, а не то, что за ней стоит. Данность – это текст и его морфология. А текст – это, прежде всего, язык. И хорошим поэтиком, специалистом по поэтике, может быть лишь тот, кто хорошо и правильно понимает язык» ³¹. (Подчеркнуто мною – Е.И.)

Среди тех языковых единиц и явлений, исследованию которых Реформатский мог научиться у Ушакова, текста не было и не могло быть: такого понятия вообще не было в арсенале тогдашней лингвистики. Но композиция, которую он изучал с Петровским, была свойством именно текста, и потому появление этого понятия у Реформатского очень естественно.

В лингво-семиотической теории, да и практически во всех прикладных работах полиграфического цикла, текст будет одним из базовых, краеугольных понятий. В них Реформатский будет всегда демонстрировать прекрасное знание не просто самих литературных текстов, но и их типологии, и особенностей их публикации. Всем этим он, сколько можно судить, в определенной степени был обязан своеобразному соединению литературоведческой и лингвистической линий его обучения.

Примечания

- ¹ *Иванова Е.А.* Лингво-семиотическая теория печатного текста А.А. Реформатского (по материалам работ издательско-полиграфического цикла 1930-х годов) / Дисс. на соискание учен. Степени канд. фил. наук. На правах рукописи М. 2009. 282 с.
- ² *Ремнева М.Л., Соколов А.Г.* История организации филологического факультета Московского университета и становление его структуры // Филологический факультет Московского университета: Очерки истории / 3-е изд., испр. и доп. Под общей ред. М.Л. Ремневой. М.: Изд. Моск. Ун-та, 2007. С. 21; *Кочергина В.А.* Кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания // Филологический факультет Московского университета: Очерки истории / 3-е изд., испр. и доп. Под общей ред. М.Л. Ремневой. М.: Изд. Моск. Ун-та, 2007. С. 351.
- ³ *Виноградов В.А.* Александр Александрович Реформатский (1900–1978) // *Реформатский А.А.* Лингвистика и поэтика / Отв. ред. Г.В. Степанов; сост. В.А. Виноградов. М., 1987. С. 7; *Мельчук И.А.* Памяти Александра Александровича Реформатского (16.X.1901 – 3.V.1978) // *Мельчук И.А.* Русский язык в модели «Смысл-Текст». Москва-Вена: Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1995. С. 584.
- ⁴ *Реформатская Н.[В.]* Из воспоминаний студенческих лет (1919-1924) // Вопросы литературы. – М.: «Известия», 1982. – № 4. – С. 106.
- ⁵ *Виноградов В.А.* Александр Александрович Реформатский... С. 7-8.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Минералов Ю.И.* Сакулин Павел Петрович // Русские писатели. 1890-1917: Биографический словарь. Т.5. М.: Большая Рос. Энцикл., 2007. С. 455.
- ⁸ *Сакулин П.Н.* Синтетическое построение истории литературы. М., 1925.
- ⁹ *Сакулин П.Н.* Социологический метод в литературоведении. М., 1925.
- ¹⁰ *Сакулин П.Н.* Теория литературных стилей. М., 1927.
- ¹¹ Об участии П.Н. Сакулина в работе МЛК дают представление аннотации протоколов заседаний, приводимые в работе: *Баранкова Г.С.* Материалы к истории Московского лингвистического кружка // Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Г.О. Винокура и современность / Отв. ред. С.И. Гиндин, Н.Н. Розанова. М.: Научный мир, 1999.

- ¹² *Беседа* В.Д. Дувакина с А.А. Реформатским 24 ноября 1973 / Расшифровка Т.В. Жуковой // Научная библиотека МГУ. Отдел фонодокументов. Копия из архива М.А. Реформатской.
- ¹³ *Якобсон Р.О., Винокур Г.О.* Переписка / Публ., подг. текста и примеч. С.И. Гиндина и Е.А. Ивановой // Новое лит. обозрение, 1996. № 21. С. 91-92.
- ¹⁴ Подробнее см. об этом *Иванова Е.А.* Лингво-семиотическая теория печатного текста А.А. Реформатского... С. 78-83.
- ¹⁵ *Петровский М.А.* Композиция новеллы у Мопассана // Начала. 1921. №1. С. 106-127.
- ¹⁶ *Виноградов В.А.* Александр Александрович Реформатский... С. 8.
- ¹⁷ *Ханзен-Лёве Оге А.* Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения / Пер. с нем. С. А. Ромашко. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 260 (Studia philologica)
- ¹⁸ *Петровский М.А.* Морфология Пушкинского «Выстрела» // Проблемы поэтики / сб. под ред. В.Я. Брюсова. М.; Л.: Земля и фабрика, 1925. С. 169-204; *Петровский М.А.* Композиция «Вечного мужа» // *Достоевский* (сборник). «Труды Государственной академии художественных наук», Литературная секция, вып. 3, Москва 1928 С. 115-161.
- ¹⁹ *Реформатский А.А.* Опыт анализа новеллистической композиции. М., 1922; *Реформатский А.А.* Опыт анализа новеллистической композиции. [Изд. 2] // Семиотика. М.: Прогресс, 1983.
- ²⁰ *Реформатский А.А.* Опыт анализа... [Изд. 2] С. 557.
- ²¹ *Виноградов В.А.* Александр Александрович Реформатский... С. 8.
- ²² *Иванова Е.А.* Лингво-семиотическая теория печатного текста А.А. Реформатского (по материалам работ издательско-полиграфического цикла 1930-х годов) / Дисс. на соискание учен. Степени канд. фил. наук. На правах рукописи М. 2009. С. 78-83.
- ²³ *Ханзен-Лёве Оге А.* Русский формализм... С. 259-263
- ²⁴ *Реформатский А.А.* [При участии *Каушанского М.М.*] Техническая редакция книги. Теория и методика работы / Под ред. Д.Л. Вейса. [М]: Гос. изд. легкой промышленности, 1933. 414 с.
- ²⁵ *Кочергина В.А.* Кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания... С. 347-348.
- ²⁶ *Реформатский А.А.* Из «дебрей» памяти (Мемуарные зарисовки) / Публикация, подготовка текста, предисловие и примечания М.А. Реформатской // Новый Мир. 2002, №12.
- ²⁷ Там же
- ²⁸ *Беседа...*
- ²⁹ *Мельчук И.А.* Памяти Александра Александровича Реформатского... С. 584.
- ³⁰ *Панов М.В.* Дмитрий Николаевич Ушаков: Жизнь и творчество / [Изд. 2-е] // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. М.: Языки слав. культур, 2007. С. 743.
- ³¹ *Беседа...*